

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Шавеко Николай Александрович

ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ РУДОЛЬФА ШТАММЛЕРА

Специальность: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о
праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Фролова Елизавета Александровна

Москва - 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Биография и творчество Рудольфа Штаммлера	11
Глава I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
1. Генетический и систематический методы исследования.....	19
2. Категории причины и цели как основа науки о правовом идеале.....	28
3. Понятия общества и права как основа науки о праве.....	54
4. Теоретическая юриспруденция.....	80
5. Методология социальных наук.....	93
Глава II. ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ИДЕАЛА	
1. Критика классической теории естественного права и исторической школы правоведения.....	106
2. Идея и методы "правильного права" ("естественного права с меняющимся содержанием").....	118
3. Понятие и характеристика "общества свободно желающих людей".....	151
4. Принципы, прообраз и политика правильного права.....	179
Глава III. КРИТИКА МАРКСИЗМА И АНАРХИЗМА	
1. Критика анархизма.....	196
2. Критика марксизма.....	205
Заключение	217
Список литературы	221

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена правовому учению Рудольфа Штаммлера.

Актуальность темы исследования. Стремительное развитие социально-гуманитарных наук вновь и вновь ставит на повестку дня вопрос об их собственном предмете и методе, и в этой связи ученые не прекращают обращаться к неокантианской философии, впервые поставившей данную проблематику. Одним из представителей данной философии является Р. Штаммлер, также предложивший собственную классификацию наук. В юридической науке, в свою очередь, не прекращаются дискуссии о соотношении теории, философии и социологии права и других дисциплин. Распространение Р. Штаммлером неокантианской методологии на сферу права, в свою очередь, показывает особый статус и задачи теоретической юриспруденции, через призму которой возможно осмысление вышеуказанных дисциплин. В рамках философии права активно обсуждается проблема справедливости, при разрешении которой очень важно придерживаться строгих научных методов, в связи с чем отечественные авторы уделяют особое внимание изучению неокантианской методологии, раскрытой в трудах дореволюционных юристов (П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина и др.). И поскольку учение Р. Штаммлера оказало существенное влияние на дореволюционную правовую мысль России, изучение взглядов данного мыслителя, раскрытие их системной взаимосвязи имеет особое значение. Для отечественной науки актуально исследование марксизма, в том числе в рамках теории, философии и социологии права, в связи с чем исследованию подлежит предпринятая Р. Штаммлером методологическая критика материалистического понимания истории. Важным вопросом в современной теории права представляется разграничение права и неправа, выявление собственной ценности права. Понятие права, выработанное Р. Штаммлером с помощью неокантианской методологии, открывает возможность новых подходов к этому вопросу. Таким образом, правовое учение Р. Штаммлера

освещает и детально разрабатывает вопросы, чрезвычайно актуальные и в современной науке. Между тем, творческое наследие Штамmlера остается практически не изученным в отечественной науке. Обращение к идеям немецкого ученого способно показать их существенное влияние на последующую правовую мысль, восполнить пробел в изучении истории и эволюции правовых учений.

Научная новизна работы. Научная новизна настоящей работы обусловлена тем, что в советской и постсоветской отечественной научной литературе отсутствуют какие-либо работы, посвященные правовому учению Рудольфа Штамmlера, а в дореволюционной науке данной теме известные российские юристы уделяли внимание только в рамках отдельных научных статей, не посвящая ей крупных научных исследований. Таким образом, настоящая диссертация представляет собой первое в отечественной юридической науке монографическое исследование правового учения Р. Штамmlера. Кроме того, нельзя ни обратить внимание на то, что большинство научных трудов Р. Штамmlера остается непереуведенным на русский язык, поэтому в настоящей работе автор обращается к таким произведениям мыслителя, и к таким аспектам его учения, которые ранее вообще не освещались в отечественной научной литературе. На основе анализа многочисленных источников выявлен существенный вклад Р. Штамmlера в развитие философии права. Настоящая работа, таким образом, посредством изложения, анализа и критики правового учения Р. Штамmlера, исследования его влияния на дальнейшее развитие правовых взглядов, представляет особую новизну для науки истории политических и правовых учений.

Теоретическая и практическая значимость работы. В работе раскрыт один из подходов к проблеме правового идеала, который может быть применен при оценке действующего законодательства Российской Федерации, а также особый подход к понятию права, который может быть использован для дальнейших теоретических разработок по проблеме правопонимания. Наконец, в работе представлен разработанный на основе систематического метода подход к

предмету теоретической науки о праве, по образцу которого возможно развивать существующую науку – теорию государства и права.

Теоретическое решение проблемы правового идеала имеет важное практическое значение для утверждения и развития справедливого общественного устройства. Предложенный Р. Штаммлером неокантианский подход к указанной проблеме позволяет законодателю и правоприменителю руководствоваться объективно правильной идеей права, одновременно учитывая национальные особенности, а также особенности конкретной ситуации, что, в свою очередь, дает возможность продуктивно, а не бездумно, заимствовать опыт других стран, посредством умеренной гибкости регулирования повышать ценность и справедливость права.

Степень научной разработанности темы исследования. Степень разработанности темы исследования на сегодняшний день является достаточно низкой. Отдельные научные статьи и рецензии творчеству Рудольфа Штаммлера в дореволюционной России посвящали Н.Н. Алексеев, Л.И. Петражицкий, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, И.А. Покровский, П. Струве, В.А. Савальский, И. Давыдов, А.А. Кролик, значительное внимание рассматриваемой тематике уделяли П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, многие идеи Штаммлера использовали в своих трудах Ю.С. Гамбаров, В.М. Гессен. Однако крупных научных трудов, посвященных творчеству Р. Штаммлера, ни в тот период, ни позднее в нашей науке издано не было¹.

Главное внимание отечественных ученых было обращено на методологию исследований Р. Штаммлера и на формулу правового идеала "общество свободно желающих людей", впервые упомянутую в первом фундаментальном труде "Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории", однако подробное развитие учения о правовом идеале, представленное Р.

¹ В.И. Ленин, несмотря на широкую известность Р. Штаммлера как критика марксизма, вообще ограничился лишь кратким неаргументированным замечанием в одном из частных писем: "Особенно меня возмутил Stammeler, у которого я отказываюсь видеть хоть намек на что-либо свежее, содержательное... Сплошная erkenntnistheoretische Scolastik! Глупые "определения" самого дюжинного юриста, в самом худом смысле этого последнего слова, и из них не менее глупые "выводы"". Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. М. 1979. Т.46. С.30.

Штаммлером в последующих фундаментальных трудах, дореволюционными авторами не исследовалось. В советское же время основная идея Р. Штаммлера "естественного права с изменяющимся содержанием" вообще не подвергалась научному анализу. Лишь в 1988 г. монография В.А. Четвернина "Современные концепции естественного права" вновь обратила внимание на неокантианскую философию права, и, в частности, на правовое учение ее основателя – Р. Штаммлера.

В зарубежной литературе творчеству Р. Штаммлера в конце XIX – первой трети XX вв. посвящались научные статьи, в том числе за авторством М. Вебера, Г. Зиммеля, Р. Паунда, Ф. Тённиса, В. Зомбарта и других известных ученых. Некоторые из этих работ характеризуются достаточно большим объемом и подробным анализом взглядов немецкого философа права. В настоящее время в зарубежной науке творчеству Р. Штаммлера также посвящаются отдельные статьи. Монографические исследования на указанную тематику издали I. Breuer (1912), G.A. Wielikowski (1913), J. Binder (1915), H. Claessen (1968), В. Kotowitz (1973), М. Wenn (2003); также имеются монографии, анализирующие соотношение взглядов Р. Штаммлера и других мыслителей (R. Strüh, 1953; С. Müller, 1994), и предложенное Р. Штаммлером понятие "объективно правильного" (L. Cohn, 1978). Ни одна из указанных работ не переведена на русский язык.

В отечественной научной литературе творчеству Р. Штаммлера сегодня уделяется крайне мало внимания. В трудах ряда авторов анализируется неокантианская философия права и "возрожденное" естественное право в России, в том числе в ее связи с правовыми взглядами Р. Штаммлера и Г. Радбруха (А.В. Поляков, С.А. Пяткина, Е.А. Фролова, В.Н. Жуков и др.). Краткое изложение взглядов Р. Штаммлера встречается в учебной литературе по истории политических и правовых учений и по философии права (О.Э. Лейст, В.С. Нерсисянц). В целом неокантианская философия, в том числе философия Марбургской школы неокантианства, рассматривается во многих философских научных статьях, однако правовое учение Р. Штаммлера как специальное приложение неокантианской методологии в них не упоминается.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление основных положений и особенностей правового учения Рудольфа Штаммлера, определение связи указанного учения с предшествующими и современными ему правовыми учениями и его значимости для последующего развития теории и философии права, в связи с чем выделяются задачи:

- 1) Изучение неокантианской методологии правовых исследований и ее проявления в трудах Р. Штаммлера
- 2) Рассмотрение специфики неокантианского подхода к проблеме социального идеала
- 3) Исследование данного Р. Штаммлером понятия права и раскрытие места, отведенного ученым юриспруденции в системе наук
- 4) Анализ предложенной Р. Штаммлером формулы правового (социального) идеала "общество свободно хотящих людей" ("чистого общества") и соответствующего ей понятия "правильного права" ("естественного права с меняющимся содержанием")
- 5) Ответить на вопрос о том, какую роль правовое учение Р. Штаммлера играет для современной теории и философии права

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является все изданное творческое наследие Р. Штаммлера. Предметом выступает учение Р. Штаммлера о праве, правоведении и правовом идеале.

Источники исследования. Источники настоящей диссертационной работы представлены как отечественной, так и зарубежной монографической и периодической научной литературой, среди которой наибольшее значение имеют фундаментальные работы Штаммлера "Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории", "Учение о правильном праве" (Die Lehre von dem richtigen Rechte), "Теория юриспруденции" (Theorie der Rechtswissenschaft), а также научные статьи, рецензии, доклады, брошюры за авторством Р. Штаммлера. Теоретической основой исследования являются работы дореволюционных отечественных ученых Н.Н. Алексева, Л.И. Петражицкого, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, И.А. Покровского, П. Струве, В.А.

Савальского, И. Давыдова, А.А. Кролика, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, Ю.С. Гамбарова, В.М. Гессена. Используются работы современных специалистов в области философии права и истории правовых учений, в частности Е.А. Фроловой, В.Н. Жукова, В.А. Четвернина, В.С. Нерсисянца. Анализируются труды зарубежных авторов, таких как М. Вебер, Р. Паунд, Г. Радбрух, Дж. Ролз, Н. Крамер, J. G. Sabine, I. Breuer, G.A. Wielikowski, H. Claessen, B. Kotowitz, J. Binder, M. Wenn, R. Strüh, C. Müller, L. Cohn.

Методологические основы исследования. Настоящее исследование проведено в соответствии с такими общенаучными принципами историко-правового анализа, как историзм, объективность и всесторонность, критичность в восприятии материала. Принцип историзма потребовал рассматривать правовое учение Р. Штаммлера в общем контексте развития юридической науки от классических естественно-правовых воззрений, через историческую школу права и юридический позитивизм к "возрождению" естественного права. При изучении научных трудов необходимо было воспроизводить идейные конструкции максимально точно и объективно, выделяя не одну, а все стороны учения, предотвращая тем самым искажение авторской позиции. В работе использованы важнейшие методы историко-правового познания: историко-генетический, историко-сравнительный, логический, системный. Для объяснения возникновения отдельных положений учения Р. Штаммлера автор прибегает к историко-генетическому методу. Автор сопоставляет идеи Штаммлера с идеями его предшественников, а также с идеями последующих мыслителей, используя историко-сравнительный метод. В целях осуществления интерпретации идей Р. Штаммлера проводится их реконструкция на основе логического и системного анализа первоисточников. Помимо названных принципов и методов в работе нашли применение другие общенаучные и специальные приемы, свойственные историко-правовым исследованиям.

Положения, выносимые на защиту:

1) Рудольф Штаммлер – основоположник и выдающийся представитель неокантианской философии права и научного течения "возрожденного"

естественного права. Благодаря различению систематического и генетического методов исследования он показал необходимость общезначимых определений права и правового идеала.

2) Социальная закономерность по Рудольфу Штаммлеру возможна только как телеологическая закономерность, то есть как оценка явлений с точки зрения социального идеала. Это не означает отрицания наук, занимающихся описанием социальных явлений, или догматических наук типа юриспруденции, но показывает, что данные науки не могут иметь собственных закономерностей. В этой связи одно из важнейших мест в системе наук занимает учение о "правильном праве".

3) Право, определяемое ученым как ненарушимое самовластное связующее воление, по Рудольфу Штаммлеру необходимо отличать от произвола, конвенциональных норм и нравственности; понятие общества логически подразумевает понятие права, поэтому, вопреки анархизму, не существует общества без права. Ученому не удалось убедительно показать превосходство данного им определения права над другими определениями, полученными путем отнесения явлений к другим ценностям, что не отрицает значимости проведенного им анализа отдельных характеристик права.

4) Рудольф Штаммлер сыграл ключевую роль в развитии естественно-правовой доктрины. Ученый вводит в науку понятие "правильного права", под которым понимает позитивное право, соответствующее формальному регулятивному критерию правового идеала. В зависимости от обстоятельств места и времени правильными могут быть самые различные нормы права, поэтому "правильное право" можно обозначить как "естественное право с изменяющимся содержанием". Посредством введения в науку данного понятия преодолеваются недостатки классической теории естественного права и исторической школы правопонимания.

5) Правовым идеалом Рудольф Штаммлер называет "общество свободно желающих людей" ("чистое общество"), которое нельзя смешивать с нравственным идеалом. Идея "чистого общества" конкретизируется автором в четырех

принципах "правильного права", которые применяются по отношению к определенному "концентрическому кругу" лиц. Тем самым автор показывает, как абстрактная идея правового идеала может быть успешно применена на практике. Сформулированный Рудольфом Штаммлером правовой идеал до сих пор сохраняет научную значимость.

6) Рудольф Штаммлер одним из первых выступил с глубоко проработанной научной критикой марксизма. Понятие социального регулирования, по Штаммлеру, логически предшествует понятию экономической деятельности. Следовательно, право нельзя рассматривать как надстройку над экономическим базисом, так как оно представляет собой форму, в которой только и существуют экономические явления: отношение между правом и экономикой это отношение формы и материи, а не следствия и причины. Данная точка зрения Рудольфа Штаммлера является, однако, лишь одним из возможных взглядов на соотношение права и экономики.

7) Рудольф Штаммлер оказал существенное влияние на развитие российской философии права. В полемике с ним формировали и отстаивали свои взгляды такие отечественные мыслители, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев, Л.И. Петражицкий, С.Н. Булгаков и другие, заимствуя из учения Штаммлера те или иные положения.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и полученные результаты обсуждались с участием автора на конференциях Ломоносов-2015 и Ломоносов-2016, фестивале "Наука 0+" (2015), на различных круглых столах и научных кружках, использованы автором при проведении учебных семинаров по теории государства и права и лекций по истории политических и правовых учений, представлены публикациями в научных журналах и сборниках научных статей.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, биографической справки о Р. Штаммлере, трех глав и списка литературы.

Биография и творчество Рудольфа Штаммлера

Карл Эдуард Юлиус Теодор Рудольф Штаммлер (19 февраля 1856 - 25 апреля 1938) – выдающийся немецкий социальный философ, философ права, цивилист, специалист в области римского права, а также практикующий юрист, основоположник научного течения "возрожденного" естественного права, неокантианской философии права, представитель Марбургского неокантианства, ставший знаменитым благодаря своему оригинальному учению о социальном (правовом) идеале ("общество свободно хотящих людей") и соответствующем ему "правильном праве" ("естественном праве с изменяющимся содержанием"). В отечественной науке Штаммлер известен, прежде всего, как автор работ, посвященных научной критике марксизма и анархизма, хотя данное направление мыслительной деятельности ученого является лишь одним из многих. Так, Штаммлер уделил немало внимания критике исторической школы права, классической школы естественного права, социологических учений о праве, а также сугубо позитивистского подхода в юриспруденции, показал неполноту социального утилитаризма, и, наконец, разработал собственную методологию социальных наук, в центр которой поставил понятия права и правильного права.

Рудольф Штаммлер родился в городе Альсфельде, земля Гессен¹. В детстве жил также в Бюдингине и Гисене. В его семье со стороны отца было три поколения адвокатов, отец являлся также историком права и председателем окружного суда (Landgericht) в Гисене. Рудольф Штаммлер пошел по тем же стопам, изучая право в Гисене и Лейпциге (1874-1877 гг.). Его докторская диссертация, посвященная крайней необходимости в уголовном праве, была отмечена наградой, и в 1877 году в Лейпциге, после сдачи первого

¹ Биография Штаммлера в: Claessen H. Rudolf Stammers Bedeutung für die Theorie des Naturrechts und den Gedanken des Aequitas. Köln 1968. S. 16-18; Интернет-сайт Гёте-Института: <http://www.goethe.de/svc/lit/phi/sz/sam/deindex.htm>. Наиболее подробно: Rechts- und politikphilosophische Denker: Rudolf Stammeler, Rudolf Joerges, Gustav Boehmer und Ottomar Wichmann (Philosophisches Denken in Halle: Personen und Texte, Bd. 5) / bearb. und hrsg. von I. Kloos in Verbindung mit R. Meyer. Halle, 2006. Различия данных источников разрешены в пользу последнего.

государственного экзамена и защиты диссертации, Штаммлер получил степень доктора юридических наук. После этого он приобрел практический опыт работы в различных судах в земле Гессен. В 1878 году выходит в свет его монография по крайней необходимости в уголовном праве ("Darstellung der strafrechtlichen Bedeutung des Notstandes"). Любопытно, что в последующих научных работах Штаммлер совершенно не затрагивает уголовно-правовую тематику. В 1879 г. в Лейпциге Штаммлер сдал второй государственный экзамен и прошел так называемую габилитацию для получения возможности занятия профессорской должности (тема: право пользования чужими правами (требованиями)), в 1880 году Штаммлер занял там же должность приват-доцента римского права. Пробыв некоторое время экстраординарным профессором в Марбурге (1882-1884 гг.), и испытав там влияние Марбургской школы неокантианства (Г. Коген, П. Наторп), в 1884 году он получил должность ординарного профессора в Гисене. В том же году Штаммлера вступил в брак с Ф.М. да Коста, на следующий год у них родилась дочь Берта, еще через год – сын Вольфганг (будущий известный профессор филологии).

С 1885 по 1916 гг. Р. Штаммлер занимал должность профессора гражданского права, римского права и философии права в Галле. В 1889-1890, 1892-1895, 1897, 1900, 1905-1908, 1910, 1913-1916 гг. был деканом юридического факультета, также неоднократно являлся сенатором юридического факультета, а в 1903 г. избран ректором университета.

В 1894 г. Р. Штаммлер был награжден орденом Красного орла 4-й степени.

В 1895 г. у Штаммлера рождается сын Гельмут, а в 1898 г. – сын Герхард (будущий профессор философии).

В 1888 г. появилась первая из наиболее известных работ Р. Штаммлера – брошюра "О методе исторической теории правоведения" (*Über die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie*), где он впервые высказал идею "возрождения" естественного права, и, в споре с истористами, выразил поддержку опубликованному в 1887 году проекту Германского гражданского уложения. В 1892 г. Бергбом писал: "Я вижу в Штаммлере больше, чем отдельного мыслящего

учителя права, который рвется к знаниям с серьезным усилием: я вижу в нем главу многочисленной общности юристов, которые не успокаиваются догмами историков и философов естественного права, и при этом с мучительными сомнениями не могут оставить важнейших вопросов нашей науки"¹. Ожидания Бергбома оправдались. В скором времени после этих слов публикуется брошюра "Теоретические основания анархизма" (1894), а чуть позже – фундаментальный двухтомный труд "Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории" (1896), сделавшие автора широко известным не только среди юристов, но и – благодаря глубоко продуманной критике марксизма и анархизма – среди философов, причем не только в Германии, но и в других странах. Некоторые исследователи высказывали мнение, что работа "Хозяйство и право" является "эпохообразующей", пробивающей серьезную брешь в доселе чисто позитивистской юриспруденции². Полемические статьи об этой работе написали такие именитые философы и социологи, как М. Вебер, Ф. Тённис, Г. Зиммель, В. Зомбарт. В то время как отношение указанных мыслителей к рассматриваемому труду было весьма критическим, представители Марбургского неокантианства Г. Коген, П. Наторп и К. Форлендер оценили его по достоинству³. В период с 1896 по 1924 гг. работа "Хозяйство и право" выдержала пять изданий. Если брошюра об анархизме была посвящена соотношению права и конвенциональных норм, то статья "Право и произвол" (Recht und Willkür), вышедшая в 1895 году, логически дополнила ее анализом соотношения права и произвола.

В последующем Штаммлер работает как в области философии права, так и в области гражданского и римского права. Особо следует отметить вышедшее из-под его пера "Общее учение об обязательственном праве" (Das Recht der Schuldverhältnisse in seinen allgemeinen Lehren, 1897). В 1900 году публикуется речь Штаммлера "Значение Германского гражданского уложения для прогресса культуры", произнесенная по случаю дня рождения кайзера Вильгельма II, где

¹ Цит. по: Wielikowski G.A. Stammlers Rechtsphilosophie. München, 1913. S. 25.

² Breuer I. Der Rechtsbegriff auf Grundlage der Stammlerschen Rechtsphilosophie. Berlin, 1912. S. 21.

³ Müller C. Die Rechtsphilosophie des Marburger Neukantianismus. Tübingen, 1994. S. 14.

автор называет рассматриваемый Закон как пусть и несовершенный, но "преисполненный идеей стремления к правильному".

В 1902 году выходит в свет вторая фундаментальная работа Штаммлера "Учение о правильном праве" (*Die Lehre von dem Richtigen Rechte*), к сожалению оставшаяся непереведенной на русский язык и практически незамеченной в российской научной среде. В этой работе Штаммлер не только развивает свое учение о правовом идеале, наброски и методологические основания которого имеются в "Хозяйстве и праве", в частности вырабатывает априорные "принципы правильного права", но и показывает, как именно указанный правовой идеал и "принципы правильного права" применяются при оценке конкретных норм права (половина шестисотстраничного труда посвящена теоретическому анализу гражданско-правовых институтов со ссылками на Германское гражданское уложение). Рассматриваемый труд положил начало разногласиям между Штаммлером и Когеном относительно соотношения права и морали, правоведения и этики. Коген был убежден, что именно этика является основанием "наук о духе", она также указывает на моральную добродетель права, хотя и должна "ориентироваться в юриспруденции". В свою очередь Наторп полагал, что между позициями Штаммлера и Когена нет существенных разногласий, и пытался примирить их указанием на возможность "золотой середины"¹.

В последующем издается множество статей, речей и докладов Штаммлера, некоторые из которых популяризуют его учение о закономерности права и социального хозяйства, а также разъясняют задачи права, правоведов и правоведения в целом с учетом выработанной ученым формулы правового идеала, другие посвящены гражданско-правовой тематике (неосновательное обогащение, свобода договора, обязательственные права требования, привилегии отдельных категорий лиц, права третьих лиц в обязательствах и т.д.). Помимо этого издается практикум по гражданскому праву, сборник задач по римскому праву, а также несколько других работ в области гражданского и римского права. В своих статьях и докладах ученый анализирует также понятие общей воли Руссо,

¹ Ibid. S. 15 (о позиции Когена), 160-178 (о попытках "примирения" Наторпа).

понимание государства О. фон Бисмарком, дает рецензию на концепцию общества и общности Ф. Тённиса, и т.д. В 1906 году выходит книга "Систематическое правоведение" (*Systematische Rechtswissenschaft*, 1906), в которой перу Штаммлера принадлежит первый, общетеоретический, раздел.

В 1904 г. Штаммлеру, по случаю столетней годовщины со дня смерти И. Канта, присваивается звание почетного доктора философии философского факультета Кенигсбергского университета, почетного сенатора университета Галле, члена-корреспондента некоммерческой Академии наук Эрфурта.

В 1911 г. отклоняет приглашение в Лейпцигский университет. В том же году награждается орденом Красного орла 3-й степени, а в 1913 году – крестом командора ордена имени Альбрехта Медведя.

Третий фундаментальный труд Штаммлера "Теория юриспруденции" (*Theorie der Rechtswissenschaft*) издается в 1911 году, и также остается не проанализированным в российской научной литературе. Между тем, за рубежом идеи Штаммлера активно исследуются, о его работах пишутся монографии (напр.: Breuer, 1912; Wielkowski, 1913; Binder, 1915) и научные статьи. В рассматриваемом более чем восьмисотстраничном труде Штаммлер предлагает свою собственную концепцию юридической науки, построенную на систематической методологии марбургского неокантианства.

В 1914 году Штаммлер основал научный журнал философии права (*Zeitschrift für Rechtsphilosophie*).

Во время работы в Галле ученый был одним из главных представителей движения за реформу университетского правового образования, желая построить занятия правом на общепринятых, педагогически и научно обоснованных принципах.

В последние годы перед выходом на пенсию Штаммлер преподавал в Берлинском университете (1916-1921 гг.) в качестве ординарного профессора гражданского права и философии права (факультативно – римского права и гражданского процесса), где сменил на посту известного юриста (также поэта и историка искусств) Йозефа Колера. Университет Галле присвоил в 1916 г.

Штаммлеру звание почетного доктора юриспруденции. В 1918-1921 гг. Штаммлер занимал должность декана юридического факультета Берлинского университета.

В берлинский период издается несколько статей и докладов Штаммлера, среди которых: "Право и власть" (Recht und Macht, 1917), "Право и церковь" (Recht und Kirche, 1919), "Правовое государство: необходимые цели права и науки о праве" (Rechtsstaat. Notwendige Ziele des Rechtes und der Rechtswissenschaft, 1920), "Материалистическое понимание истории: обзор, критика, решение" (Die materialistische Geschichtsauffassung: Darstellung, Kritik, Lösung, 1921), "Идея справедливости" (Der Gedanke der Gerechtigkeit, 1923), "Социализм и христианство" (Sozialismus und Christentum, 1923). Кроме того, Штаммлер пишет внушительный учебник по философии права (Lehrbuch der Rechtsphilosophie, 1922).

По окончании берлинского периода Штаммлер переехал в город Вернигероде, земля Саксония-Анхальт (1923 г.).

Следует отметить, что, оставив преподавание, Рудольф Штаммлер не прекратил научную деятельность. В период с 1921 по 1931 год было написано внушительное множество работ, остроумие и начитанность ученого отмечалось даже его критиками¹.

В 1925 году выходит двухтомный сборник статей и докладов Штаммлера предшествующих лет.

В 1926 году к семидесятилетию Штаммлера выходит сборник научных статей по философии права, в предисловии к которому содержится благодарственное письмо коллег, учеников, последователей и почитателей Штаммлера, всего письмо подписали более восьмидесяти докторов наук со всего света; некоторыми из них Штаммлер называется самым известным философом права современности.

¹ Claessen H. Op. cit. S. 17.

В 1927 г. Технический университет Дрездена присвоил Штаммлеру титул почетного доктора экономических наук, а в 1928 г. Галле-Вюртенбургский университет сделал его почетным сенатором.

В начале 1930-х гг. под редакцией Р. Штаммлера свет увидела двухтомная (всего более 2500 страниц) коллективная работа "Всё немецкое право в систематическом изложении", представляющая собой критический обзор достижений тогдашней немецкой юридической науки (римское, гражданское, торговое, конкурсное, трудовое, международное частное, конституционное, уголовное, международное право, процессуальные отрасли и т.д.), в которой рассматриваемый автор написал первый раздел под названием "Философия права".

В 1933 году Штаммлер вступил в НСДАП, был избран почетным членом лондонской Академии искусств и наук, членом Венгерской Академии наук в Будапеште, почетным доктором теологических наук в Геттингене. В 1937 г. уже 81-летнему Штаммлеру присвоен титул почетного доктора юриспруденции Афинского университета.

В национал-социалистический период Штаммлер являлся членом Комитета по вопросам правовой философии, основанного Министерством юстиции Третьего Рейха в Академии немецкого права, организации "Национал-социалистическая народная благотворительность", союза университетских преподавателей, объединения ординарных профессоров Берлинского университета, продовольственного объединения Берлинского университета и др. подобных организаций. Философия права Штаммлера вызывала в это время особый интерес в части чисто априорного обоснования правового принуждения и попытки рассмотрения всех социальных процессов с точки зрения системного единства¹.

Рудольф Штаммлер умер в г. Вернигероде в возрасте 82 лет 25 мая 1938 года. Его сын Вольфганг Штаммлер прервал правовую традицию семьи и стал

¹ Kotowitz B. Die Sozialphilosophie Rudolf Stammers: Einflüsse und Auswirkungen. München, 1973. S. 160-164.

известным профессором немецкой литературы. Другой сын, Герхард Штаммлер, стал философом.

В советской справочной литературе Штаммлера считали близким катедер-социализму¹. Это воззрение пошло от В. Зомбарта, и встречало справедливые возражения. Так, Н.А. Бердяев полагал, что хотя практически Штаммлер близок представителям названного течения, "но теоретически он стоит многими головами выше" них². Хорст Крамер (H. Kraemer), в свою очередь, обращал внимание на ту особенность учения Штаммлера, что социальное хозяйство в нем вообще немислимо без правового регулирования, то есть абсолютное невмешательство в свободу граждан не просто неверно с точки зрения социальной справедливости, но и логически невозможно, если мы желаем сохранить социум³. Таким образом, Р. Штаммлера нельзя отнести к катедер-социалистам.

Некоторые исследователи отмечают, что Штаммлер чувствовал себя скорее практиком, чем теоретиком, но именно поэтому его философия права характеризуется ориентированном на практику критическим вопрошанием, повышающим ее актуальность. С нашей точки зрения Штаммлер является социальным философом и философом права ни в меньшей, а то и в большей степени, чем цивилистом или практикующим юристом, о чем красноречиво свидетельствуют его фундаментальные научные труды и то влияние, которое он оказал на развитие философии права. В своих работах по гражданскому праву и при разрешении конкретных казусов Штаммлер методично использовал выработанные им же в теоретических трудах положения, наглядно показывая, как его философия права может быть применена на практике.

¹ См., напр. статью о Рудольфе Штаммлере в Большой Советской Энциклопедии.

² Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. С. 65. О мнении Зомбарта см. там же.

³ Kraemer H. Rudolf Stammers Sozial-Philosophie. Charlottenburg, 1907. P. 21.

Глава I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1. Генетический и систематический методы исследования

Философию права Р. Штаммлера следует, несомненно, причислить к неокантианской. В научной литературе, однако, встречается позиция, согласно которой Штаммлер – антипод, а не последователь учения Канта (Л.И. Петражицкий)¹. Тем не менее, общепринято мнение, согласно которому учение Штаммлера должно характеризоваться как неокантианское. Так, С.Н. Булгаков писал: "Что учение Штаммлера построено *в духе* Канта, это совершенно бесспорно"². Б.А. Кистяковский вторил: "По своим философским взглядам Р. Штаммлер – сторонник критической философии Канта"³. Н.А. Бердяев называл Штаммлера ортодоксальным кантианцем⁴. Подобное мнение превалирует и в зарубежной литературе⁵.

От И. Канта Штаммлер заимствует основы метафизики нравов: разграничение сущего и должного (мира природы и царства свободы), попытку рассмотреть долженствование как всеобщее и независимое от опыта, идею самоценности личности и равенства людей, характер различий права и морали. Причина же, по которой философию права Р. Штаммлера называют противоположностью кантианской, заключается, очевидно, в чрезвычайно

¹ Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. - 1913. - Кн. 2. С. 18. Петражицкий был убежден, что Штаммлер лишь переделал свои взгляды в "кантианские костюмы". Этому убеждению в литературе справедливо был противопоставлен риторический вопрос: если Штаммлер не был сторонником неокантианской методологии, то зачем ему было формулировать свои мысли в неокантианском духе, стиле и манере? См. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 226.

² Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 40.

³ Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 368.

⁴ Бердяев Н.А. Указ.соч. С. 81.

⁵ См., напр.: Dirsch F. *Solidarismus und Sozialethik. Ansätze zur Neuinterpretation einer modernen Strömung der katholischen Sozialphilosophie.* Berlin, 2006. P. 43.

неясной манере ее изложения (на что обращали внимание П. Новгородцев, Л. Петражицкий, М. Вебер, Н. Алексеев и др.).

К концу XIX века в неокантианстве сложились две широко известные школы: Марбургская и Баденская. Обеим была свойственна попытка уйти от "дурной метафизики", разграничить критический и генетический методы познания и решить вопрос о методологии наук¹. Неокантианство было одним из проявлений преобладающей в последней трети XIX века философской тенденции уделять внимание главным образом теории познания, а не проблемам бытия; особенно выделяют при этом Марбургскую школу, которая на протяжении пятидесяти лет развивалась именно как концепция научного знания². По философским основаниям правового учения Штаммлера справедливо относят к Марбургской школе³. Так, знаменитый тезис марбургского неокантианства "предмет познания не дан, а задан" стал основополагающим для философии права Р. Штаммлера, одновременно свойственное Баденской школе тематизирование "отнесения к ценности" у него совершенно не прослеживается (в отличие, например, от Г. Радбруха).

Отличительной чертой Марбургской школы (среди ее главных представителей – Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) была попытка поставить во главу угла кантовский трансцендентализм и априоризм, развить критическую философию великого кенигсбергского мыслителя, обратив ее, в том числе, против самого Канта (в тех случаях, где Кант недостаточно последовательно ее проводил); так, характерным для марбургцев было отношение к кантовской "вещи в себе" не как к объективной реальности, а как к проблеме (цели) познания⁴. Вещь в себе, как отмечалось многими противниками и даже последователями Канта, не дана нам в опыте, но это означает, что мы не имеем

¹ См.: Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 М., 1909. С. 10.

² Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М, 2003. С. 349.

³ Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 368. О том же свидетельствует используемое здесь произведение В.А. Савальского. См. также: Claessen H. Op. cit. S. 12.

⁴ История философии: Запад – Россия – Восток. Книга третья: Философия XIX – XX вв.: Учебник для вузов / Под ред. Н.В. Моторшиловой, А.М. Руткевича. М., 2012. С. 69.

права утверждать ее существование. Более того, если вещь в себе "аффицирует нас", благодаря чему создаются явления, то между опытным и внеопытным миром возникает причинно-следственная связь, что невозможно, поскольку по Канту причинность есть априорная форма познания исключительно опытного мира¹. Таким образом, вещь в себе возможна только как "горизонт" познания. Человеку недоступна абсолютная истина, но он способен познавать окружающий мир с помощью специального механизма понятийного конструирования реальности; иными словами, бытие предстает перед человеком как "мыслимое бытие", "бытие в мышлении"². Понятия пространства и времени также переходят из априорных форм созерцания в понятия³. Существование, как отмечали Коген и Наторп, вообще невозможно вне мышления; в отличие от позиции Канта, у данных мыслителей ощущения сами по себе не говорят о существующем, потому что не дошедшее до сознания и не облекшееся в форму мысли для человека вообще *ничто*⁴. В.А. Савальский так описывал позицию Г. Когена: "Без ощущения предмет не может быть построен научно. Однако он строится все-таки не ощущением. Роль ощущения состоит в том, что оно доводит до сведения сознания (*meldet an*), что нечто поступило в мышление... Но суждение о том, что есть это нечто, составляет категориальное мышление, превращая данный материал ощущения в бесконечно малые величины (неточно называемые атомами), синтезированные в категориях. Таким образом, и "данное" в мышлении в сущности им создано"⁵. Кант отмечал, что разум усматривает в природе лишь то, что сам вложил в нее; поэтому, добавляли марбуржцы, предмет познания не

¹ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М, 2003. С. 330-331. По словам В.А. Савальского, у Канта "вопрос, почему же и как понять, что известный ноумен, как умопостигаемый характер есть причина известного феномена, как характера эмпирического, этот вопрос остается без ответа". См. Савальский В.А. Указ.соч. С. 99.

² История философии: Запад – Россия – Восток. Книга третья: Философия XIX – XX вв. М., 2012. С. 71.

³ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М, 2003. С. 363-364 и ранее.

⁴ Там же. С. 364, 428-429, 448; Давыдов И. Предисловие к: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. XXVIII.

⁵ См. Савальский В.А. Указ. соч. С. 48.

дан, а задан¹. Окружающий мир предстает нам в форме понятий, и познавая этот мир, мы независимо от ощущений и созерцания постепенно разворачиваем эти понятия со все большей точностью, пытаюсь достичь "ничьей точки зрения" (Standpunkt von Niemand), но вопреки Канту никаких совершенных категорий при этом принципиально не может быть достигнуто².

Отметим, что и сам Кант рассматривал данное им понятие права не только в качестве регулятивной идеи, но и в качестве категории, лежащей в основании эмпирической науки о праве (на основе которой конструируется знание об эмпирическом праве)³. Но в целом неокантианская философия строилась на сформулированном В. Виндельбандом лозунге: "Понять Канта – значит пойти дальше, чем он"⁴. Или, словами В.А. Савальского, "возвращение к Канту с самого начала определялось не как ссылка на непререкаемый авторитет, а как задача преобразования Канта согласно духу новейшего времени"⁵.

Свой фундаментальный двухтомный труд "Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории" Р. Штаммлер посвящает своему "дорогому другу П. Наторпу", известному представителю марбургского неокантианства, и уже с первых строк дает понять о своей принадлежности к той же школе. Его общий тезис таков: "Общезначимые понятия и учения не являются результатом простого сложения или обобщения установленных частных фактов. С объективной точки зрения, дело обстоит не так, что первоначально мы имеем в сознании отдельные... факты, которые можно было бы установить обособленно, как нечто само по себе сущее, которые можно было бы затем расширить, придать им большие размеры и обобщить... Наоборот, всякое *научное* определение частных данных достигается только путем подведения многообразного материала

¹ История философии: Запад – Россия – Восток. Книга третья: Философия XIX – XX вв. М., 2012. С. 69.

² Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М, 2003. С. 450. См. также: Никулина О.В. Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман. // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2008. №. 2.

³ Асмус В.Ф. Кант Иммануил. М. 1973, С. 363.

⁴ Виндельбанд. В. Прелюдии. // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 21 (предисловие).

⁵ Савальский В.А. Указ. соч. С. 7. По справедливому мнению Савальского, в неокантианской методологии главным был "критический момент в философии Канта". С. 4.

под общее построение, согласно определенному методу"¹. Таким образом, понятие оказывается первичнее факта, а факты – понятийно нагруженными (предмет познания не дан, а задан).

По мнению Штаммлера, объективным познанием является то, которое закономерно, то есть осуществляется согласно единому методу, через который преломляются единичные факты. Более того, только благодаря этому методу факты и обретают свое бытие, вопрос же о том, что существует "на самом деле" остается открытым и для науки в общем безразличным. Бытие предстает перед нами не "само по себе", а как разворачивание понятий². Неокантианство, таким образом, предлагает учение скорее о субъекте, чем об объекте³.

В соответствии с указанным положением Штаммлер выделяет генетический и систематический способы изучения явлений: если первый предполагает простое описание феноменов и их происхождения, то второй означает объяснение их сущности, познание их общей закономерности⁴. При этом (генетическому) описанию феноменов логически предшествует изначальное (систематическое) выделение указанных феноменов: невозможно изучать что-либо, не обозначив четко предмет изучения. Исследователь творчества Штаммлера Исаак Бройер (I. Breuer) справедливо относит данное разграничение к одной из главных заслуг философа права⁵.

Систематический метод Штаммлер кладет в основу своего учения о правовом идеале (идее права) и соответствующем ему "естественном праве с меняющимся содержанием"⁶. Согласно данному методу, идея права не должна зависеть от того, что существует в данный момент, имело место в прошлом или появится в будущем, поскольку представляет собой лишь своеобразную мерку, с которой подходят к уже существующему, либо прошлому и будущему. Так же,

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1 СПб., 1907. С. 12.

² Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 2

³ Breuer I. Op. cit.S.3.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 83-87.

⁵ Breuer I. Op. cit.S.32.

⁶ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 177-187.

как неспособность установить точно причинную связь не говорит об отсутствии последней (ибо причинность изначально презюмируется в научном исследовании), так и отсутствие идеального права не говорит об отсутствии абсолютного идеала права (через призму которого мы можем воспринимать право как правильное или неправильное). Штаммлер убежден, что, изучая разрозненные исторически данные социальные феномены, невозможно ответить на вопрос о справедливом праве: "Кто хочет испытать, *правомерно* ли социальное стремление и *необходимо* ли его осуществление, - пишет он, - тому не нужно знать, каким образом возникло данное течение в исторических условиях"¹. Таким образом, противопоставление своего учения о меняющемся естественном праве предшествующим естественно-правовым взглядам Штаммлер осуществляет с помощью неокантианской методологии. Обоснование регулятивной идеи права происходит у Штаммлера именно систематическим методом. Указанный метод здесь призван доказать, что каждый, кто признает существование объективного понятия справедливости, должен признать и соответствующее объективно ведущее к нему правило.

Аналогично обстоит дело с разработкой Штаммлером понятием права как сущего (данного, а не должного). Еще до него немецкие юристы обращали внимание на то, что изучение правовых явлений изначально предполагает не выводимое из конкретных фактов понятие права². Штаммлер также считает, что оперирование какими-либо фактами предполагает определенный метод, с помощью которого данные факты вычлняются из окружающей действительности. По мнению представителей Марбургской школы, методологическое значение имеют логические первоначала, в основе которых, по Когену, находятся "математические числа и формы"³. Штаммлер интерпретирует это таким образом: "Если бы мы не обладали в общем понятии прочно логической опорой, то мы никогда не могли бы генетически наблюдать смены стоящих рядом

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 86.

² Wielikowski G.A. Op. cit. S. 11-25.

³ История философии: Запад-Россия-Восток. Книга третья: Философия XIX — XX в. М., 2012. С. 71.

определений, как развитие одного и того же института"¹. Поэтому как оценка того или иного права на соответствие идеалу предполагает само понятие идеала, так и изучение правовых явлений, данных в истории, предполагает, как неоднократно подчеркивает Штаммлер, изначальное понятие права, существующее в мышлении, а изучение общества предполагает само понятие общества². Таким образом, выработка понятия права основывается у Штаммлера на традиционном для неокантианства различении систематического и генетического методов, то есть происходит не индуктивным путем, а за счет чистого мышления. Впоследствии, соглашаясь с данным подходом, другой немецкий юрист неокантианского направления Г. Радбрух писал: "Право не потому право, что классифицирует отдельные правовые явления, а скорее наоборот – правовые явления лишь потому "правовые", что охватываются понятием права"³.

Необходимо подчеркнуть наличие в неокантианской среде дискуссий относительно методологических вопросов. Последователь Г. Когена русский юрист В.А. Савальский отмечал, что различение генетического и систематического метода была известно еще донеокантианскому позитивизму (например, в виде догматической юриспруденции), проблема же в указанном вопросе заключается в раскрытии самого систематического метода⁴. Так, в рамках последнего Савальский выделял классификационный, телеологический и критический, отмечая трансцендентальный характер критического метода⁵. В свою очередь П.И. Новгородцев, называя генетический и систематический методы соответственно историческим и философским, подразделял последний на

¹ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 133.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 7, 9, 10. См. также Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера. // Вопросы философии и психологии. - Январь-февраль 1909. - № 1 (96). С. 15-16, 16-17.

³ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 47.

⁴ Савальский В.А. Указ.соч. С. 11-12. Отметим и мнение В. Виндельбанда, согласно которому на позитивизм в свое время повлияли кантовские разработки критического метода. См. Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 261.

⁵ Савальский В.А. Указ.соч. С. 12.

собственно систематический, а также догматический и критический¹. Известный баденский неокантианец В. Виндельбанд выделял лишь генетический и критический методы, изучающие соответственно происхождение и обоснование феноменов². Немецкий философ говорил о существовании некоторых аксиом (априорных синтетических суждений), которые суть правила представления, воления и чувствования. Эти аксиомы обладают "непосредственной очевидностью", и не могут быть доказаны, так как сами представляют собой последнее звено в цепи доказательств. Если же их нельзя доказать, то можно показать либо их фактическую значимость (генетический метод), либо раскрыть их необходимость для достижения "конечных целей" - истины, добра и красоты (критический метод)³. Сродни этому юрист Г. Радбрух писал: "Принципы должного могут обосновываться и доказываться лишь посредством других принципов должного. Именно поэтому высшие принципы должного недоказуемы. Они аксиоматичны. Их нельзя познать, их можно лишь принимать на веру"⁴. В этой связи недоказуемой представляется позиция самого Радбруха, который в полемике со Штаммлером считал необходимым относить право к ценности справедливости, а не к какой-либо другой (именно поэтому у Радбруха, в отличие от Штаммлера, не различаются само право и его идея – справедливость).

Подобно В. Виндельбанду, предлагавшему общее разделение методов познания на критический и генетический, Штаммлер предлагает лишь общее разграничение систематического и генетического методов. В.А. Савальский отмечал, что Штаммлер говорит именно о систематическом характере метода, в то время как "критическая философия Марбургской школы полагает, что для определения критического метода недостаточно сказать, что он в отличие от генетического есть систематический" (В.А. Савальский)⁵. Тем не менее,

¹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 24.

² См. Виндельбанд. В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 262.

³ См. там же. С. 263-268.

⁴ Радбрух Г. Указ. соч. С. 20.

⁵ Савальский В.А. Указ.соч. С. 11.

несомненно, что Штаммлер исходил из критической философии И. Канта. По всей видимости, он отождествлял понятия "критический" и "систематический" (по крайней мере, не касался вопроса об их соотношении). Отличие же взглядов Штаммлера от учения Виндельбанда состоит в том, что будучи юристом и философом права, Штаммлер не касается вопроса применения неокантианской методологии к чувствованию (эстетике), и проводит некоторые аналогии лишь с истиной (акцентируя внимания больше на причинности как условия познания, чем на логике в широком смысле как на критерии истинности¹). О категории прекрасного Штаммлер кратко говорит, что она касается не только человеческой воли, но и, например, природы, продуктов человеческого труда и пр., а вопрос о том, существует ли вообще объективное суждение о прекрасном, остается спорным; кроме того, искусство может пониматься как способность достигать определенного результата (цели), то есть не быть связанным с чувством прекрасного².

Сходство со взглядами Виндельбанда проявляется у Штаммлера в другом аспекте. По мнению лидера Баденской школы неокантианства релятивизм, пытаясь обосновать свою правоту, опирается на те же предпосылки, которые сам отрицает. "Поэтому, - пишет Виндельбанд, - и не существует действительно серьезной научной теории релятивизма"³. В согласии с этим Р. Штаммлер верно замечает, что человека, совершенно отрицающего добро или истину, систематический метод убедить не может⁴. Однако такую позицию, пишет ученый, занимают очень не многие, ведь если человек хочет отказаться от

¹ Это обстоятельство обусловило критику Н.А. Бердяева, полагавшего, что Штаммлер смешивает *объективность* нравственного долга и *необходимость* естественных законов, то есть совершенно разные категории. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 113.

² Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 185-186.

³ Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 275.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 30-31.

понятий истины и добра, то он вынужден отказаться и от всякого участия в суждениях об истинном и ложном, правильном и неправильном¹.

Следует согласиться с В. Виндельбандом, что "учение Канта вследствие трудности его проблем, сжатости изложения, чрезвычайно сложной разработки многочисленных, частично антагонистичных ходов мысли и неоднозначности находящейся в становлении терминологии не обрело столь ясного и определенного выражения, чтобы понятие критического метода, которое намеревался создать Кант, было бы своей само собой разумеющейся ясностью защищено от ложного понимания и неоспоримо признано как исторический факт"². Таким образом, разработка критического метода является крупной заслугой уже неокантианской философии. В свою очередь правовое учение Р. Штаммлера ценно тем, что показывает применение указанного метода в отношении понятия права, а также такой оценочной категории, как справедливость (примечательно, что название фундаментального труда Р. Штаммлера "Учение о правильном праве" переведено на английский язык как "Theory of Justice").

2. Категории причины и цели как основа науки о правовом идеале

Как верно отмечал Г. Радбрух, "не историческая школа, а критическая философия, не Савиньи, а Кант" нанес решающий удар по классическому естественному праву XVII-XVIII вв., поскольку именно кантианский подход своим базовым постулатом определил принципиальную несводимость "должного" (прескриптивного) к "сущему" (дескриптивному) и логическую невыводимость "должного" из "сущего" (парадокс Юма)³. Отсюда возникает проблема обоснования должного. Согласно Канту, "должное" - это особая доопытная (априорная) сфера, сознаваемая человеческим разумом и не зависящая от

¹ Там же. С. 32. Виндельбанд. В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 275.

² Там же. С. 260.

³ Радбрух Г. Указ. соч. С. 27.

"сущего", то есть природы и общества; право, в том числе и естественное, лежит в сфере "должного", и принципиально не может быть детерминировано "сущим"¹. Таким образом, Кант обосновывает самостоятельность этической сферы, ее независимость от любого внутреннего и внешнего опыта, и – тем самым – объективность нравственных предписаний. В этом неокантианцы видели главную заслугу кенигсбергского философа².

Кант полагал, человек как разумное существо способно рассматривать явления окружающего мира двояким образом: во-первых, с точки зрения детерминизма (причиной любого явления природы служит другое, предшествующее ему, явление), и во-вторых, с точки зрения свободы (причиной является сам человек, который преобразует мир в соответствии со свободно устанавливаемыми целями)³. В этом разграничении воспроизводится, в сущности, давно известная двойственность человеческой природы: мы считаем себя свободными, но в то же время ощущаем себя частью природы, подчиненной тотальной необходимости⁴.

Аналогичным образом Р. Штаммлер пишет: "когда я представляю себе предполагаемые к совершению действия, которые будут произведены мною, я могу представлять их *двояким образом*: я могу видеть в них или *причинно обусловленное* явление внешней природы, или явления, по отношению к которым действующей *причиной являюсь я сам*"⁵.

Речь при этом идет не о том, что психика человека, испытывая влияние каких-либо факторов, сама становится фактором дальнейших событий и действий, то есть не о выделении особой психологической причинности. Как

¹ Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М., 2013. С. 207.

² См., напр.: Трубецкой Е.Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля. // Вопросы философии и психологии. - 1902. - Кн. 1 (61). С. 589.

³ См., напр.: Гайденок П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой: учебное пособие для вузов. М., 2000. С. 336-339 ("Мир природы и царство свободы"), в особ. стр. 337.

⁴ Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. // Вопросы философии и психологии. - 1901. - Кн. 57 (II). С. 281.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 6. Штаммлер, в отличие от Канта, говорит здесь именно о будущих действиях. Эта особенность его взглядов будет рассмотрена ниже.

известно, Кант назвал психологическое понятие свободы лишь "жалкой уверткой" тех, кто пытается совместить несовместимое¹. С этих позиций Р. Штаммлер критикует взгляды Р. Иеринга который "прибег к старому различению между *механической и психологической* причинностью, причем эту последнюю он подчинял особому высшему понятию закономерности"². Для Штаммлера такое разграничение достаточно условно (многие неосознанные действия живых существ могут быть описаны с точки зрения как механических импульсов, так и целесообразности), и лишь показывает две относительно самостоятельные области применения закона причинности. Психологическая (равно как и социально-экономическая, политическая) причина, однако, еще не есть цель: последняя исключает всякую причинную (эмпирическую) обусловленность, пусть в мире опыта последняя и царит бескомпромиссно³.

Таким образом, человек как свободное существо сам, независимо от каких-либо эмпирических обстоятельств, устанавливает себе цель. Штаммлер поясняет: "*Цель – это подлежащий осуществлению объект. Представление об известном предмете как о том, что должно быть произведено, называется волей*"⁴. Безусловно, понятие психологической причинности при этом остается, и чисто теоретически можно рассматривать человеческие цели также и в причинном ряду (генетически), если опустить вопрос о сложности такого исследования и

¹ См., напр. Давыдов И. Указ.соч. С. XXXIII.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 9.

³ Там же. С. 9-10. В последующем Г. Радбрух также видел в сказанном ограниченность правового учения Р. Иеринга, не сумевшего перейти от социологии к философии права. Радбрух Г. Указ. соч. С. 35. П. Новгородцев, в свою очередь, указывал, что рассмотрение историками и социологами "роли личности в истории" (например, у Зиммеля или Дюркгейма) не имеет ничего общего с царством свободно устанавливаемых целей, так как личность ими рассматривается лишь как винтик социального механизма, необходимый элемент в ряду причин и следствий. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С.256.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 8. Наторп критиковал штаммлеровское определение воли, считая, что воля представляет собой не пустую абстракцию, а движущую силу и энергию. Но в чем искать эти силу и энергию, если воля полагается полностью независимой от любых психических процессов? У Наторпа данная проблема не решена, поэтому его позиция сама представляется дискуссионной. См. об этом: Wenn M. Juristische Erkenntniskritik. Zur Rechts- und Sozialphilosophie Rudolf Stammlers. Baden-Baden, 2003. S. 73-74, 85-86.

обоснованности его выводов. Но кантианский подход вводит дополнительно новое, по сути необходимое для любой практической деятельности понимание цели, чего, как представляется, не поняли марксистские критики Штаммлера, такие как Г. Плеханов, который продолжал считать цель исключительно продуктом причинно-следственных связей¹.

Развивая кантовский подход, известный В. Виндельбанд писал, что человек обладает нормативностью сознания, то есть способен выбирать определенный вариант мышления, волеия и чувствования из нескольких возможных. Правила такого выбора формулируются априорными критериями истины, добра и красоты, и образуют, в конечном счете, логику, этику и эстетику². Свободный человек есть тот, кто следует указанным критериям. Законы логики применяются как в естественных, так и в социальных науках. Б.А. Кистяковский также выделял в научной философии такие направления как "*логика* в широком смысле, которая в свою очередь состоит из теории познания, формальной логики и методологии, *этика* и *эстетика*... Объединяющей категорией для всех естественных наук служит категория естественной *необходимости*; объединяющая категория для отдельных дисциплин научной философии выражается в сознании *должного*"³. Природа сама по себе не дает нам истины, добра или красоты. Указанные категории появляются только благодаря факту автономной оценки⁴. У Г. Радбруха содержится аналогичная мысль о том, что "оценивающий образ действия, применяемый систематически, характеризует "философию ценностей" в ее трех ипостасях: логики, этики и эстетики"⁵. Ничто не является истинным, добрым или прекрасным только потому, что оно есть, было или будет⁶. Схожую позицию занимал П. Наторп, у которого "логика, имеющая первоначально широкий смысл

¹ Плеханов Г. Основные вопросы марксизма. М., 1922. С. 192-196.

² Виндельбанд В. Иммануил Кант. // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 142.

³ Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 203. Курсив мой – Н.Ш. Отметим, что здесь Кистяковский допускает неточность, относя категорию необходимости только к естественным наукам, хотя впоследствии критикует за аналогичную неточность Штаммлера.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Радбрух Г. Указ. соч. С. 12.

⁶ Там же. С. 17.

учения разума... охватывает не только теоретическую философию как логику "возможного опыта", но и этику – как логику формирования воли, а также эстетику – как логику чистого художественного формирования. Вместе с этим она обосновывает дальнейшую, необозримо расширяющуюся область наук социальных... а не только естествознание"¹. По мнению Штаммлера, точно так же, как причинность является условием всякого опыта, свобода – это условие всякого суждения о должном². Ученый, однако, в отличие от вышеприведенных мыслителей, не уточняет, что в той же степени свобода является условием всякого суждения об истинном и прекрасном.

На фундаментальном положении о возможности и обоснованности телеологии как науки о свободном целеполагании, независимом от сущего, Штаммлер и развивает свое учение о правильном праве (социальную телеологию), то есть применяет вышеизложенную идею "мира свободы" не к логике, эстетике или этике (в узком смысле), а к вопросу справедливости. Он полагает, что точно так же, как суждения о сущем *объективно* делятся на истинные и ложные, суждения о должном могут быть *объективно* расценены как правильные или неправильные³. Штаммлер не касается здесь сложного вопроса о различных концепциях истины (корреспондентская, конвенциональная, прагматистская, когерентная и др.) и добра (консеквенциональная этика, этика долга и др.), относительности самих этих понятий. Однако он утверждает, что идеи истины и добра, как бы ни были они несовершенны, являются необходимым условием познания и оценки действительности. "Таким образом, содержание познавательной истины и морального учения может подвергаться изменениям и улучшениям. Но что не может быть изменено, — это идея истины вообще и блага вообще"⁴. Иными словами, Штаммлер присоединяется к разделяемой другими неокантианскими философами права точке зрения, что как истина, так и добро

¹ Наторп П. Кант и Марбургская школа. / Избранные работы. М. 2006. С. 140.

² См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 16-17, 24-25.

³ Там же. С. 20-21.

⁴ Там же. С. 27. См. также стр. 135-139, 145.

находятся не вне нас, а внутри нас¹. С другой стороны, у Штамллера не выражена отчетливо та мысль, что категорию долженствования следует противопоставлять не истине, а необходимости².

Важным здесь представляется подчеркнуть, что неизменны именно идеи, а не конкретные (несовершенные и изменчивые) формулировки способов достижения истины и добра, выраженные в соответствующих понятиях. Другой немаловажный факт, на который часто обращалось внимание (в том числе Штамллером), что "понятие а priori отнюдь не есть прирожденное понятие (*idea innata*). Критическая философия Канта вообще не знает прирожденных понятий"³.

По Канту, свобода – это полная независимость от всякого индивидуального желания, это тотальная объективность разума (иначе речь бы шла не о свободной, а о причинно-обусловленной постановке целей). Отсюда он выводит общезначимый категорический императив, не зависящий от чувств и склонностей людей, и соблюдаемый исключительно ради него самого (этот императив следует отличать от императивов ловкости типа "если хочешь X, сделай Y" и императивов ума типа "если хочешь быть счастливым, сделай Y"). Кант отмечает, что высший принцип нравственности не следует искать в природе⁴. Таким образом, важнейшим элементом этики Канта (своеобразным "коперниканским переворотом" в области этики), воспринятым неокантианцами, является переход от критерия "всеобщей воли" к критерию "априорной (самозаконной) воли"⁵. Свободная воля оказывается у Канта одновременно доброй волей. Главная черта нравственного закона по Канту – его самозаконность, то есть независимость от внешних условий, в том числе от того, осуществится ли данный закон на

¹ См. напр. об этой точке зрения: Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 87.

² Эта мысль была ясно выражена у русских неокантианцев Новгородцева и Кистяковского. См. там же. С. 52. Б.А. Кистяковский, в частности, верно писал, что "требования справедливости, нравственное долженствование и постулаты идеала не подчинены категории необходимости и не выводимы из нее"². Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч.1. М., 2010.

³ Савальский В.А. Указ.соч. С. 49.

⁴ См., напр.: Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 74.

⁵ Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета Серия 11. Право. №2. 2013. С. 72.

практике. Так, мы можем *объяснять* безнравственный поступок какими-либо фактическими обстоятельствами, но тем самым мы принципиально не можем его *оправдать*¹.

Тем же путем Р. Штаммлер пытается развивать свое учение о правильном праве. Он полагает, что свобода, позволяющая человеку устанавливать самому себе нормы, "не может означать свободу от закона причинности в сфере эмпирически данных явлений, потому что такая мнимо-свободная причина совершенно непонятна с точки зрения научного познания явлений. Свобода означает только свободу от субъективности *целеполагания*"². Поскольку этико-правовая сфера связана с понятием воли, Штаммлер добавляет: "Воля, как представление о подлежащем созданию результате, полагает свой объект вне рамок ранее познанного опыта, вне необходимого ряда причин и следствий"³. Таким образом, общий регулятивный принцип права, по Штаммлеру, должен быть познан чисто умозрительно (априорно).

Вследствие сказанного, как верно утверждал П.И. Новгородцев, упреки в адрес классических естественно-правовых систем со стороны исторической школы права, связанные с попытками выработать вечные и идеальные "кодексы", не могли затронуть учения Канта⁴. Понятие естественного права, замечал Б.А. Кистяковский, было для Канта в практической области лишь регулятивной идеей⁵. В юридической литературе также отмечается, что "понимание естественного права с изменяющимся содержанием можно выводить непосредственно из теории Канта. Вместе с тем, признание за требованиями изменчивого характера еще не решает теоретического вопроса о происхождении и

¹ Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. // Вопросы философии и психологии. – 1901. - Кн. 57 (II). С. 290.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 24.

³ Там же. С. 22.

⁴ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 148.

⁵ Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 387.

содержании предписаний естественного права"¹. Этот вопрос остался в этике Канта неразрешенным, что и стало предпосылкой разработки неокантианских правовых учений²; одно из них и предложено Р.Штаммлером.

Отстаивая возможность научной постановки вопроса о должном праве, Штаммлер различал первоначально два вида правоправедения: теоретическое и техническое. Первое исследует вопрос о том, "каким право должно быть?", а второе: "каким право фактически является в данных исторических условиях?"³. Штаммлер пишет, что современное ему правоправедение в лице позитивизма явно относится ко второму виду, что создает опасность превращения средства в цель⁴. Дело в том, что право по определению есть лишь средство для достижения общих целей. Правильной общей целью является, по Штаммлеру, сформулированный им социальный идеал: "общество свободно хотящих людей"⁵. Правильным средством, соответственно, будет то право, которое соответствует этой общезначимой абсолютной цели. Техническое правоправедение способно познать смысл закона, но оно не способно судить о соответствии его социальному идеалу, то есть оценить его как надлежащее или ненадлежащее средство. В результате становится возможной известная ситуация, при которой *summum ius – summa iniuria*⁶.

¹ Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета Серия 11. Право. №2. 2013. С. 74-75.

² Там же. С. 74.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 3-11. Л.И. Петражицкий считал неясным и двусмысленным термин "теоретическое правоправедение" и на этом основании отвергал идею подобной науки. Ему возражал В.А. Савальский, который указывал, что термин "теоретическое" Штаммлер использует для обозначения "научно-телеологического", и в этом смысле идея соответствующей правовой науки вполне обоснована. См. Савальский В.А. Указ. соч. С. 329 (сноска). С нашей стороны отметим, что понятие "теоретического правоправедения" у Штаммлера со временем развилось от простого учения о должном праве в систематическую науку о праве вообще.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 4-6.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 247-253.

⁶ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 33-35. Отметим, что призывы сделать юриспруденцию наукой не только действующем праве, но и о праве будущего, критической наукой, высказывались в немецкой литературе в конце XIX века также Петражицким, Офнером, Менгером и Нейкампом (последний, что интересно, представлял историческую школу права), и были свойственны также русской юридической общественности

Очевидно, что своим учением он пытается дать отпор засилью юридического позитивизма, и некоторым образом возродить ранее дискредитированное естественно-правовое учение, по-новому ответив на вопрос об идеальном праве. В этом аспекте правовое учение Р. Штаммлера аналогично предшествующим ему естественно-правовым учениям, в которых "понятие "естественности", "природы" служило средством борьбы новых политико-правовых идеалов против системы позитивного права"¹.

Штаммлер, в частности, критикует "юридический эмпиризм", который не задается вопросами об основополагающих методах познания, определяющих наш опыт, в том числе о методах поиска справедливости. Сторонники названного течения, по Штаммлеру, упускают из виду, что техническое толкование не может дать ответа на вопрос об объективной обоснованности (справедливости) того или иного социального воления, всегда имея дело лишь с частными целями, а не общезначимой регулятивной "конечной целью".

В то же время, Штаммлер не отрицает значение технического (позитивистского) подхода в юриспруденции: таковой, по его мнению, необходим для правильного понимания и эффективного применения существующего законодательства. Однако вопрос "для чего вообще нужно законодательство?" остается в рамках упомянутого подхода открытым; игнорирование же этого вопроса снижает ценность юридической науки и приводит к отчуждению, возникающему между юридическим сообществом и остальными людьми². В итоге Штаммлер приходит к выводу, что технический подход к праву оправдывается лишь тем, что служит необходимым условием для воплощения подхода теоретического, то есть для реализации на практике учения о правильном праве³.

См. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 222-225.

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. 2002. С. 204, 205. См. также: Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект). // Государство и право. 2015. №1. С. 75.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 10.

³ Ibid. S. 16.

Следует отметить особенность правового учения Р. Штаммлера, отличающую его от классической естественно-правовой доктрины. Известный историк права Г. Дж. Берман пишет: "Естественники" полагают, что невозможно знать, в чем состоит право, если одновременно не рассматривать вопрос о том, каким оно должно быть"¹. Таким образом, согласно представителям школы естественного права, позитивное право не имеет самостоятельного значения, "не является правом вообще, если не отвечает принципам универсального, общечеловеческого права"². Как отмечал еще Г. Кельзен, позитивное право в этой теории является избыточным, не имеющим никакой ценности³. В противовес названной точке зрения Р. Штаммлер выделяет три фундаментальных вопроса философии права: 1) вопрос о понятии права; 2) вопрос обоснованности правового принуждения; 3) вопрос о справедливом праве; при этом Штаммлер убежден в невозможности с помощью единой формулы дать ответ сразу на три указанных вопроса⁴. Это означает, что мы должны признать самостоятельность феномена позитивного права и уделить его изучению достаточное внимание. Право, согласно Штаммлеру, есть "ненарушимое самовластное регулирование социальной жизни людей"⁵. "Бывает *дурное по содержанию* право, - пишет ученый – и, тем не менее, оно обладает *правовым действием*... Кто объявляет *несправедливым* содержание известного права, тот тем самым не говорит, что это право *не действует*"⁶. Таким образом, позитивное право имеет для Штаммлера самостоятельное значение, даже если не удовлетворяет критериям правильного (впоследствии с ним не соглашался Г. Радбрух, утверждавший, что закон, даже не

¹ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 293-294.

² Михайлов А. М. Указ. соч. С. 39.

³ Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб., 2015. С. 253.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 4, 28, 142.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 29. Вопрос об обоснованности действия права, по Штаммлеру, это второй вопрос философии права, то есть вопрос об обоснованности правового принуждения, а если точнее – «самовластности» права. Однако впоследствии в «Теоретической юриспруденции» Штаммлер разрабатывает понятие действия права уже как «возможности его фактической реализации», показывая, что право может оставаться правом, даже если оно фактически не действует. Действующее право здесь – это, как и правильное, лишь часть позитивного права.

стремящийся к справедливости, не может называться правом и иметь юридическую силу).

Несмотря на то, что Р. Штаммлер уделяет значительное внимание разработке неокантианской методологии применительно к проблеме правового идеала, его подход к указанной проблеме подвергся суровой критике, в том числе со стороны представителей неокантианства.

Известный русский философ С.Н. Булгаков в своих ранних работах указывал на несоответствие взглядов Р. Штаммлера о соотношении причины и цели кантовской телеологии. Булгаков подчеркивал, что согласно Канту две различные точки зрения на предмет (телеологическая и каузальная) объединяются через "единство трансцендентального сознания". Штаммлер, с одной стороны, признает, что две противоположные точки зрения могут быть свойственны одному человеку, однако не объясняет, как возможно такое противоречие. Иными словами, для Канта телеологическая точка зрения обладает приоритетом перед каузальной (а практический разум – над теоретическим), поскольку имеет опору в мире истинных "вещей в себе", а не кажущихся "явлений", вследствие чего кантовской теории удается избежать противоречий. У Штаммлера же названные точки зрения на явления равноправны, что, по мнению раннего Булгакова, представляет собой гносеологический нонсенс¹. Человек мыслится свободным не потому, что он принадлежит к миру "вещей в себе", а лишь в абстракции. Поэтому Булгаков утверждает, что гносеологически теория Штаммлера несостоятельна.

Указанная критика взглядов Штаммлера Булгаковым представляется необоснованной. На наш взгляд, гносеологическая проблематика подменяется у русского исследователя проблематикой онтологической. Однако Штаммлер не касался онтологических вопросов, а лишь констатировал непреложный факт

¹ Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 23. П.И. Новгородцев соглашался с Булгаковым в том, что "в сфере опыта двух направлений сознания быть не может", однако подчеркивал, что данное утверждение несколько не затрагивает параллелизма теории и практики, этики и науки. См. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С.99.

нашего внутреннего психологического опыта (его двойственность)¹. Попытки Штаммлера, по выражению Булгакова, "ввести свободу в мир опыта", основываются на общей неокантианской тенденции критиковать за метафизичность (недоказуемость) кантовское понятие "вещи в себе". Отрицая мир ноуменов, неокантианцы не создают вместо него иных мыслительных конструкций, в то же время они и не отрицают саму идею свободы. Они разрабатывают учение "о примате практического разума не в метафизическом смысле примата одной сущности перед другой, а в методическом смысле логического *præius*'а при образовании понятий одной точки зрения, телеологической, перед другой, каузальной"² (В.А. Савальский). Такой подход не дает законченной онтологии, не объясняет бытие свободы, но представляется более обоснованным, чем несвободная от метафизичности позиция Канта. Кроме того, он оставляет место для объективной этики, возможность которой отрицал С.Н. Булгаков в своих ранних трудах.

Не признавая "вещи в себе", Штаммлер отстаивает так называемый им принцип социального монизма: иными словами, принцип отсутствия дуализма идеальных и материальных факторов социальной жизни³. Таким образом, Штаммлер считает мир сугубо материальным, но раскрытие тех структур, с помощью которых мы воспринимаем его, требует применения кантовского критического идеализма⁴. Более того, он пишет о материалистической установке, что "этим путем мы всегда получаем лишь *специальный материал* для социально-научного определения, но не *закономерное уразумение*"⁵. Таким образом, материализм лежит в основе генетического метода, но систематический метод целиком построен на идеалистических воззрениях, причем для Марбургской школы и, соответственно, Штаммлера, систематический метод определяет не

¹ Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 54.

² Савальский В.А. Указ.соч. С. 39. См. ту же мысль в: Kotowitz V. Op. cit. S. 6.

³ См., напр.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1 СПб., 1907. С. 330-332. В литературе отмечается, что идея монизма заимствована Штаммлером у Наторпа. Wenn M. Op.cit. S. 71.

⁴ Давыдов И. Указ.соч. С. XV.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С 150-151.

только идеалы (нормы), но и вообще любые предметы исследования (например, право как предмет исследования). И. Давыдов назвал эту позицию Штаммлера синтезом учений Маркса и Канта¹. "Воздать должное позитивной мысли, не забывая об идеальной природе человеческого духа, - вот что ставит себе задачей это неокантианское направление"². В.А. Савальский, в свою очередь, пояснял, что социальный идеализм не исключает социального материализма³.

Более убедительную критику вызвал тезис Р. Штаммлера о том, что с точки зрения цели мы оцениваем только будущие явления. Указанный тезис Штаммлер неоднократно подчеркивал и аргументировал следующим образом. Подчиняющийся закону причинности "опыт – это познание объектов, проявления которых нам даны... Опыт представляется поэтому зависимым от материала, который должен быть дан ему в целях его переработки в научное знание". Но поскольку опыт "не может быть настолько завершенным, чтобы включать в себя абсолютно все мыслимые возможности будущих действий... всегда остается возможность рассматривать будущие события, в которых проявится человеческая деятельность, особым образом, независимо от опыта о том, что совершилось"⁴. Иными словами, мы никогда не знаем точно, что произойдет в будущем, и особенно это касается человеческого поведения во всей сложности его мотиваций, поэтому сколько бы не развивалась наука, будущее никогда не будет предсказуемо на сто процентов хотя бы потому, что причинность применяется в отношении уже данных опыту явлений, являясь способом их упорядочения, но принципиально не может упорядочить явления будущие, еще не наступившие: "Человеческие действия должны быть рассматриваемы с точки зрения причинности *лишь тогда*, когда они уже стали явлениями чувственного мира"⁵.

Указанные соображения представляются несостоятельными по следующим причинам. Как верно отмечал П.И. Новгородцев, "с точки зрения Канта,

¹ Давыдов И. Указ.соч. С. XVI.

² Там же. С. XXIII.

³ Савальский В.А. Указ.соч. С. 237.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 12-13.

⁵ Там же. С. 18.

отношение между этикой и наукой мыслится по типу параллелизма, а не восполнения"¹. Иными словами, один и тот же поступок, относится ли он к прошлому, настоящему или будущему, с точки зрения Канта может быть рассмотрен и как свободный, и как причинно-зависимый².

Тот факт, что какое-либо событие еще не наступило, не отвергает его обязательность с точки зрения закона причины и следствия, в противном случае наука потеряла бы всякий смысл. Здесь необходимо отметить следующее. Кант обосновывает науку именно тем, что постулирует априорность причинно-следственной связи, которая и выступает гарантом предопределенности как прошлого, так и настоящего и будущего опыта. Предшественник кенигсбергского мыслителя, пробудивший его от "догматического сна", Дэвид Юм, критикуя причинность, говорит о недоказуемости ее в будущем, но и не отвергает ее, то есть, образно говоря, он вовсе не считает умным прыгать с Эйфелевой башни в надежде на то, что мы не разобьемся насмерть, хотя мы и не знаем этого на сто процентов³. Штаммлер упускает вышеизложенные соображения Канта и Юма, говоря о нераспространении причинности на будущее, поэтому представляется обоснованной позиция М. Вебера, согласно которой Штаммлер в некоторых вопросах возвращается от Канта не только к Юму, но и даже к схоластике⁴.

Одновременно следует признать и то, что (словами П.И. Новгородцева) "с точки зрения должного мы оцениваем не только будущее, но также прошлое и настоящее"⁵. Именно поэтому мы способны оценить с точки зрения нравственности решения политических деятелей прошлого и настоящего. На этом основании позиция Штаммлера, по мнению Новгородцева, не только

¹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 95.

² Там же. С. 87. См. также: Фролова Е.А. Правовой идеал в философии права. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. №5. С. 71.

³ Указанный пример см. в: Гилье Н., Скирбекк Г. История философии. Введение в философские корни современности. М., 2008. С. 383.

⁴ Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 196.

⁵ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 95.

необоснованно ставит этику на место науки, но и отчасти принижает этику, превращая ее в служанку науки¹.

С.Н. Булгаков, критикуя философию Штамmlера, также обращал внимание на то, что неизвестность будущих действий еще не означает отсутствие их предопределенности, называя соответствующий аргумент Штамmlера "весьма странным". Поясняя свою мысль, Булгаков иронизирует, что "нельзя из факта ограниченности поля нашего зрения сделать вывод, что можно видеть и помимо глаз"². Наконец, с аналогичных позиций возражал Штамmlеру М. Вебер³.

Со своей стороны считаем необходимым отметить у Штамmlера следующее противоречие. Ученый заявляет, что для уразумения того, как именно следует изменять право на пути к идеалу, мы должны предварительно решить вопрос о познаваемости и познать причины и способы возникновения и развития социальных феноменов (массовых правоотношений), благодаря чему спрогнозировать их возникновение и развитие при нынешнем и при будущем (предполагаемом как должное) правовом регулировании⁴. Также Штамmlер уделяет особое внимание тому факту, что изучение будущего поступка человека с точки зрения причинности "доступно в очень ограниченных размерах" и ввиду несовершенства познавательных средств до сих пор не удовлетворяет критериям научности, почему категория долженствования и может быть применена в отношении будущего⁵. Но если так, то становится невозможным определить, какие именно социальные феномены вызовет новое правовое регулирование! Всё, что остается в таком случае – принимать нормы права "наугад" и лишь *post factum* по критерию массовости новых социальных феноменов догадываться о правильности сделанного шага. Более того, будь Штамmlер последовательнее,

¹ Там же.

² Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 26.

³ Weber M. Addendum to the Essay on Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 231.

⁴ Штамmlер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1 СПб., 1907. С. 294. См. также: Том 2. СПб., 1907. С. 300.

⁵ Штамmlер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 25-26.

ему пришлось бы признать, что ограниченность познания касается не будущих, а именно настоящих и прошедших действий (о чем он говорит в другом месте), к будущему же категория причинности неприменима в принципе; тогда концепция Штаммлера стала бы еще более проблематичной.

В действительности объективный правовой идеал вовсе не нуждается в таком оправдании, как неприменение причинной связи к будущему. Поэтому в итоге Штаммлер заявляет, что даже полное установление эмпирических причин возникновения идеи добра не отмечает систематического значения данной идеи¹. Таким образом, невозможность познания причинно-следственных связей будущих человеческих действий является у Штаммлера лишь практическим, но не теоретическим оправданием правового идеала.

Взгляды Штаммлера на причинность и цель подвергались критике и по другим основаниям. Так, ученый объединяет каузальность и телеологию под одним словом – закономерность, поясняя, что закономерность есть "основоположное единство" (единообразное понимание сменяющих друг друга явлений)². Штаммлер выделяет всего два типа закономерностей: каузальные и телеологические. При этом первые, по его мнению, свойственны лишь естественным наукам, а социальные науки вынуждены довольствоваться вторыми³. В итоге социальное познание как выявление общезначимого (закономерного) в социальных явлениях свелось у Штаммлера к оценке этих явлений с точки зрения должного. В связи с этим многие критики указывали на противоречивость указанной концепции, говоря о невозможности *познания* с точки зрения свободы, об отсутствии особой телеологической закономерности⁴.

¹ Там же. С. 43.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 3, 5. См. также: Ильин И. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. М., 2001. С. 7.

³ См., напр.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 19. В связи с этим Штаммлер даже противопоставлял науку о целях, о должном – естественной науке, опуская все остальные возможные науки. См. там же. С. 48.

⁴ Распространение понятия закономерности на сферу должного происходит у Р. Штаммлера под влиянием Г. Когена, который, по замечанию В.А. Савальского, обосновывал этику тремя положениями: "что возможна новая закономерность, отличная от закономерности научного

Так, П. Струве, анализируя философию Штаммлера, полагал неверным указанное определение закономерности. По его мнению, закономерность есть "основоположное единство *опыта*", и применение данного понятия к сфере долженствования получает совершенно иной (внеопытный) смысл¹. В подтверждение своих взглядов Струве приводит слова Канта, который утверждал, что о законах можно говорить лишь в отношении природы, тогда как свобода есть "голая идея", в природе не встречающаяся². В защиту Штаммлера можно сказать, что речь здесь идет лишь о более или менее удачном словоупотреблении, а не о сущности учения. Мыслитель подчеркивает, что "различие между познанием и волею остается" и "сознается нами с полной определенностью"³. Долженствование не имеет у Штаммлера статуса, равного бытию, а объективность долженствования означает лишь его всеобщность. Так или иначе, взгляды Штаммлера требуют того уточнения, что справедливость, в отличие от необходимости, есть категория оценки, а не познания (объяснения)⁴. Представляется не случайным одно существенное отличие телеологической точки зрения от каузальной, которое замечает и сам Штаммлер: закон причинности сам

опыта, что эта закономерность может быть формулирована в принцип, и что, наконец, эта закономерность не есть закономерность чего-то воображаемого, а закономерность нового бытия, нового предмета; иначе, что существует другой опыт, отличный от научного в смысле естествознания...". Савальский В.А. Указ.соч. С. 36. По Когену "регулятивный принцип есть принцип особой закономерности", "метод рассмотрения явлений". С. 102, 115. Сказанное, конечно, свидетельствует лишь о единстве терминологии Когена и Штаммлера, но не о единстве их взглядов. Кроме того, еще раньше Кант подвергался критике, аналогичной той, что высказывалась в адрес Штаммлера, поскольку применил понятие закономерности к чуждой ей этической сфере. См. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. / Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 137. В конечном счете, рассматриваемая полемика носит, по нашему мнению, скорее терминологический характер.

¹ Струве П. Свобода и историческая необходимость. // Вопросы философии и психологии. - 1897 (год VIII). Кн. 1 (36). С. 122-123.

² Там же. С. 123.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 26.

⁴ На этом настаивал, опять же, Б.А. Кистяковский. См.: Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 196.

по себе не нуждается в поиске конечной причины, тогда как закон цели основан на идее соответствия конечной цели¹.

М. Вебер, также подвергнув скрупулезному анализу употребление Штаммлером понятия "закономерности", установил, что данное понятие используется теоретиком права в самых различных значениях, причем иногда это случается в одном и том же предложении². По мнению Вебера, Штаммлер "колеблется между знанием о фактах и оценкой фактов", которые должны строго различаться³, смешивает законы природы с логическими и практическими законами (нормами)⁴, а также путает "точки зрения" и "методологические принципы" с кантовскими априорными категориями, являющимися логическими предпосылками опыта⁵. Кроме того, Вебер полагал, что вопреки Штаммлеру, обобщение явлений может происходить не только с точки зрения причинности и цели, но также с точки зрения простой классификации (например, таково обобщение множества объектов в категорию "белые объекты")⁶. Анализируя указанную критику Штаммлера Вебером, русский философ права Н.Н. Алексеев обращал внимание на то, что Вебер необоснованно освобождает себя от необходимости поднять свою критику на достаточную философскую высоту, а вместо этого изобличает личность Штаммлера и пытается найти как можно больше неточностей в его работе, в итоге критика носит лишь филологический

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 23. Обозначая указанное различие, Штаммлер не заостряет далее на нем внимание, между тем оно имеет принципиальное значение. Поэтому Б.А. Кистяковский справедливо критикует неточность самого термина "конечная цель", которым Штаммлер обозначал критерий общезначимости человеческих поступков: "Наука, - пишет Кистяковский, - признает конечную цель так же непознаваемой, как первую причину". Но в итоге русский юрист вынужден согласиться, что Штаммлер имеет в виду именно априорную регулятивную цель в духе Канта, а не конечную цель как исход мира. См.: Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 626 и сноска на стр. 628. Во втором издании "Хозяйства и права" Штаммлер сам признает, что термин "конечная цель" не слишком удачен. См. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 22.

² Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 192.

³ Ibid. P. 193, 198.

⁴ Ibid. P. 194.

⁵ Ibid. P. 200.

⁶ Ibid. P. 196.

характер, но философская ценность трудов Штамmlера ею вовсе не опровергается¹. В то же время, Н.Н. Алексеев соглашался с Вебером в том, что Штамmlер придает несколько различных значений словосочетанию "основоположное единство" (понимаемому то как "закономерность", то как "объединяющий принцип", "методическая точка зрения", наконец как "форма", при этом различается право как форма общественной жизни, и чистая форма самого понятия права)².

С основными критическими замечаниями М. Вебера относительно методологии Р. Штамmlера был согласен и русский философ И.А. Ильин. Так, по мнению Ильина, понятие закономерности не следует сводить к единообразному пониманию явлений, ибо последнее может быть достигнуто как обычным эмпирическим обобщением, так и при помощи априорных категорий³. Следует признать обоснованным замечание отечественного мыслителя, согласно которому "норма должного" предполагает изменение того, что уже познано с помощью "нормы познания", и, вопреки философии Штамmlера, не может сама быть нормой познания⁴.

Сам Штамmlер в ответ на критику Вебера также не без оснований отмечал, что многозначность понятия "закономерности" и неточность словоупотребления сами по себе не опровергают его позицию о существовании двух общезначимых способов унификации содержания нашего сознания (каузальной и телеологической закономерностей)⁵. Со своей стороны добавим, что невыделение Штамmlером такого способа обобщения явлений, как классификация (на что указывали Вебер, Ильин, Кистяковский) вовсе не отрицает саму возможность

¹ См.: Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штамmlера. // Вопросы философии и психологии. № 1 (96). Январь-февраль 1909. С. 4-5. Действительно, анализируя "разгромную" статью Вебера о книге Штамmlера "Хозяйство и право", сложно выделить в ней какую-либо главную мысль, которая опровергала бы учение Штамmlера. Вебер сосредоточен исключительно на критике штамmlеровского словоупотребления.

² Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штамmlера. // Вопросы философии и психологии. - Январь-февраль 1909. - № 1 (96). С. 17-18.

³ Ильин И. Указ. соч. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Weber. R. Stammler's "surmounting" of the materialist conception of history, Part 1. // British Journal of Law and Society. Vol. 2, No. 2 (Winter, 1975). 132-133.

классификации. По Штаммлеру, классификация сама по себе не дает нового знания, то есть не имеет своей закономерности.

Помимо изложенного, в неокантианской литературе отмечалось, что категория цели (телоса) свойственна не только социальным, но и естественным наукам, хотя бы потому, что может рассматриваться как вид причинности. Особую роль телоса для естественных наук показал В.А. Савальский со ссылкой на Г. Когена. Названные авторы отмечали, что существует не только математическое, но и описательное естествознание, которое изучает живые организмы, при этом само понятие организма невозможно без идеи цели¹. Более того, некоторые неокантианские мыслители замечали, что описательное естествознание (геология, зоология, ботаника) имеет дело не только с живыми организмами, но и с любыми индивидуальными объектами природы². Эти замечания также показывают односторонний характер позиции Штаммлера.

Несмотря на вышеизложенную критику, следует согласиться с П.И. Новгородцевым в том, что Штаммлер убедительно показал необходимость строить общественный идеал на основе телеологического, а не каузального подхода. По мнению отечественного ученого, именно этой цели служила штаммлеровская концепция "закономерности воли", и с этой целью она успешно справилась³.

Ряд авторов в своей критике правового учения Р. Штаммлера исходили из отрицания самого кантовского априоризма.

Не лишено смысла и замечание представителя самого неокантианского направления П. Новгородцева, по словам которого кантовский критический метод сам по себе означает преобладание критических стремлений над практическими

¹ Савальский В.А. Указ.соч. С. 46, 62.

² Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 92. Кант называл эту сферу "спецификацией природы", и, как отмечает Б.А. Кистяковский, выделение бесконечного разнообразия индивидуальных частных свойств природы есть величайшая заслуга Канта, которую теперь часто забывают. Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 139.

³ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 96.

указаниями, а последние зачастую оказываются слабо разработанными; с другой стороны, пишет мыслитель, этот метод не исключает положительного отношения к целям обозримого будущего, он лишь не допускает возведение этих целей в ранг вечных и последних¹.

В первую очередь, самостоятельность этического долженствования отрицают позитивисты и утилитаристы. Гносеологические и методологические ошибки их взглядов неоднократно вскрывались как Штаммлером, так и другими неокантианцами (Б. Кистяковский, В. Виндельбанд и др.). Некоторыми авторами предпринимались также дискуссионные попытки поставить практический разум в зависимость от теоретического².

М. Вебер, в целом крайне негативно относившийся к творчеству Р. Штаммлера, всё же признавал достоинством его философии попытку отыскать формальные предпосылки социального идеала, полагая, что данная попытка "представляет некоторый интерес"³. В то же время, Вебер называл позицию Штаммлера о систематическом характере основной социальной закономерности схоластической мистификацией, отстаивая постулат свободы ценностей⁴. В ответ Штаммлер писал, что с позиции Вебера наука сводится к накоплению общих положений, сгруппированных в определенных сферах (согласно "точкам зрения")

¹ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С.261.

² Е.Н. Трубецкой отмечал: "Если анализировать нравственность – значит подчинять веления практического разума высшему суду разума теоретического... ставить достоверность велений практического разума в зависимость от достоверности тех или других теоретических положений". Трубецкой Е.Н. Новое исследование о философии Канта и Гегеля. // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (61). М., 1902. С. 591. Иными словами, нормы морали ставятся в зависимости от норм логики. На такой аргумент справедливо возражал Г.Д. Гурвич, полагая, что априорность правовых принципов не исключает их теоретического анализа а posteriori, позволяющего раскрывать всё новые грани идеала. В этом случае металогический практический разум не подчиняется теоретическому, а только раскрывается через него. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права. / Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 395-396. П.И. Новгородцев также обращал внимание на то, что нравственный закон непосредственно дан нам, и не является предметом познания; но его конкретные формулировки зависят от логического анализа. См. Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 57 (II). С. 287.

³ Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 185, 225.

⁴ Ibid. P. 189.

исходя лишь из целей научной экономии, однако Вебер не учитывает, что совокупность фактов всегда предполагает некий универсальный метод их обработки¹. Противоречивую оценку творчеству анализируемого автора давал Н.А. Бердяев, называвший, с одной стороны, "положительной заслугой Штаммлера то, что он ввел в социальную философию понятие *общеобязательной цели*", но отрицавший, с другой стороны, кантовское разграничение свободы и необходимости, заявляя: "Штаммлер поставил только великий вопрос, указав на значение категории справедливости для социальной философии, решить же его ему не удалось"². Подобные скудные оценки вклада Штаммлера в науку вряд ли могут быть названы хотя бы отчасти положительными.

На ранних этапах своего творчества П. Струве и С. Булгаков критиковали учение Штаммлера, отрицая кантианское понимание телоса (абсолютного долженствования)³.

Так, П. Струве критерием объективности видел практику (повседневную и научную), в том числе общение с другими людьми. Во вступительной статье к книге Н.А. Бердяева "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии" мыслитель, в отличие от неокантианцев, отрицает нормативный характер логических законов, полагая, что законы логики являются естественно-необходимыми, и мы не можем не мыслить логически. Данная позиция представляется спорной, так как помимо логического мышления имеются другие способы познания (интуиция, вера и т.п.). В полемике со Штаммлером Струве утверждал, далее, что долженствование есть одна из форм наших представлений, которая не связана с каким-либо содержанием опыта больше, чем с другим. Но если так, то априорное понятие долга говорит нам о том, что мы должны делать, не больше, чем понятие бытия о том, что же именно существует. Поэтому если в

¹ Weber. R. Stammler's "surmounting" of the materialist conception of history, Part 1. // British Journal of Law and Society. Vol. 2, No. 2 (Winter, 1975). 132. (Introduction of translator, Martin Albrow). Переводчик данной статьи называет критику Штаммлера Вебером позитивистской, хотя некоторые ученые относят Вебера к баденскому неокантианству. Р. 131.

² Бердяев Н.А. Указ.соч. С. 112-113 (сноски).

³ Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 41.

сфере долга и есть объективность (закономерность), то эта объективность – "второго порядка"¹. Такое разграничение первого и второго порядка Струве, однако, никак не обосновывает. Признавая некоторую объективность категорического императива Канта, Струве всё же пытается отказать ему в праве на существование с позиции так называемого им "гносеологического монизма". Между тем, с точки зрения теории познания Марбургской школы "закономерность природы, а также нравственная закономерность сводятся к собственному законодательству разума" (П. Наторп)², таким образом, природа закономерности в обоих случаях одинакова, а позиция Струве представляется дискуссионной. Отвечая на такого рода критику в адрес Канта, В.А. Савальский писал, что "формальный характер морального закона отнюдь не означает, что в него можно вложить любое содержание – совершенно наоборот, как метод предопределяет свое содержание, так и моральный закон Канта предопределяет свое содержание"³. По нашему мнению, даже в отсутствие конкретного опыта понятие долга способно сказать нам о том, что может считаться добром, в той же самой мере, в какой понятие истины в отсутствие конкретного опыта говорит о том, что в принципе может считаться действительным (каковы критерии истинности). Впоследствии П. Струве с позиций легального марксизма перешел на позиции философского идеализма.

Для раннего Булгакова свобода в мире явлений в отсутствие мира ноуменов была возможной только как относительное субъективное переживание (психологическая свобода). При этом русский философ писал, что в отношении самых дорогих чувств и самых заветных целей, человек даже чисто психологически чувствует себя наименее свободным⁴. На этом основании Булгаков критически относился к философским взглядам Штаммлера, но впоследствии сам изменил свои взгляды, перейдя, как он сам выразился, "от

¹ Струве П. Указ. соч. С. 128-129. В т.ч. сноска на стр. 129.

² Наторп П. Указ. соч. С. 127.

³ Савальский В.А. Указ. соч. С. 118.

⁴ Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 44-47. Статья представляет собой краткий обзор и критику учения Штаммлера.

марксизма к идеализму". Данная эволюция взглядов произошла во многом под влиянием Р. Штаммлера. Если в 1896-1897 гг. Булгаков выступал критиком кантианской методологии, то в 1903 г. в статье "О социальном идеале" он соглашается со Штаммлером в том, что свобода есть "*непосредственный факт сознания*", и описание человеческих действий только с точки зрения необходимости приводит к гносеологическим противоречиям¹. Более того, он признает, что неокантианское учение о причине и цели носило исключительно гносеологический, а не метафизический характер, поэтому прежняя критика этого учения Булгаковым шла мимо цели². Далее русский мыслитель соглашается с тем, что естественное право возможно только как априорный принцип с изменяющимся содержанием³, как регулятивная идея, которая сама по себе никогда не достижима, но указывает на необходимость достижения конкретных целей⁴. Таким образом, многие годы исследований привели Булгакова к признанию основных положений неокантианского научного идеализма, с позиций которого Штаммлер и выстраивал свою концепцию социального идеала.

Отметим также раннего Н.А. Бердяева, который напрасно пытался обвинить Штаммлера в том, что последний "повторяет все ошибки Канта" в решении вопроса о свободе и необходимости и "никак не может понять, что законосообразность, как причинная обусловленность, не должна терпеть никакого ущерба от целесообразности, которую он называет законосообразностью воли"⁵. В действительности Штаммлер как раз говорил о безущербном сосуществовании категорий свободы (целесообразности) и необходимости (законосообразности), признавая, в том числе, и психологический аспект свободы, о котором писал русский мыслитель; в позициях Бердяева и Штаммлера относительно неокантианской методологии больше общих мест, чем различий, поскольку

¹ Булгаков С.Н. О социальном идеале. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 288-290.

² Там же. С. 291, сноска.

³ Там же. С. 299.

⁴ Там же. С. 307. По мнению Булгакова, идеалы равенства и свободы по своей сути отрицают условия эмпирического бытия.

⁵ Бердяев Н.А. Указ.соч. С. 70, 110 (сноски).

Бердяев, как и Струве с Булгаковым, постепенно перешел от "легального марксизма" к идеализму, и, по некоторым оценкам, "примыкал к Марбургской школе неокантианства"¹.

Л.И. Петражицкий, в свою очередь, критиковал Штамллера, отрицая кантианское разграничение царства природы и царства свободы, и утверждая следующее: "Этот метод следует признать ненаучным с элементарно-логической точки зрения. Нелогично, нелепо обосновывать наличие чего-либо тем, что мы в нем нуждаемся"². Русский юрист сравнивал философов, постулирующих свободу воли, с охотником, пришедшим в лес без патронов, но постулирующим их, так как это необходимо для охоты. Однако это сравнение, как думается, не учитывает тот факт, что человечество способно выжить без патронов, но не способно – без нравственности. П.И. Новгородцев замечал в отношении разрабатываемой Петражицким политики права, что сама она также подразумевает уже данный идеал (любви, пользы и т.п.), который может быть обоснован только посредством неокантианской методологии³. С мнением Новгородцева относительно теории Петражицкого соглашался и В.А. Савальский⁴, отмечая, что автор психологической теории права вынужден обращаться к неокантианской методологии и при выработке самого понятия права. Вопреки своему методу, пишет Савальский о Петражицком, "определение права он не индуцирует из наблюдений над всевозможными психическими состояниями сознания, а предпосылает им... Определение права в психологической теории *случайно* совпадает поэтому с тем, которое можно дать с

¹ Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 474. См. также стр. 483.

² Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб. 1908. С. 153. С этой точкой зрения соглашался А. Кролик. См. Кролик А.А. Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции. СПб, 1913. С. 64.

³ Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 3. С. 16.

⁴ Савальский В.А. Указ.соч. С. 326-327.

точки зрения систематической философии"¹. Таким образом, у психологической теории права есть свои границы в образовании понятий².

Зарубежный исследователь проблем философии права, М.Р. Коэн (M.R. Cohen), писал: "Штаммлер, как и другие неокантианцы, как представляется, смешивает логическую форму согласованности, необходимую для всех рациональных построений в области морали и права, с конечной целью или идеалом, неизбежно включающими проблему выбора"³. Ученый полагал, что Штаммлер строит свою теорию на зыбкой почве, пытаясь штурмовать "эпистемиологические небеса"⁴. По нашему мнению, с учетом самых разных оценок неокантианской методологии, речь должна идти всё же не о смешении двух областей (данный упрек автора несправедлив), а об обоснованности использования одного и того же систематического метода как при анализе сущего, так и при формулировке должного. Таковое представляется обоснованным, поскольку еще Кант показал, что и истина, и добро должны пониматься как согласие разума с самим собой.

Итак, учение Р. Штаммлера о правовом идеале целиком основано на неокантианском разграничении сущего и должного, необходимости и свободы, причинности и цели, генетического и критического метода, постулировании абсолютного долженствования. Несмотря на некоторые ошибки, Штаммлер последовательно провел указанную методологию в область права, тем самым указав на возможность абсолютной идеи справедливости и на возможность ее научного исследования. Анализ вышеизложенной критики неокантианской методологии исследователями Р. Штаммлера показывает, что сам по себе неокантианский подход к проблеме правового идеала заслуживает внимания научного сообщества, и до сих пор не утратил своей актуальности.

¹ Там же. С. 299.

² Там же. С. 308. Эта дискуссия, развернувшаяся между отечественными правоведами относительно учения Штаммлера, по сути повторяет заочную полемику Шопенгауэра и Канта, когда первый из них высказывал сомнение в самом существовании объективного нравственного закона. Шопенгауэр А. Указ. соч. С. 136.

³ Cohen Morris R. Recent Philosophical-Legal Literature in French, German and Italian (1912- 1914). // International Journal of Ethics, Vol. 26, No. 4 (Jul., 1916). P. 539-540.

⁴ Ibid. P. 540, 542.

3. Понятия общества и права как основа науки о праве

Рудольф Штаммлер предложил не только собственную оригинальную концепцию социального (правового) идеала как учения о должном, но и подробно обосновал, почему социальный идеал является одновременно правовым. Понятие права у Штаммлера предстает методологической основой всей социальной философии, будучи тесно связанным с понятием общества.

Первоочередной задачей социальной философии является ответ на вопрос: "Что есть общество?". Штаммлер выдвигает тезис о том, что главным признаком общества является "*создаваемое* людьми *регулирование* их взаимоотношений и всей их совместной жизни", иными словами - внешнее регулирование поведения людей. Только этот момент и делает возможным само понятие социума как особого объекта¹. "Под внешним правилом человеческой деятельности мы должны понимать такое правило, которое по своему значению совершенно независимо от побуждений, заставляющих отдельное лицо ему следовать"². В этом смысле внешние правила по мысли философа отличаются от моральных правил, которые наоборот предписывают именно должную волю.

Штаммлер указывает, что исторический опыт не знает человека, который существовал бы в отсутствие внешним образом урегулированного сотрудничества с другими людьми, ибо даже если кто и живет изолированно, все человеческое дало ему именно общество (в качестве примера автор приводит Робинзона Крузо)³. С другой стороны, ученым не отрицается гипотетическая возможность

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 90. Указанный тезис Штаммлер противопоставляет воззрению Спенсера о том, что общество определяется длительностью взаимоотношений подобно тому, как дом определяется постоянством комбинации камней, кирпичей, дерева и т.п. См. там же. С. 84-85. Штаммлер обращается также к тезису Зиммеля, полагавшего, что общество есть взаимодействие индивидов. По мнению Штаммлера, Зиммель остановился на полдороги, не раскрыв должным образом суть взаимодействия (внешнее регулирование). Там же. С. 117.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 91, 93. См. также стр. 320.

изначально изолированного существования человека¹, и именно она предоставляет нам возможность выявить главные черты общества.

Во-первых, человеческое общество можно противопоставить простому сосуществованию животных, у которых внешнего регулирования нет. Различия объектов, по Штаммлеру здесь налицо: хотя в мире животных можно обнаружить множество примеров разумного сосуществования, речь в подобных случаях идет скорее о разумном (в некотором смысле) устройстве природы, чем о разумности самих животных, которые объединяются исключительно ввиду природного инстинкта – у людей, напротив, имеется "сознание идеи цели"². В этом разграничении Штаммлер косвенно задевает ключевое отличие человека от животного – наличие сознания. Несмотря на это, Штаммлер настаивает, что главное отличие человеческого общества от животного симбиоза – внешнее регулирование (как нам представляется, оно лишь производно от сознания)³.

Далее ученый со ссылкой на Канта утверждает, что мнение о наличии у некоторых видов животных сознания всегда будет оставаться "личным делом" каждого, но факт в том, что даже после научного подтверждения этого мнения социальность как явление не потеряла бы своей индивидуальности⁴. По нашему мнению, указанная позиция верна в том, что расширение сферы социальности не отменяет ее уникальности, однако неверно считать научное подтверждение наличия у животных сознания принципиально невозможным. В таком случае неясно, на основе каких данных подтверждается наличие сознания у самого человека. Более важным в комментируемом утверждении является, однако, другое: Штаммлер всё-таки вынужден сделать акцент на дихотомии именно сознания и инстинктов, а не внешнего регулирования и инстинктов (предполагающих отсутствие такового).

Во-вторых, Штаммлер противопоставляет ситуацию внешнего регулирования взаимодействию высокоразвитых личностей, поступающих в

¹ Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М., 1906. С. 60.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 97, 100.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 101-102.

соответствии с требованиями разума и этики в отсутствие каких-либо социальных норм. Такое поведение не должно основываться на предварительном соглашении, так как последнее уже предполагало бы использование внешних правил поведения (правил языка). При отсутствии подобного соглашения Штаммлер объявляет рассматриваемую им абстракцию "нелепой" и отбрасывает ее, снова утверждая внешнее регулирование как принцип социума¹. Представляется однако, что как раз в абстракции описанная Штаммлером ситуация высоконравственного взаимодействия нескольких личностей в отсутствие заранее установленных правил поведения (в том числе языка) вполне может мыслиться, другое дело что внешне она ничем не будет отличаться от инстинктивного поведения, поэтому действительно не входит в сферу социального в привычном смысле.

Таким образом, в дополнение к Штаммлеру следовало бы сказать, что внешнее регулирование выступает только проявлением сознания, образующим социальную жизнь, и, с другой стороны, вероятно, условием развития сознания, но как сознающее существо человек может изучаться не только науками об обществе (в частности, речь может идти о когнитивной психологии, не случайно сторонник идей Р. Штаммлера И. Давыдов выделяет три точки зрения на мир: натуралистическую (естественно-научную), социологическую (через призму внешнего регулирования) и психологическую)². В этом смысле представляется обоснованной критика учения Штаммлера Бройером, который заметил, что если природа всегда существует благодаря нашим априорным формам чувственности, то общество представляет собой эмпирический феномен, который может и отсутствовать, следовательно, нельзя противопоставлять природу и общество как равнозначные предметы, исключая науки с иными предметами³. Полемизируя со Штаммлером, Бройер полагал, что априорное понятие общества должно определяться через нравственный закон, который уже сам по себе предполагает других людей, наши обязанности по отношению к ним, и связывает, таким образом, всех нас как разумных существ (*Vernunftswesen*). Не человек, утверждает

¹ Там же. С. 104-105.

² Давыдов И. Указ. соч. С. IX – XII.

³ Breuer I. Op. cit. S. 49.

исследователь, становится социальным благодаря правилам, а правила появляются как возможное следствие социальности (требований нравственного закона)¹. Это возражение обоснованно отсылает нас к возможности рассмотрения человека как носителя сознания, способного к различению добра и зла, и именно этот его признак, а не внешнее регулирование, образует особый предмет исследования (понятие внешнего регулирования может быть сохранено как часть нового предмета).

Следует отметить особенность аргументации Штаммлера, которая во всех направлениях прибегает к эмпирическим данным². Получается, что понятие человеческого общежития поставлено в зависимость от конкретных фактов, что прямо противоречит первоначальной задумке Штаммлера, согласно которой это понятие должно составлять именно логический, а не исторический *prius*³. При таких обстоятельствах изменение эмпирических данных должно было бы вести к совершенствованию формулировки *prius*'а, но это уже невозможно, так как соответствующие данные будут отбрасываться как не относящиеся к понятию. В связи с этим возникает проблема выработки способа совершенствования научного знания и непревращения науки в догматизм.

В таком явлении, как общество, Штаммлер различал *форму* и *материю*. Так, внешнее регулирование есть неизменная формальная характеристика социума. Внешнее регулирование направлено ни на что иное, как на поступки и действия людей. "Поэтому материей социальной жизни служит *совместная деятельность людей, направленная к удовлетворению их потребностей*"⁴.

¹ Ibid. S. 65-66.

² Так, Штаммлер указывает, что в истории нет свидетельств изолированного существования людей (даже Робинзон Крузо первоначально пребывал в обществе, идея же дикого Маугли Штаммлером вообще не рассматривается), в истории также нет свидетельств высоконравственного взаимодействия личностей в отсутствие внешнего регулирования (такое Штаммлер называет "маловероятным"), и, наконец, наука не может предоставить вразумительных свидетельств наличия сознания у животных, что исключает наличие у них внешнего регулирования в том смысле, в каком оно есть у людей.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 111. Собственно, именно к этой идее сводится вся критика Штаммлером "юридического эмпиризма": понятие права не может быть выработано индуктивно, а должное не следует из сущего.

⁴ Там же. С. 142.

Именно таков должен быть объект социальной науки, и именно материю социальной жизни Штаммлер обозначает термином "*социальное хозяйство*"¹. Как отмечал И. Давыдов, по общепринятой терминологии это скорее "социальная деятельность"². (При этом Штаммлер не заостряет внимание на том, что совместные действия людей всегда предполагаются осознанными.)

Одновременно ученый совершенно справедливо указывает на условность и неопределенность разграничения потребностей материальных (низших) и духовных (высших), предлагая классифицировать потребности на социальные (удовлетворение их связано с деятельностью других лиц согласно общим правилам) и несоциальные³. По замечанию автора, последние являются нетипичными, их "приходится выискивать"⁴; однако, по нашему мнению, именно эти потребности (Штаммлер называет, например, потребность "размышлять о Боге") показывают, что человек как сознательное существо может изучаться не только в рамках социума. В этой связи чрезмерно категорическим представляется утверждение мыслителя о том, что хозяйство не существует *in abstracto*, а слову хозяйство соответствуют два совершенно разных понятия (естественнонаучное и социальное)⁵.

Итак, Штаммлер определяет общество как внешним образом урегулированное сотрудничество, противопоставленное инстинктивному существованию и взаимодействию абсолютно нравственных лиц, не нуждающихся во внешнем принуждении к соблюдению и исполнению норм или в их прояснении, и различает в обществе форму (внешнее регулирование) и материю (совместная деятельность по удовлетворению потребностей).

¹ Там же. С. 145. С.Н. Булгаков под влиянием марксизма критиковал данное определение хозяйства, полагая, что к хозяйству относится исключительно производственная деятельность, поэтому по Булгакову все хозяйственные отношения являются правовыми, но право регулирует не только их. См. Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 60.

² Давыдов И. Указ. соч. С. VII.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 148-153.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Там же. С. 156.

В рассуждениях о форме социальной жизни (внешнем регулировании), Штаммлер предпринимает попытку логически вывести априорное понятие права. Существуют, пишет он, два основных направления человеческого сознания: восприятие (*Wahrnehmen*), связанное с категориями причины и следствия, и воление (*Wollen*), связанное с категориями цели и средств. Право, по мнению ученого, относится к волению, поэтому подчиняется телеологической закономерности. Таким образом, право принципиально определяется как воля, то есть как полагание цели. Но это не продукт, не часть, а вид воления: в отличие от простого желания, представляющего собой волю без необходимых для ее реализации средств, право это *действующая* (*wirkende*) воля, а в отличие от многоголосья отдельных волей "естественного состояния" право это *единая* (*verbunden*) *воля, объединяющая* (*verbindend*) людей в общество под началом единых целей¹. Но в итоге мы получаем определение скорее не права, а социальных норм, то есть социального воления в целом, гармонизирующего и ограничивающего частные цели. Возникает потребность раскрыть специфику права, в связи с чем Штаммлер выделяет два вида внешнего нормирования (социального воления): *правовое* и *конвенциональное*.

Различие между ними не в том, что первое исходит от государства, а второе имплицитно содержится в самом общественном быте. "Вовсе не необходимо, - пишет Штаммлер, - чтобы юридические нормы устанавливались организованной властью, называемой нами властью государственной. Наоборот, в ходе истории право часто возникало в таких общественных союзах людей, которые в нашем смысле не были государствами. Бродячие племена и орды и народности, ведущие образ жизни кочевников, знают правовой уклад, но не живут в государствах. И сыны Израиля во время сорокалетнего странствования по пустыне представляли собой,

¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 32-36. Binder обращал внимание на некорректное употребление Штаммлером терминов "связанная" (*verbunden*) и "связующая" (*verbindend*) (воля) как синонимов. Также он критиковал Штаммлера за смешение понятий *Willen* и *Wollen* (первое употребляется Кантом в качестве нравственной категории в значении чистой/априорной воли; в таком случае второму остается значение эмпирической воли, но Штаммлер употребляет эти понятия как равнозначные, экстраполируя их за пределы нравственности на всю сферу социального опыта). Binder J. Rechtsbegriff und Rechtsidee. Leipzig, 1915. S. 34, 42-43.

как гласит предание, тесно сплоченное и строго подчиненное правовое общение, но не составляли государства. Во всех этих случаях отсутствует прочная связь с определенной территорией, в которой мы усматриваем существенный признак понятия государства. Мы знаем, кроме того, что в известные довольно продолжительные периоды социальной истории дело создания и реформирования права предоставлялось церкви, автономным коммунам и другим организациям, - даже семейным союзам, - к которым понятие государства уже не приложимо. Наконец, в современном международном праве мы имеем пример правовых норм, вытекающих из таких источников права, которые стоят *над* отдельными государствами"¹.

Далее Штаммлер замечает, что в действительности и понятие государства можно использовать в таком смысле, которое включало бы все названные примеры (понятие публичной власти у мыслителя не фигурирует), но из этого он без достаточных посылок заключает, что понятие государства всегда зависит от понятия права, а не наоборот. "Такой аргумент слаб, - справедливо указывает А.В. Поляков, - поскольку покоится на известном правопонимании, и не будет ничего логически несообразного в том, чтобы, исходя из другой теории правогенеза, утверждать обратное – что невозможно мыслить понятие права, не имея уже готового понятия государства, составляющего необходимое условие для возникновения представления о праве"².

Отметим, что, как и при формулировании понятия общества, в понятии права Штаммлер обращается к наличному опыту, и пытается выработать такое понятие, которое охватывало бы все данные опыта без исключения. Но это

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 131-132. Этот же отрывок цитирует в своей статье русский юрист Ю.С. Гамбаров, полностью соглашаясь (как нам представляется, необоснованно) с мнением Штаммлера. См. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах. // Правоведение, 1995, №4-5. С. 101. Единственное возражение Гамбарова Штаммлеру в части понятия права – чисто терминологическое: он предпочитает говорить о таком признаке права, как обязательность, а не принудительность. С. 107, 110-111. Но и у Штаммлера самовластность права не сводится к принудительности.

² Поляков А.В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания. / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 204.

противоречит его же тезису о том, что сначала рождается понятие, и уже потом оно применяется к тому или иному опыту. Автор заявляет в частности, что различия между видами воления должно быть установлено чисто логически¹.

Так или иначе, различие правовых и конвенциональных норм у Штаммлера построено следующим образом. Право "имеет притязание повелевать, совершенно не считаясь с согласием тех, кому оно повелевает. Правовая норма сама решает, кто ей подчинен, при каких условиях то или иное лицо вступает в установленный ею союз и когда может из него выйти". Таким образом, право само полагает круг лиц, на которых оно распространяется. В этом смысле к праву можно отнести многие нормы объективной этики. Конвенциональные же нормы представляют собой лишь предложения поступать определенным образом, рассчитанные на добровольное согласие адресата с необходимостью их соблюдать, и без такого согласия не имеющие смысла (правила приличия, этикета, моды, рыцарской чести)². Лицо, не согласное соблюдать эти нормы, попросту перестает быть ими связанным³. Названное различие обозначает такой признак права, как *самовластность* (*selbstherrlich*), самовластное воление и притязание на действительность⁴. Этот признак нельзя отождествлять с принудительностью права: по мнению Штаммлера, поскольку право может соблюдаться и добровольно, оно далеко не всегда требует принуждения, хотя и всегда самовластно⁵. Заимствуя указанную характеристику права, Г. Радбрух писал: "Другой правопорядок также действует с точки зрения какого-либо определенного правопорядка лишь потому,

¹ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 3.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 135, 131.

³ Ю.С. Гамбаров комментирует: "Не раскланиваясь со знакомыми, мы не получаем и от них поклонов; отказываясь от дуэли, мы ставим себя вне рыцарского кодекса чести; оскорбляя общество, мы выходим из него и подвергаем себя за это всевозможным неприятностям, перенося их охотнее, чем подчинение такому конвенциональному правилу, которое мы не считаем более обязательным для себя". Гамбаров Ю.С. Указ.соч. С. 107.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 45.

⁵ Смещение названных понятий, как представляется, допускает Breuer. Хотя он и понимает различие между ними, но предпочитает говорить о самовластности как о «принудительности» (*Zwang*), в отличие от «возможности принудительного осуществления» (*Erzwingbarkeit*), и этой терминологией делает вопрос менее ясным. Breuer I. Op. cit. S. 73, 90.

что этот последний предоставил место первому... Поэтому каждый правопорядок притязает на действие по всему земному шару"¹.

Правовые и конвенциональные нормы, как верно отмечает Штаммлер, неправильно различать по сфере правового регулирования, так как этот критерий исторически изменчив²; также неверно различать их по способам возникновения, потому что эти способы могут быть одинаковыми³. Наконец, отмечает Штаммлер, не имеет никакого значения для рассматриваемого разграничения и то, легко ли в действительности освободиться от воздействия конвенциональных правил: по своему фактическому значению они порой имеют решительное преимущество перед правовыми (например, так было у дворянского сословия в вопросах о вызове на дуэль и участии в ней)⁴.

Конвенциональные правила, в свою очередь, необходимо отличать от морали как внутренней саморегуляции индивида, не относящейся в строгом смысле к социальному (внешнему) волеию⁵. В случае конвенциональных правил речь не идет о том, чтобы реализующее их лицо было убеждено в их объективной правильности (реализация данных правил может происходить по самым разным мотивам, например ввиду страха потерять общественное признание и уважение). "Условные требования приличий, мод или рыцарской чести, - комментирует Ю.С. Гамбаров - считаются удовлетворенными независимо от внутреннего настроения или убеждения лица, им удовлетворяющего"⁶. Этим конвенциональные нормы, наряду с правовыми, отличаются от норм нравственности.

С приведенным разграничением права и конвенциональных норм, а также отличием обеих этих разновидностей от норм нравственности был полностью солидарен русский юрист Ю.С. Гамбаров⁷. Между тем, Г. Радбрух подверг

¹ Радбрух Г. Указ. соч. С. 211.

² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоправедения. М., 1908. С. 43-44. В качестве примеров Штаммлер приводит порядок брачных торжеств и крестин, правила ношения одежды, которые раньше регулировались правом, а сейчас – конвенциональными нормами.

³ Там же. С. 46.

⁴ Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М., 1906. С. 40.

⁵ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоправедения. М., 1908. С. 39.

⁶ Гамбаров Ю.С. Указ.соч. С. 106.

⁷ Там же С. 104.

критике позицию Штаммлера, верно заметив, что она не позволяет различить право и обычай: "Притязания обычая на применение еще более амбициозны (selbstherrlicher), чем, пожалуй, у права"¹. Можно предположить, Штаммлер не посчитал это замечание упреком, так как намеренно объединял право с такого рода самовластными обычаями. Сам же Радбрух видел в обычае отживающую смесь права и морали, не имеющую собственной идеи.

Одновременно Штаммлер противопоставляет *право* и *произвол*. Таким образом, выделяется уже три вида социальных правил: конвенции, право и произвол². Разграничивая право и произвол, Штаммлер отмечает, что на сущность права не должно влиять его происхождение: так, новое право нередко возникало в результате революций и государственных переворотов, вопреки предписаниям существовавшего на тот момент права, и всё же само являлось правом³. Иными словами, Штаммлер дает теоретическое обоснование революции и порождаемой ею новой системы права: формально революция противна праву, но вместо прежнего права она создает новое, тем самым легализуя себя. Неверно считать закон произвольным (неправовым) только потому, что он принят незаконно возникшей властью: происхождение не влияет на сущность⁴. В последующем данную мысль воспринял Г. Радбрух, писавший: "Право может возникать не только из права... Существует изначальный акт... становления права посредством прерывания права, образования новой правовой почвы на остывшей революционной лаве"⁵. Вопрос об оправданности революционной смены права, по резонному тезису Штаммлеру, это вопрос правового идеала, а не понятия права.

¹ Радбрух Г. Указ. соч. С.60.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 159-160.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 48-49.

⁴ В качестве практического воплощения данной проблемы можно указать на Славную революцию в Англии, в ходе которой *незаконно* собранный Конвент и занявший трон в результате *государственного переворота* король признали друг друга законными, и посредством *законных процедур* приняли акты, утвердившие новый государственный строй. См.: Томсинов В.А. Английский Билль о правах 1689 года: политико-правовой комментарий // Правоведение. 2010. № 1. С. 250-251.

⁵ Радбрух Г. Указ. соч. С. 107. Автор замечал, что вряд ли в мире найдется правопорядок, который своими корнями не уходит в неправо.

Отметим также следующее. Штаммлер неоднократно повторяет, что право действует до тех пор, пока не сменяется (правомерно или нет) новым правом¹. Однако он не учитывает ту деталь, что право может смениться не только правом, но и произволом, то есть самовластным правилом *инога типа*, и при этом уже не будет действовать правило, по которому "право отменяется лишь последующим правом".

Признак права, отличающий его от произвола, обозначается Штаммлером как *ненарушимость*. Правовые предписания носят объективный характер, а произвольные – субъективный, в том смысле, что право связывает также и власть, его устанавливающую, произвол же предполагает такое отношение власти к устанавливаемым нормам, при котором она не считает себя связанной ими и готова отказаться от этих норм в любой момент². Таким образом, произвол есть право, которое позволяет себя нарушать.

На основании изложенного Р. Штаммлер не соглашается с мнением Р. Иеринга, что право возникло тогда, когда воин-победитель не убил врага, а сделал его своим рабом: подобные отношения между рабовладельцем и рабом, полагает Штаммлер, вообще не являются правом, так как основаны на произволе³.

С штаммлеровской точкой зрения на соотношение права и произвола соглашался Ю.С. Гамбаров, писавший, что "власть, созидаящая право, обязывает им не только лица и органы, к которым она обращается, но и самое себя", и на этом основании отрицавший принуждение как неотъемлемый признак права, поскольку принуждение самого себя логически невозможно⁴.

¹ См., напр.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 169-170.

² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 50-51.

³ Stammeler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No.4. P. 310. Далее Штаммлер утверждает, что "право регулирует отношения только рабовладельцев". Но данный тезис, как представляется, не согласуется с приведенным разграничением права и произвола, ведь в последнем идет речь лишь о законодательном, а не рабовладельческом произволе (возможность произвольного отношения рабовладельца к рабу вполне может быть установлена правопорядком). Другое дело, что у Иеринга рабовладелец отождествляется с законодателем, поэтому критика Штаммлера здесь последовательна.

⁴ Гамбаров Ю.С. Указ.соч. С. 102. См. также стр. 108-111.

Однако, несмотря на несомненную ценность соблюдения властью собственных норм, нельзя не отметить шаткость приведенного разграничения, сводящегося у Штаммлера к субъективным намерениям законодателя, которые надо еще установить. Указанные намерения можно пытаться выявлять по самим формулировкам команд власти, но очень сложно отыскать формулировку, в которой прямо оговаривалось бы, что распоряжение не действует в отношении самого установившего ее лица. Впрочем, искомая ситуация налицо, например, в случае, когда законодатель вводит дискриминационные правила в отношении некоторых наций, рас, конфессий и т.п. сам к ним не относясь: здесь он принципиально не может оказаться на месте тех, в отношении кого действует указание. В других же случаях произвольные намерения власти очевидны лишь *post factum*, а именно в случае применения обратной силы закона в отношении самого законодателя с целью освободить последнего от ответственности. В итоге нередки ситуации, когда законодатель принимает законы, выгодные фактически лишь ему самому, но формально остается в рамках права, так как произволом являются только совершенно очевидные несоответствия принципу равенства¹. Так или иначе, подчеркнем, что речь в приведенном разграничении идет не о справедливом и несправедливом праве, а о праве и неправе вообще. Так, если

¹ С аналогичных позиций П. Новгородцев критиковал учение Г. Еллинека о самообязывании государства правом, отмечая, однако, что хотя формальная теория права не нуждается в понимании права как явления, связывающего равно и власть, и подданных, современное правосознание "характеризуется именно тем, что каждый издаваемый государством закон, как и все создаваемое им право, представляется не как простой приказ сверху, а как норма, обязательная для обеих сторон". Новгородцев П.И. Государство и право. // Вопросы философии и психологии. 1904. №4(74). С. 424. Уже в наше время О. Хёффе, критикуя "наивный позитивизм", утверждает, что "приказ всегда направлен на других, тогда как правовая обязанность распространяется и на того, от кого она исходит", видя в этом одно из отличий права от произвола. См.: Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 87. Как представляется, рассматриваемое отличие права от произвола является именно лишь одним из многих. Так, в рамках неопозитивизма XX в. Г. Кельзен отстаивал необходимость подчинения права основной "сверхнорме" (нормативизм), а Г. Харт – высшей норме признания, что и отличает право от произвола. В юридической литературе отмечается схожесть концепций Кельзена и Харта, при этом "нормативизм можно определить как воспроизведение позитивизма на базе неокантианства". См. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С 214. Также см. стр. 202, 209. Таким образом, идея Штаммлера, несмотря на свою ограниченность, оказалась плодотворной для юридической науки, показав, по крайней мере, одно из отличий права от произвола.

норма не является произволом, и соответствует критериям права, это еще не значит, что данная норма справедлива, ведь равный подход к субъектам права может означать и равный для всех них ущерб, равную несправедливость¹.

Г. Радбрух критиковал указанное разграничение права и произвола, утверждая, что "произвол не является логической противоположностью права, он или неправильное право, или противоправное поведение"². Очевидно, что приведенное различие подходов Штаммлера и Радбруха к понятию произвола вызвано различным пониманием самого права и его связи с миром ценностей.

Таким образом, понятие права по Штаммлеру выглядит так: право – это *ненарушимое самовластное социальное (связующее) воление*. Ненарушимость отличает право от произвола, а самовластность – от конвенциональных норм. Связующий (социальный) характер разграничивает право и мораль, которая представляет собой, по мысли автора, индивидуальное воление. Наконец, отнесение права к волению (которое противоположно восприятию) означает, что его нужно рассматривать посредством категорий цели и средства, а не причины и следствия.

Отметим, что это понятие права достаточно широкое, и включает в себя также объективную этику, то есть любые социальные нормы, существующие независимо от воли и желания отдельных лиц. Не все действующее право, отмечает Штаммлер, является технически выраженным в законах³.

С учетом вышеприведенного соотношения права, произвола и конвенций, Штаммлер выстраивает свою точку зрения на соотношение права и власти (Macht). Нельзя считать верной точку зрения "кто сильнее, тот и прав": напротив, право призвано ограничивать произвольную силу. С другой стороны, право не отрицает власть и не стремится к безграничной внешней свободе индивида:

¹ См.: Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 95. Автор высказывает аналогичную мысль относительно разграничения права и приказа, под приказом понимания, по сути, произвол.

² Цит. по: Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 620-621.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 102-104. Очевидно, что данное определение права далеко ушло от кантовского. См., напр.: Dirsch F. Op. cit. P. 46.

свобода индивида есть лишь средство права, а не его цель (принцип). Право – это чисто логическое (систематическое) понятие, тогда как власть – явление психологическое, поэтому когда ученые говорят о прогрессе человечества от господства силы к господству права, это не совсем точное определение идеала, так как силу и право нельзя противопоставлять. Власть вообще бывает конвенциональной, произвольной и правовой. Закономерным (объективным) могут быть только право и конвенции; произвол по определению субъективен. Поскольку одним из признаков права является ненарушимость, оно должно опираться на силу, причем благодаря праву сила возрастает. Власть также призвана обеспечивать справедливость права. Таким образом, право ограничивает власть, направляет ее, но и опирается на нее¹.

Выработанные Р. Штаммлером понятия права и общества встретили в научной литературе острую критику.

Русский юрист неокантианского направления Б.А. Кистяковский не без оснований критиковал данное Штаммлером определение права в связи с тем, что оно не рассматривает право с других точек зрения (например, позитивистской, психологической, социологической²).

Определение общества по Штаммлеру Кистяковский называет чисто юридическим, наряду с которым с позиций методологического плюрализма возможно и психологическое, и социологическое определения³.

Методологический плюрализм Кистяковского, по мнению Н.Н. Алексеева, является отличительной чертой Баденской школы неокантианства⁴. Позицию Штаммлера Алексей определяет как *моноплюрализм*, т.е. Штаммлер допускал

¹ Stammer R. *Recht und Macht*. // *Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge*. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 123-140.

² О четырех предлагаемых автором теоретических подходах к праву см. Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. *Избранное*: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 631. Критика Штамллера с позиций социологической юриспруденции в: Кистяковский Б.А. *Право как социальное явление*. // Кистяковский Б.А. *Избранное*: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С.334.

³ Алексей Н.Н. *Социальная философия Рудольфа Штамллера*. // *Вопросы философии и психологии*. № 1 (96). Январь-февраль 1909. С. 10. Автор обращается к работе Б.А. Кистяковского "Gesellschaft und Einzelwesen".

⁴ Там же. С. 7.

множество подходов к изучению права только в рамках единого спекулятивного понятия права¹.

Проанализировав критику Штаммлера Кистяковским, Н.Н. Алексеев увидел в ней непозволительные догматические допущения. По его мнению, Кистяковский опирается на положение, согласно которому явление, изучаемое с нескольких методологических позиций, в конечном счете образует некоторую единую созерцательную реальность (например, лес или земля). Но как отмечал еще Гегель, некоторым понятиям не соответствует никакое чувственное созерцание (таким, как Бог или право). Правовые понятия создаются только *по поводу* данных в созерцании явлений, и конституируются понятием цели (как показал еще Еллинек). В этом смысле, по мнению Алексеева, прав именно Штаммлер, который увидел, что понятие общества предполагает нечто большее, чем сосуществование людей в пространстве и времени².

В то же время, отмечает Н.Н. Алексеев, Штаммлер только правильно обозначил проблему, но не смог удовлетворительно разрешить ее (с этим связана критика неокантианской методологии Штаммлера)³. В итоге Алексеев вынужден не согласиться с понятием общества, данным немецким мыслителем. По его мнению, общество у Штаммлера – это механический агрегат однотипных особей, а не органическое единство индивидуальностей⁴. На этом основании Алексеев обвиняет Штаммлера в "правовом абсолютизме"⁵. Указанное возражение, по нашему мнению, не обосновано, так как данное Штаммлером понятие общества вовсе не отрицает индивидуальность соединяющихся в общество людей. Верно то, что понятие социальной нормы у Штаммлера, как заметил Алексеев, уже понятия социальной связи, и не отражает всех сторон социальной организации (эмоциональных, нравственных). Но речь здесь идет не обо всех вообще связях между людьми в обществе, а только о связях, конституирующих понятие общества (другие при этом не отрицаются). Нравственный идеал может

¹ Там же. С. 8-10.

² Там же. С. 12-14.

³ Там же. С. 18-19.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 25-26.

рассматриваться как касающийся лишь отдельных лиц, а не общества в целом, поэтому дискуссионной выглядит точка зрения Алексеева, в силу которой идея совершенного общества не совпадает с идеей совершенного правопорядка.

Именно в этом моменте И. Давыдов критиковал оценку Штаммлера Б. Кистяковским, замечая, что без внешнего регулирования известный ряд мыслей, чувств, стремлений множества людей станет предметом психологии (социальной), а не социологии¹.

Принимая во внимание изложенные замечания Н.Н. Алексеева относительно Б.А. Кистяковского, а также И. Давыдова относительно них обоих, заметим все же, что основная линия критики философии Штамллера у Кистяковского заключалась в общем возражении, которое солидарно с нашим изложенным выше замечанием относительно штаммлеровских понятий общества и права. Русский ученый совершенно верно и чрезвычайно метко обратил внимание на то, что хотя Штаммлер "постоянно и неизменно настаивает на том, что понятие права не может быть получено индуктивным путем, его определение понятие права ничем не отличается от тех понятий, которые вырабатываются при посредстве лишь логических обобщений и классификаций... Этим путем, однако, он получает понятие, определяемое родовым признаком и видовым отличием, которые обладают не более как формально-логической значимостью"². Поэтому, не соглашаясь с Алексеевым в частности, мы вынуждены признать, что Штаммлер действительно неудовлетворительно решил поставленную перед собой задачу.

Немецкий философ Юлиус Биндер (J. Binder) справедливо упрекал Штамллера в том, что при выработке понятий общества, права и основных категорий юриспруденции тот использует, в сущности, метод индукции, и не поясняет, чем именно систематический метод отличается от индуктивного. Так, понятие права в принципе не может быть априорным, и Штаммлер сознательно

¹ Давыдов И. Указ.соч. С. XIII.

² Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 620.

пытается охватить им весь доселе имевшийся опыт, но чем именно такое обобщение лучше других – не поясняет¹.

С.Н. Булгаков считал слишком узким данное Штаммлером определение социума через правовое регулирование. По его мнению, наука и искусство относятся к формам социального сознания, но с правовым регулированием непосредственно не связаны. Здесь русскому мыслителю можно было бы возразить тем, что сами по себе наука и искусство непосредственно связаны не с общественной деятельностью, а с деятельностью человека как таковой, при этом как общественные институты они всегда предполагают внешнее регулирование. Булгаков отвечает на этот довод мнением Иеринга, согласно которому человеческая и общественная жизнь суть одно и то же². Как представляется, Штаммлеру, считавшему, что человек немислим вне общества, на такой аргумент ответить было бы трудно; с нашей же точки зрения принадлежность человека обществу еще не означает, что те же наука и искусство должны изучаться лишь как социальные феномены. Существование конкретного произведения искусства обусловлено существованием общества не больше, чем существованием Солнца, без которого немислима жизнь человека.

Принимая во внимание сказанное, в отношении к данным Штаммлером понятиям общества и права, как представляется, применимы следующие слова Г. Радбруха: "Опираясь на опыт, можно вывести неограниченное число общих понятий. Например, все люди, имена которых начинаются с определенной заглавной буквы, или люди с определенной датой рождения. Но общность

¹ Binder J. Op. cit. S. 15-19.

² Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 57. В другом месте С.Н. Булгаков отмечает, что понятие общества у Штаммлера имеет чисто гносеологическое (формальное) значение, определяя сферу социального бытия, но при этом существует также сфера социального сознания, выходящая за пределы данного Штаммлером определения. Эту формальную значимость штаммлеровского понятия социума, по Булгакову, не понял Зиммель в своей рецензии на "Хозяйство и право". См. Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 11 (сноска).

подобных понятий, касающихся большего или меньшего круга отдельных фактов, не может, однако, служить гарантией их ценности"¹.

Поскольку Штаммлер относится к Марбургской, а не Баденской школе, понятие права у него представлено вне "отнесения к ценности". В связи с этим Г. Радбрух оспаривал позицию Штаммлера, утверждая, что "любое проявление человеческой деятельности... нельзя понять без опосредования его идеей, не говоря уже о праве. Понятие права можно определить лишь как действительность, которая стремится к идее права. Свое теоретическое обоснование подобная трактовка понятия права находит в воззрении, согласно которому, в противоположность учению Штаммлера, противопоставление *действительности* и *ценности* не укладывается в рамки простой антитезы *сущего* и *должного*. Его место скорее между суждением о действительности и ценностной оценкой "отнесенности к ценности" (*Wertbeurteilung der Wertbeziehung*), между природой и идеалом культуры: идея права - ценность, право же - отнесенная к ценности действительность (*wertbezogene Wirklichkeit*), явление культуры, культурная ценность"². Как представляется, понятие права у Штаммлера действительно было бы более обоснованным, если бы он эксплицировал ценность, по отношению к которой ученый его определяет, однако это еще не говорит о том, что понятие права должно сводиться к стремлению к справедливости, как это имеет место у Радбруха.

Кроме того, Штаммлер, подобно Радбруху, указывает на то, что право по своей природе есть средство достижения справедливости³, и в этом отношении взгляды двух мыслителей отчасти схожи. Оба ученых допускали несправедливое право: Штаммлер писал о допустимости ради стабильности "осознанно неправильного права", если объективные обстоятельства не позволяют его изменить⁴, а Радбрух ставил стабильность в целом выше справедливости¹; но если

¹ Радбрух Г. Указ. соч. С. 41.

² Там же. С. 38.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 87-88.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 268-271; Claessen H. Op. cit. S. 55.

у первого из них граница допустимой несправедливости права определялась исключительно соотношением понятий права и произвола, а стремление права к справедливости были лишь идеей должного, то у второго эта граница выражена в знаменитой "формуле Радбруха", выражающей соотношение стабильности, справедливости и целесообразности, и напрямую связана с самим понятием права.

Со схожих позиций критиковал Штаммлера исследователь его творчества Г.А. Великовский (G.A. Wielikowski), полагавший, что человеческое сознание раскрывается не только через категории восприятия и воления, как это имеет место у Штаммлера, но и через категории долженствования и ценностей². Штаммлер не соглашался с данной критикой, утверждая, что категория ценности раскрывает лишь пригодность конкретного средства для достижения конкретной цели, а категория долженствования обозначает ни что иное, как правильное воление (целеполагание), поэтому в итоге ни ценность, ни долженствование не существуют в отрыве от категории воления, раскрывающейся через понятия цели и средства³. По нашему мнению, Штаммлер всё-таки недооценил категорию ценности в вопросе образования понятий. Понятие права в системе его воззрений не может быть представлено как ценное для науки о социуме, или как верное с точки зрения идеи права, так как социум и правильное право сами подразумевают понятие права. Между тем, очевидно, что право основывается на тех или иных ценностях, позволяющих классифицировать воления, и эти ценности должны быть эксплицированы (в данном случае в понятии права у Штаммлера по сути фигурируют ценности самовластности, ненарушимости, связанности, но ученым они необоснованно рассматриваются как объективные, а не произвольные, зависящие от усмотрения самого автора).

¹ Радбрух пишет, например: "Справедливость - вторая важнейшая задача права. Первая же - правовая стабильность, мир, порядок". См. Радбрух Г. Указ. соч. С. 99. Впрочем, нельзя не отметить, что вопрос о соотношении стабильности, справедливости и целесообразности в трудах Радбруха чрезвычайно дискуссионен.

² Wielikowski G.A. Op. cit. S. 64.

³ Stammler R. Besprechung von Wielkowski G.A.: Die Neukantianer in der Rechtsphilosophie. // Rechtsphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 87. Здесь же Штаммлер высказывает обоснованное возражение своему критику, замечая, что неосознанную, эмоциональную природу ценности нельзя положить в основу определения данного понятия, так как она выясняется генетическим, а не систематическим методом.

В зарубежной литературе критики Штаммлера, например М. Вебер, также настаивали на том, что существуют социальные явления, не обусловленные сознательным внешним регулированием и целенаправленным сотрудничеством, поэтому право нельзя рассматривать как логическую предпосылку изучения общества. В качестве пример М. Вебер приводил карточную игру. Правила игры сами являются причинами определенных действий. Они не могут быть рассмотрены как условия познания явлений, складывающихся в этой игре, таких как курение сигарет, распитие пива, стучание по столу и комментарии любого рода. Анализ хода игры с точки зрения причинно-следственных связей предполагает исследование способностей и образования игроков, количество выпитого пива и пр. Этот анализ выходит за пределы конкретных правил игры¹. Помимо этого Вебер критиковал предложенное Штаммлером разграничение естественных и социальных наук не только путем отрицания штаммлеровского понятия общества, но и указанием на многозначность понятия природы (под ней можно понимать либо только живую, либо живую и неживую, за исключением человеческой, либо также человеческую природу). Другой подход к понятию естественных наук, по Веберу, заключается в том, что данные науки исследуют только общие закономерности, а не индивидуальные случаи; в этом смысле противоположностью естественных наук является история, или, например, сравнительное правоведение; догматические дисциплины вообще не включены в эту классификацию. Наконец, естественные науки могут противопоставляться нормативным или догматическим (логике, этике, эстетике, догматической юриспруденции, математике); здесь естественные науки изучают все то, что есть (в том числе историю), а не то, что должно быть². Полагаем, однако, что разграничение социальных и естественных наук вообще может производиться по различным критериям, и нахождение каких-либо иных критериев помимо того, который предложил Штаммлер, еще не опровергает идей последнего (скорее

¹ Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 214. О том, что право не является предпосылкой социального познания см. также p. 222.

² Ibid. P. 202-203.

лишь проясняет их). Представляется преувеличенной и позиция Г.А. Великовского, который считал, что наука, мораль, религия и искусство охватываются понятием общества, и что существуют неурегулированные социальные отношения¹ – ибо с другой стороны не все человеческие стремления, переживания и действия должны подразумеваться самим понятием общества, существовать лишь в нем.

М. Вебер помимо прочего настаивал на том, что понятие внешнего регулирования, используемое Штаммлером, крайне неоднозначно. Социальная норма, по Веберу, может рассматриваться как наиболее рациональный вариант поведения, с которым связаны определенные ожидания действующего лица (например, что выполнение правила сулит материальное благополучие и отсутствие проблем с полицией и правосудием); это лицо может и не знать конкретных формулировок закона, поэтому его поведение ничем не отличается от поведения лица, живущего вне общества, которое также руководствуется некими техническими максимами постольку, поскольку они рациональны и с большой долей вероятности предполагают для него преимущества². Мало чем такое поведение отличается и от поведения животных. Если же мы говорим об *осмысленном* соблюдении или несоблюдении установленных правил (как знаков, имеющих определенный смысл), то поведение людей должно рассматриваться исключительно с естественно-научных позиций до тех пор, пока оно не является осмысленным выбором определенной модели поведения³. Другая сложность заключается в том, что взаимодействие посредством заранее установленных знаков (правил) имеет место между собакой и ее хозяином, а также между

¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 77.

² Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. 204-206. Здесь Вебер опровергает также позицию Штаммлера относительно Робинзона Крузо: по логике самого же Штаммлера происхождение правил не должно влиять на их суть, поэтому не следует придавать никакого значения тому, что Робинзон Крузо ранее пребывал в обществе.

³ Ibid. P. 207-212.

животными (независимо от того, как возникли используемые знаковые системы)¹. Полагаем, что выходом из обозначенных затруднений является понимание внешнего регулирования как *сознательно установленных* (а не осмысленно соблюдаемых) *в виде знаков норм*, которые рассчитаны на лиц, по крайней мере потенциально *способных сознавать эти знаки*. Но, по Веберу, логика Штаммлера не допускает смешения происхождения норм и их сути. Расплывчатость выражения "внешнее регулирование", заключает Вебер, не дает нам право определять через него понятие общества.

Штаммлеровское понятие общества встретило острую критику также со стороны известного социолога Г. Зиммеля. Последний утверждал, что "определение Штаммлера указывает лишь вторичный и производный признак общества, первичный же признак есть его общество как "психический процесс взаимодействия"². С указанным возражением по существу были согласны Б.А. Кисятковский³ и Н.А. Бердяев⁴.

И. Бройер, напротив, выступил с защитой Штаммлера, полагая, что возражения Зиммеля основаны на недопонимании мысли Штаммлера, так как последний пытался найти логические, а не культурно-исторические предпосылки общества⁵.

В отечественной литературе на позицию Штаммлера встал В.А. Савальский. По его мнению, "руководящее и определяющее значение принадлежит понятию общества в сфере телеологического образования понятий". Следовательно, "определение Зиммеля имеет значение только в известных пределах, только как признак динамического изложения одного и того же понятия общества. Если поэтому Зиммель защищает возможность социологии, базирующейся на психологии, то он прав, однако же эта социология не есть вполне самостоятельная

¹ Weber M. Addendum to the Essay on Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 235 (footnote), 236-237.

² Савальский В.А. Указ.соч. С. 249.

³ Там же. С. 258.

⁴ Бердяев Н.А. Указ.соч. С. 194-195.

⁵ Breuer I. Op. cit. S. 87.

наука, так как она владеет только принципом динамики социального, а принцип статики лежит за ее горизонтом". На этом основании Савальский пишет: "Когда Штаммлер говорит, что понятие общества "как урегулированной совместной деятельности людей" порывает с природой и ставит общество предметом особой, отличной от естествознания, науки; науки, которая не есть часть и продолжение естествознания под знаком каузальности, а стоит под знаком телоса... то мы, исправляя неточность определения понятия общества... присоединяемся всецело к Штаммлеру"¹.

Неточность же в определении понятия общества у Штаммлера, по Савальскому, состоит в том, что тот отошел от понимания общества, предложенного Г. Когеном: "форму Штаммлера "общество есть урегулированная совместная деятельность" будет приемлема с точки зрения Когена в том случае, если прибавить: "по правилу субъекта". Не просто "урегулированная деятельность", а правило урегулирования – вот что является и здесь решающим"². Иными словами, по Когену в обществе люди относятся друг к другу как к самоцелям, признают друг друга в качестве субъектов. Поскольку "только моральный закон порывает с природой"³, понятие общества должно сводиться к категорическому императиву. "Признание лица есть созидание (*Erzeugung*) лица" (в моральном, а не физическом смысле)⁴. "Таким образом, - заключает Савальский, - определение Когена, что общество есть "общение нравственных лиц" является вполне точно выражающим ту мысль, которую хотел выразить Штаммлер, и вовсе не хотел выразить Зиммель"⁵.

По нашему мнению, наличие у Штаммлера желания соответствовать в рассматриваемом вопросе Когену остается дискуссионным. Во всяком случае недостатком правового учения Штаммлера представляется то обстоятельство, что ученый нигде не обосновал право как внешний регулятор перед произволом так, как он обосновал его перед конвенциональными правилами (то есть без ссылок на

¹ Савальский В.А. Указ. соч. С. 250.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 256.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Там же. С. 251.

большую пользу права для общества и тому подобных относительных аргументов)¹. С одной стороны, налицо некоторая аналогия с штаммлеровской позицией относительно анархизма (который представляет собой господство конвенциональных правил в отсутствие права): только право распространяется на всех членов общества, произвол же, как и конвенциональные правила, относится не ко всем (исключение – это сам творящий произвол). С другой стороны, эта аналогия не опровергает того факта, что произвол теоретически возможен и без права. Иными словами, общество конституируется не только правом, но и произволом, и может изучаться вне правовых отношений; единственное уточнение заключается в том, что данное общество не будет включать самого правителя, в отношении которого произвольные нормы, конституирующие общество, не действуют.

Представляется, что в отличие от права, которое распространяется и на его создателя, произвол вполне может наделить одну группу лиц произвольной властью над другой без ущерба для себя, тем самым разделив общество на господ и рабов. Такое общество будет являться обществом по Штаммлеру, который не доказал обратное, но уже не будет являться обществом по Когену.

Штаммлер ограничивается лишь беглым замечанием, что произвол, в отличие от права, по определению субъективен, поэтому для него невозможно объективное оправдание его как правильного². Однако это оправдание касается только социального идеала, но не предмета социальных наук. Нельзя, вопреки

¹ Иными словами, общество конституируется внешним регулированием, но во многих местах Штаммлер сужает этот тезис, говоря именно о праве, а не о любом внешнем регулировании. Это обстоятельство обуславливается штаммлеровской критикой анархизма, в которой он показывает, что общество может существовать без конвенциональных норм, но не может существовать без права как самовластного регулятора. Однако самовластным регулятором, по Штаммлеру, является и произвол. Ученый нигде не показал, что произвол невозможен без права, поэтому тезис о том, что любое общество характеризуется правом, неубедителен.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 204.

Штаммлеру, сказать, что произвол вообще не является формой организации социальной жизни: он, скорее, является нравственно неприемлемой формой¹.

Дискуссионность сформулированных Р. Штаммлером понятий права и общества, равно как и вытекающих из них основных понятий права, заставила многих исследователей творчества немецкого философа сомневаться в продуктивности собственно критического неокантианского метода. Так, в зарубежной литературе исследователь Джорж Сэбин (George H. Sabine), критикуя Штаммлера, отстаивал тезис о незначительной роли философии Канта и Марбургской школы для современной науки. "Процесс точных наук, - пишет автор, - определенно неблагоприятен для кантианской веры в то, что необходимые формы научного мышления могут быть ограничены анализом научных понятий". Ученый обращает внимание на то, что Кант неправоммерно освящал механику Ньютона и геометрию Евклида, а также называет весьма сомнительным статус причинности как категории естественных наук. Одновременно "наиболее значимые достижения в логике... были определенно в стороне от идеи, что имеются логически необходимые формы опытного существования". Ученый подчеркивает необоснованность выделения ограниченного перечня категорий, с помощью которых мы познаем мир². По всей видимости, Sabine упускает из виду тот факт, что марбургцы считали необходимым постоянно совершенствовать наше знание об этих категориях (на этот тезис свое влияние оказала как раз неевклидова геометрия)³. П. Наторп особо подчеркивал, что трансцендентальный метод вовсе не имеет в виду "при помощи готового комплекса понятий чисто логическим путем овладеть всем бесконечным потоком жизни сознания", этот метод "*способен к развитию, даже бесконечному*; он не неподвижен, не заоченел"⁴. В другом месте Наторп утверждает, что всякий

¹ Это не было замечено Breuer'ом, который сравнивал право с человеческим телом, а произвол – с большим телом. Уже сама эта аналогия в действительности показывает, что произвол является одной из возможных форм социума. Breuer I. Op. cit. S. 33.

² Sabine G. Rudolf Stammler's Critical Philosophy of Law. // 18 Cornell L.Rev. 321 (1933). P. 340-341.

³ Об этом, напр.: Никулина О.В. Указ.соч.

⁴ Наторп П. Указ.соч. С. 126.

данный идеал морали допускает "оговорку о возможности высшей цели, к которой мы должны будем обратиться, если высший взгляд откроет ее"¹. Даже такой убежденный сторонник этого неокантианского течения, как В.А. Савальский, писал, что "критическая философия марбургской школы не есть раз и навсегда установленная система бесспорных истин", представителей данной школы объединяет лишь признание трансцендентального метода, но конкретное приложение последнего всегда остается дискуссионным². В то же время, именно этот метод рассматриваемый американский исследователь называет псевдометодом, который ничего не открывает, но нарекает априорным то, что имеется в виду уже в начале³. Выявление каких-либо априори научного опыта, как полагает автор, превосходит возможности человеческого ума, поэтому рискует оказаться догматизмом, а не критицизмом⁴. Не следует, однако, забывать, что сами неокантианцы вряд ли считали свою философию абсолютной истиной. Неспособность конкретного мыслителя в совершенстве сформулировать априорное понятие с помощью критического метода говорит, вероятно, не о порочности данного метода, а об относительности истины вообще. Другое дело, что неокантианство должно показать, как именно следует развивать полученные на основе критического метода выводы с учетом того, что они не должны зависеть от конкретного опыта.

Подводя итог анализу выработанных непосредственно Штаммлером понятий права и общества, констатируем, что ученому не удалось исключить из своей аргументации отсылки к опыту и истории, поэтому данные понятия не являются чисто систематическими. Однако данное обстоятельство не исключает их ценности. Философский вопрос о существовании объективных ценностей является дискуссионным и не может быть рассмотрен в рамках настоящего исследования. В свою очередь предложенное Р. Штаммлером "чистое учение о праве" (данное выражение он использует как синоним теоретической

¹ Цит. по: П.И. Новгородцев Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 261. Новгородцев соглашался с указанным тезисом.

² Савальский В.А. Указ. соч. С. 16.

³ Sabine G. Op. cit. P. 341.

⁴ Ibid. P. 344.

юриспруденции) поставлено в зависимость от понятия права как ненарушимого самовластного связующего воления, и имеет смысл только при допущении правильности последнего.

С учетом "чистого учения о праве" представляется верным следующее понимание взглядов Штаммлера на классификацию юридических наук: во-первых, существует "чистое учение о праве" (кореллирующее с нынешней теорией права как наукой о понятии права и основных правовых категориях), во-вторых, особняком стоит "учение о правильном праве" (кореллирующее с философией права как наукой о правовом идеале), и, наконец, в-третьих, двум названным видам теоретической юриспруденции противостоит "техническая", изучающая существующие законы (это отраслевые юридические науки).

4. Теоретическая юриспруденция

Свои взгляды на сущность и задачи юридической науки Р. Штаммлер наиболее подробно отразил в работе "Теоретическая юриспруденция" (1911).

На вершине юриспруденции находится понятие права. Генеральным по отношению к нему является понятие воления, и, в частности, социального воления. Юридическая наука имеет дело с правом как с ненарушимым самовластным социальным волением.

По мнению Штаммлера, из понятия права можно логически вывести чистые мыслеформы (*reine Denkformen*) юридической науки. Они представляют собой понятия, выступающие критерием, посредством которого опыт и расценивается нами как юридический. Использование чистых мыслеформ юриспруденции для упорядочивания эмпирии является методологической основой юридического мышления и теоретической юриспруденции как отдельной науки, построенной полностью на систематическом методе и эксплицирующей особенности юридического мышления.

Ученый справедливо отмечает, что чистые мыслеформы юриспруденции не даны нам от рождения: их априорность заключается совсем не в этом¹. Ребенок не обладает понятием права, он познает его постепенно, но генетический процесс осмысления понятия права и основных категорий юриспруденции никак не влияет на их систематическую суть.

В юридической науке следует различать независящие от опыта направляющие чистые мыслеформы (например, категория субъекта права), которые сами выступают логической предпосылкой юридического опыта, от обусловленных опытом понятий (например, понятия продавца). Таким образом, в науке о праве сосуществуют обуславливающее (безусловное) и обусловленное (условное); отделение одного от другого представляет собой задачу критической теории права. Позитивистская теория права представляется Штаммлеру необоснованно ограниченной и неполной, поскольку сосредоточена на юридическом опыте, но не задается вопросом о фундаментальных предпосылках этого опыта, ставя на место общезначимого научного метода субъективные максимы. Концентрация на обусловленной материи, по мнению ученого, вовсе не делает науку более объективной. Наука вообще представляется Штаммлеру, как стороннику Марбургской школы неокантианства, упорядочением опыта с помощью внеопытных категорий, и объективность науки зависит от того, познаны ли такие категории. Отсюда – необходимость теоретической науки о праве.

На основании изложенного, в юриспруденции ученый предлагает различать чистое учение о праве (*die reine Rechtslehre*), или теоретическую юриспруденцию, и общее учение о праве (*die gesamte Rechtslehre*)². Это разграничение особенно важно в связи с тем, что в литературе правовое учение Штаммлера иногда относят к нормативизму³. Такая классификация воззрений Штаммлера представляется обоснованной в том смысле, что немецкий ученый предпринял попытку вывести

¹ Напр.: Stammler R. *Lehrbuch der Rechtsphilosophie*. Berlin-Leipzig, 1922. S. 5.

² Stammler R. *Theorie der Rechtswissenschaft*. Halle, 1911. S. 27, 32.

³ Упоров И.В., Схатум Б.А. *Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития*. Краснодар, 2000. С. 34; Радько Т.Н. *Теория государства и права в схемах и определениях*. М., 2011. С. 16.

понятие права как специфического (ненарушимого и самовластного) социального нормирования, не связанного непременно с понятием государства (по Штаммлеру, существует, в частности, церковное право). Таким образом, ученый более за двадцать лет до появления основного труда Г. Кельзена (1911 г. против 1934 г.) предложил свое собственное нормативистское "чистое учение о праве", под которым понимал систему априорных систематических мыслеформ, экспликация которых логически необходима для определения опыта как правового. Причем в отличие от Кельзена, заимствовавшего у Штаммлера неокантианский методологический дуализм, Штаммлер считал возможным дать в рамках чистого учения о праве научный ответ на проблему справедливости. В свою очередь "общее учение о праве", по Штаммлеру, предполагает изучение исторически данного права при использовании чистых мыслеформ (по всей видимости, ученый имеет в виду здесь "техническую" юриспруденцию).

Р. Штаммлер разрабатывает закрытую систему центральных правовых категорий (мыслеформ). Ненарушимость права предполагает категории *правомерности* и *неправомерности*; самовластность выражается в категориях *правового верховенства* и *правовой подчиненности*; объединяющий характер права позволяет выделить *правовое основание* и *правовое отношение*; воление же как таковое предполагает разграничение на *субъект* и *объект* права. С помощью этих восьми категорий мы оцениваем материю социальной жизни с точки зрения права. Субъект права, кого бы мы ни относили к нему на практике, есть по определению "самоцель", объект – это всегда только средство¹. Правовое основание ученый определяет в качестве правового установления многих содержаний воли как средств к общим целям, а правовое отношение, по Штаммлеру, есть установление многих содержаний воли как средств друг по отношению к другу (это возможно только между субъектами права). Правовое

¹ Ю. Биндер высказывал недоумение ввиду такого употребления понятия "самоцель". По Канту, пишет автор, только человек является носителем нравственного закона, а потому обладает достоинством и называется самоцелью. У Штаммлера понятие "самоцель" становится тождественной понятию "носитель прав и обязанностей" (субъект права - это далеко не только физическое лицо, причем "самоцелью" он является по внешней правовой воле, а не ввиду внутренней нравственной ценности). Binder J. Op. cit. S. 94-95.

верховенство характеризуется содержанием в самом себе своей причины; правовая подчиненность есть ориентирование воли на чужую волю, для которой она выступает лишь средством. Правомерность означает соответствие объединенного содержания воли правовому волеию; противоправность есть их противоречие¹. Взаимосвязь перечисленных категорий образует так называемые "основные понятия права". Так, например, категории субъекта и правомерности соединяются в понятие правомочия, а категории верховенства и противоправности порождают вместе понятие правового запрета и т.д. Всего Штаммлер выделяет двадцать четыре основных понятия права²:

- Правовая связь (Rechtsbindung): правовое основание + субъект права,
- Правовое действие (Rechtsleistung): правоотношение + субъект права,
- Правовая возможность (Rechtsverfügung): правовое основание + объект права
- Правовое лишение (Rechtsausschliessung): правовое основание + объект права
- Правотворчество (Rechtssetzung): верховенство + субъект права
- Правопретворение (Rechtsausführung): подчиненность + субъект права
- Правовое сходство (Rechtsgemeinsamkeit): верховенство + объект права
- Правовое участие (Rechtsanteil): подчиненность + объект права
- Правовое первоначальное (Rechtsursprünglichkeit): верховенство + правовое основание
- Правовое производное (Rechtsabteilung): подчиненность + правовое основание
- Правовая целостность (Rechtsgesamtheit): верховенство + правоотношение
- Правовая особенность (Rechtssonderheit): подчиненность + правоотношение
- Правомочие (Rechtsbefugnis): правомерность + субъект права
- Вина (Rechtschuld): противоправность + субъект права
- Обязанность (Rechtspflicht): правомерность + объект права
- Ущерб (Rechtsschaden): противоправность + объект права
- Юридическая сила (Rechtsgültigkeit): правомерность + правовое основание

¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 42-48.

² Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 222-223.

Юридическая ничтожность (Rechtsverneinung): противоправность + правовое основание

Приобретение прав (Rechtserwerb): правомерность + правоотношение

Потеря прав (Rechtsverlust): противоправность + правоотношение

Предписание (Rechtsgebot): правомерность + верховенство

Запрет (Rechtsverbot): противоправность + верховенство

Соблюдение права (Rechtsforderung): правомерность + подчиненность

Правонарушение (Rechtsweigerung): противоправность + подчиненность.

К сожалению, несмотря на то, что, по мнению Штаммлера, каждая из указанных категорий заслуживает написания о ней монографии, сам он поясняет далеко не все из них, полагаясь на общую ясность сказанного.

К этим двадцати четырем основным понятиям права, продолжает ученый, присоединяются восемь понятий, отображающих правовую материю во времени, и еще восемь понятий, определяющих сравнение правовых содержаний друг с другом. Временные характеристики выражаются через парные понятия: начало - продолжение, статичность - изменчивость, постоянство - временность, отсрочка - отмена. Сравнительные характеристики выражаются также через парные понятия: простой - составной, определенный - условный, приоритетный - второстепенный, единый - различный¹.

Все эти категории и понятия, по Штаммлеру, логически неизбежны для любой дискуссии о праве. Из них же вытекают основные задачи правоведения, которые только и делают его возможным. Касаемо "воли" задачей является определение тех, кто будет субъектом (правоспособным), и того, что мы называем объектом (правовым благом). Касаемо "связи" задачей является определение юридически значимого действия и вменяемости. Элемент "самовластности" ставит вопрос о том, кому будет принадлежать последнее слово в установлении

¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 50. См. также: Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 240-241.

права. Элемент "ненарушимости" поднимает вопрос о правовой защите (реализовать ее через штрафы или кровную месть и т.п.)¹.

Как обоснованно писали Великовский и Биндер, предложенные Штаммлером абстрактные категории на самом деле невозможны и невысказаны вне опыта, хотя и являются тем инструментом, с которым мы подходим к опыту; в итоге мы наблюдаем порочный круг. Можно было бы, пишет Великовский, вслед за Когеном считать, что априорные формы изначально содержатся в сознании, но это выводит нас на вечный философский вопрос, имеется ли нечто в сознании, чего не было бы в чувствах. Однако даже если опыт окажется первичнее, чистота понятий критического метода представляется критику более приемлемой, чем поверхностный эмпиризм². Binder также отмечал важность ясного определения базовых понятий правоведения, но пояснял, что для выполнения задачи обобщения и оформления опыта эти понятия вовсе не обязательно должны быть абсолютно "чистыми", то есть априорными, да и не могут быть таковыми³. Со своей стороны считаем необходимым заметить, что правовые категории являются условием именно правового, а не всякого опыта, поэтому решение проблемы могло бы состоять в видении опыта не как круга (порочного), а как спиралевидного движения (от опыта к правовым категориям, а от них – к правовому опыту). Представляется, что обоснование понятий путем полного отрыва от опыта действительно невозможно, так как в этом случае аналитика оборачивается догматизмом.

Нельзя не отметить, что вышеуказанные "основные понятия права", даже если признать их априорность, напрямую зависят от самого понятия права и обоснованы в той же мере, в которой обосновано понятие права.

¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 51-52. Штаммлер подчеркивает, что во всей этой системе не находится места понятию наказания, поскольку оно не является непременным спутником права в качестве одной из априорных его категорий.

² Ibid. S. 81-82.

³ Binder J. Op. cit. S. 22-23, 90. Так, пишет критик, понятия сервитута или ипотеки, не будучи априорными, выполняют функцию формализации опыта так же успешно, как и понятие права по Штаммлеру.

На основе выработанных чистых понятий права Штаммлер дает систематическое описание основных видов юридического мышления: конструирования, толкования и восполнения, систематизирования, умозаключения, оценки права. Все перечисленные виды юридического мышления, кроме последнего (оценки) не создают нового знания, а только упорядочивают имеющееся. Оценка касается проблемы правового идеала, которую мы рассмотрим в следующей главе, и предоставляет знание должного. Выявление общезначимых методов перечисленных видов юридического мышления образует предмет теоретической юриспруденции, а конкретное их претворение – деятельность практикующего юриста.

Юридическое конструирование ученый определяет как «научную переработку исторически данного содержания права»¹, как методическое изучение юридических вопросов в четко установленных правовых понятиях², как "разложение имеющегося синтеза содержания правовой воли на мыслимые составные части", то есть установление в них "обусловленной материи и того способа, которым она определяется формальным единством чистых основных понятий права"³, как раскрытие зависимости низших понятий от высших и связи отдельных правовых представлений (содержаний воления) друг с другом. Речь идет о том, как мы это понимаем, что каждое правовое понятие, будучи синтезом правовой воли, обусловленным конкретной материей социальной жизни, содержит в себе элементы некоторых вышестоящих понятий, связь которых и дана в этом понятии (синтезе), создающемся на основе чистых мыслеформ права. Юридическое конструирование, таким образом, представляет собой учение о созидании и осмыслении правовых понятий общезначимым методом. При этом правовых явлений не существует вне правовых понятий и наоборот.

Штаммлер утверждает четыре принципа (Lehrsätze) юридического конструирования: "1) в любом правовом вопросе необходимо установить, кто согласно данному правовому волеию считается самоцелью, а что лишь

¹ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 252.

² Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 336.

³ Ibid. S. 244, 352.

средством; 2) необходимо рассмотреть всё право в отдельных связях, в которых многие содержания волений определяются правовой волей как средства друг для друга; 3) содержания правовых устремлений подчинены как средства и цели друг для друга правовой воле, носящей в себе собственное основание; 4) движения правовой жизни необходимо рассматривать как изменения правового целеполагания"¹.

Правовое понятие, пишет Штаммлер, есть один из видов телеологических (связанных с науками о целях) понятий², и представляет собой "единое определение правовой воли" через три взаимосвязанных действия: наблюдение окружающих явлений, их сравнение и, наконец, соединение посредством чистых основных понятий права. Эти три действия не существуют одно без другого и являются логически необходимыми для построения понятий.

Эмпирически обусловленные юридические понятия, конструирующиеся с учетом безусловных чистых мыслепорядков права³, численно не ограничены, и выстраиваются в определенную иерархию, которую можно представить в виде концентрических кругов, так что общее (высшее) понятие включает ряд специальных (низших) и обуславливает их (именно целое обуславливает часть, а не наоборот). Например, обязательственные договорные отношения включают куплю-продажу, наем, дарение и пр. Каждое понятие характеризуется содержанием (выражает особенное правовой воли) и объемом (выражает общее

¹ Ibid. S. 357.

² Штаммлер разъясняет различия юридических и естественнонаучных понятий. Юридические призваны устанавливать цели и средства, тогда как естественнонаучные образуются на основе причинно-следственного описания пространственно-временных явлений. В первом случае понятиями достигается единство воли, во втором – единство восприятия. Естественнонаучные понятия в большей степени опираются на объективную реальность и могут служить основой для формулировки правоположений. Юридические понятия формулируются исходя из определенных целей, и имеют чисто практическое значение; они не связаны естественнонаучными понятиями и могут изменять последние для целей закона (например, понятие плода в гражданском праве и в биологии). Ibid. S. 288-293.

³ По Штаммлеру, как было указано выше, понятия юриспруденции подразделяются, на чистые (безусловные) и обусловленные (эмпирические). Первые представляют собой направляющие мыслепорядки, логически проистекающие из понятия права, и присутствующие в любых обусловленных понятиях, вторые – абстракцию материи социальной жизни, и связаны с чувственно воспринимаемым опытом. Ibid. S. 275-278.

правовой воли), так что чем больше содержание понятия, тем меньше его объем, и наоборот.

От правовых понятий следует отличать правоположения (Rechtssätze), которые ученый определяет как гипотетические суждения (Urteil). Точно так же, как в логике соотносятся понятие и суждение, в юриспруденции соотносятся правовое понятие и правоположение. Они обращены к одной и той же материи и различаются по специфике содержания, точнее по способу использования. Содержанием правоположения является взаимосвязь различных частей правовой воли. Каждое правовое понятие предполагает некоторое правоположение и реализуется в нем. Правоположение это не просто мозаика из правовых понятий, скорее каждое правоположение может быть рассмотрено как понятие, а каждое понятие развернуто в правоположение.

Штаммлер отрицает традиционное деление правоположений на управомочивающие, запрещающие и обязывающие, отмечая, что в силу основных понятий права верховное установление может содержать лишь запрет или предписание, но не правомочие. По мнению ученого, количество видов правоположений зависит от количества основных понятий права.

Учение о понятиях, правоположениях и конструировании права Штаммлер называет *методикой права*¹. Другим важным разделом теоретической юриспруденции является учение о *технике права*, под которым Штаммлер понимает науку о выражении права, то есть о "способе, которым правовая воля выступает вовне, желая стать понятной и познаваемой"². Таким способом, по мнению ученого, является правоположение. Поскольку право представляет собой связующую волю, ключевыми категориями для описания выражения права являются правовое основание и правовое отношение. В конкретных правоположениях эти категории преобразуются в понятия предпосылки и следствия³. Таким образом, у каждого правоположения имеется предпосылка и следствие. Штаммлер определяет их следующим образом: предпосылка есть

¹ Подробнее о методике права см.: *ibid.* S. 263-363.

² *Ibid.* S. 563.

³ *Ibid.* S. 566.

указание на изменение существующего целеполагания (юридический факт), в связи с которым требуются новые средства, а следствие представляет собой соответствующее изменение правоотношения выступает средством для достижения новой цели¹. По всей видимости, ученый имеет в виду нечто близкое гипотезе и диспозиции правовой нормы. Язык предлагает нам различные способы выражения правовой воли, и мы должны выбрать те, которые согласуются с основными понятиями права и принципами юридического конструирования. В случае неясности содержания или объема правоположения осуществляется соответственно толкование и восполнение.

Говоря о толковании права, Штаммлер утверждает, что должен существовать единый общезначимый способ толкования права. Толкование применимо только к "формально определенному" (geformtes) праву, то есть к такому, которое имеет четко установленные предпосылки и следствия, и не применимо к "кроткому" праву (Штаммлер употребляет здесь термин "auszuwählendes" (диспозитивный), который, очевидно, равнозначен ранее использовавшемуся им же термину "gelindes" (кроткий, мягкий) – реализация "кротких" правоположений происходит не через толкование, а через юридические умозаключения, ориентированные на идею правильного права). Суть толкования состоит в познании духа закона, какой бы ни была его буква. Сами по себе способы выражения духа закона (например, правила языка), будучи его формой, не могут ничего достоверно утверждать о его содержании, хотя и помогают его выяснить. Любые способы толкования могут рассматриваться лишь как относительно пригодные средства постижения подлинного смысла закона (его цели, поскольку воление есть сообщение цели). Безусловно, воля закона не может отождествляться с волей конкретных законодателей: текст существует совершенно независимо от его создателя. Поэтому нам не следует задаваться вопросом, как разрешил бы сам законодатель, установивший неясную норму права, конкретное дело, и как бы он применил указанную норму в этом деле.

¹ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 258-259.

Толкование права осуществляется, когда неясен один из двух элементов правоположения: предпосылка или следствие. Единый общезначимый метод толкования состоит в гармонизации целей и средств для конкретной ситуации. Например, если нам известны только следствия нормы права (диспозиция), но не известны ее предпосылки (гипотеза), то мы должны задать себе вопрос: для какой цели такое регулирование является наилучшим? В противоположной ситуации, при неясности мы должны спросить себя: какие средства в данном случае являются наилучшими для установленной цели? Если же неясны ни предпосылка, ни следствие нормы права, то нужно обратить внимание на то, что все законодательство представляет собой единую систему взаимоупорядоченных целей и средств, поэтому толкование может осуществляться путем обращения к вышестоящим правоположениям. На самой вершине находится общезначимая цель права – "чистое общество", поэтому в случае крайней неясности нормы при ее толковании нужно обращаться к самой идее права. Таким образом, процедуру толкования права Штаммлер объясняет целиком через ранее разработанные ими категории цели и средства, предпосылок и последствий, правового основания и правоотношения, и тем самым раскрывает общезначимый метод толкования права.

Особого внимания заслуживает у ученого вопрос восполнения формально определенного права через два связанных процесса: юридическую индукцию и заключение по аналогии. Юридическую индукцию ученый определяет как обобщение специального содержания права, то есть поиск вышестоящего и видообразующего правоположения на основании знания используемых чистых мыслеформ права. Юридическая индукция раскрывает тождественность понятий. Заключение по аналогии, в свою очередь, опираясь на юридическую индукцию¹, предполагает применение схожих специальных правоположений, при этом под схожестью понимается частичная тождественность предпосылок (выражающееся в однообразном использовании в них одних и тех же чистых мыслеформ права). На основании схожести предпосылок выводится схожесть следствий тех или

¹ Ibid. S. 270.

иных правоположений¹. Штаммлер утверждает, что задача теоретической юриспруденции - установление единых методов этих мыслительных процессов.

От конструирования, толкования и восполнения правовых понятий и правоположений, пишет ученый далее, следует отличать юридическое умозаключение (*практику права*), которое представляет собой логическую операцию по квалификации частного случая на основе общих норм права. Главное правило юридического умозаключения (квалификации) состоит в том, чтобы принимать во внимание в отношении следствий то, что принималось во внимание в предпосылках.

По Штаммлеру, существует опосредованное и непосредственное умозаключение. Опосредованное умозаключение представляет собой классический силлогизм на основе правоположений (например: А относится к Б, в свою очередь у любого Б есть В, следовательно у А есть В). Определение большей (суждения, т.е. правоположения) и меньшей (правового явления) посылок осуществляется с учетом методики и техники права. Большая посылка требует правильного установления объема правоположения. Меньшая посылка по сравнению с ней менее объемна, но более содержательна. Предикат меньшей посылки должен соответствовать предпосылке большей посылки. После четкого установления посылок происходит собственно умозаключение.

Непосредственное умозаключение означает выведение правовых последствий из одного правоположения. В непосредственном умозаключении, пишет Штаммлер, меньшая посылка не имеет самостоятельного значения и только повторяет содержание большей посылки применительно к конкретному случаю. Речь идет об "умолчании права" или так называемом "кротком праве" (сформулированном при использовании оценочных понятий, таких как добрые нравы, справедливость, разумность, уважительность и т.п.), при реализации которых частный случай истолковывается на основе идеи правильного права.

¹ Подробнее о технике права см.: Stammeler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 459-652.

Таким образом, опосредованное умозаключение применяется к формально определенному (*geformtes*) праву, а непосредственное умозаключение – к краткому (*gelindes, auszuwählendes*) праву¹.

Наконец, Штаммлер указывает, что деление права по отраслям носит практический характер, но помимо него существует деление права, основанное исключительно на чистых мыслеформах права, а именно деление права на:

- 1) Личное (связанное с субъектом) и вещное (связанное с объектом) право;
- 2) Общее (указывающее на правовые основания) и особенное (указывающее на правоотношения) право (с учетом этого деления в кодексах выделяют обычно общую и особенную части)
- 3) Объективное (исходящее от суверена) и субъективное (исходящее от подчиненного) право
- 4) Материальное (устанавливающее нерушимые правила) и процессуальное (обеспечивающее эту нерушимость) право².

Таким образом, Р. Штаммлер заложил основы теоретической юриспруденции и разработал целый ряд фундаментальных юридических категорий. Следует отметить, однако, что новое здание Штаммлер начал возводить на весьма зыбком фундаменте – дискуссионном понятии права. Дискуссионной является сама попытка экстраполировать поиск априорной правовой идеи на понятие права³. Биндер пишет о Штаммлере, что "его чистое учение о праве в действительности только всеобщая, но позитивная теория права"⁴. Теория права Штаммлера оказывается, по сути, догматичной. Вероятно, именно поэтому идея систематической теории права не нашла отклика в научном сообществе. Верно констатировал Г. Радбрух: "Мысль о едином каталоге правовых категорий (*Kategorientafel*), то есть о таблице симметричных (соотносящихся друг с другом) априорных правовых понятий... нереализуема"⁵.

¹ Подробнее о практике права см.: *ibid.* S. 653-750.

² Подробнее о системе права см.: *ibid.* S. 364-436. См. также *Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 273-274.*

³ *Binder J. Op. cit. S. 93.*

⁴ *Ibid.* 98.

⁵ Радбрух Г. Указ.соч. С. 48.

5. Методология социальных наук

Взгляды Штаммлера на общество, на виды социальных норм и на право стали основой предложенного им нового подхода к проблеме методологии социальных наук (поиска социальных закономерностей). В "Хозяйстве и праве" он различает три социальных науки: социальную философию, исследующую чистые формы, а также учение о праве и экономическое учение, исследующие *особое содержание* этих форм со стороны формы и материи соответственно¹. К сожалению, Штаммлер не уделил внимание прояснению данной мысли. С учетом того, что право является обществообразующим понятием, социальная философия должна быть тесно связанной с "чистым учением о праве", помимо которого следует выделить техническое правоведение и науки ("экономические"), изучающие отдельные феномены социального хозяйства. В этой классификации наук логически недостает той, которая бы изучала чистые формы конвенционального воления. Особое место должна занимать история как изучение имевших место ранее социальных феноменов (эту науку Штаммлер упоминает лишь вскользь). Таким образом, классификация социальных наук у Штаммлера осталась незаконченной. Во всяком случае, изучение социальных феноменов, о котором идет речь в "экономической" науке, по Штаммлеру носит строго описательный характер, и не претендует на установление особых социальных (по аналогии с естественнонаучными) закономерностей, выявляя максимум отдельные тенденции. Этот тезис Штаммлер обосновывает следующим образом.

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 234. Штаммлер не раскрывает далее подробно предмет каждой из трех наук. Но из этой классификации, по крайней мере, можно предположить, что под *содержанием* ученый понимает *конкретную форму* (то есть конкретные нормы права, которые и выступили у него "меняющимся содержанием" формального идеала естественного права) и *конкретную материю*. На последующих страницах Штаммлером критикуется созданная Контом социология. По мнению немецкого мыслителя, Конт не учитывает специфику общества как объекта изучения и смешивает два разных типа законов (естественнонаучные и социальные).

По мнению мыслителя, "закономерность социальной жизни людей есть закономерность ее правовой формы"¹. Это означает, что:

- 1) любые законы социума предполагают конкретное внешнее регулирование, так как материя социальной жизни немыслима без ее формы²;
- 2) любые законы социума касаются именно внешнего регулирования, так как только в отношении формы возможны общезначимые выводы³;
- 3) основания изменения права содержатся только в предшествующем праве, так как материя не может каузально влиять на форму⁴.

Критикуя марксизм как учение о социальных закономерностях, Штаммлер отмечает, что в данном учении совершенно неясно понятие экономического феномена, влияющего на остальные сферы общественной жизни⁵. Сам Штаммлер определяет социальные (экономические) феномены как *массовое проявление тех или иных общественных (как правило, правовых) отношений, либо массовое их неосуществление* (непроданные товары, пустующие квартиры, безработные люди, правонарушения)⁶. Ученый отмечает, что указанные феномены вызваны чрезвычайно большим количеством причин, ускользающих от *точного* научного анализа, и в особенности это касается причинности человеческой воли, но сама массовость правоотношений (критерий массовости, однако, не может быть определен с количественной точностью) позволяет нам сделать гипотетический

¹ Там же. С. 199. См. также стр. 268.

² Так, паровая машина приводит к падению ремесла (новому социальному феномену) только в рамках определенных правовых отношений, когда обладающие капиталами предприниматели могут купить дорогие машины в собственность, нанять рабочих для использования данных машин, и организовать сбыт дешевых товаров. Там же. С. 299. Паровая машина разрушает семейную жизнь также лишь с учетом наличия институтов семьи, частной собственности на средства производства, найма жилых помещений, найма рабочей силы, и ввиду правового принципа свободы договора. По сути, увеличение одних социальных феноменов влечет уменьшение других. Там же. С. 301. На этом же основании Штаммлер критикует социал-дарвинизм Спенсера, который не учитывает, что в борьбе за существование более сильный в обществе является таковым лишь ввиду конкретного внешнего регулирования, но не сам по себе. С. 313.

³ Там же. С. 313-314.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1904. С. 10.

⁶ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 274-275 (определение социального феномена), 290 (об отрицательных социальных феноменах).

вывод о том, что они необходимы, и имеют общие причины¹. По мнению Штаммлера, нам "ничего иного не остается, как, на основании регулярных повторений, заключать о лежащей в их основе одинаковой причине. Поэтому, экономическим феноменом называется одинаковое, массовое проявление правоотношений"². Поиск указанной причины – безусловно, очень сложное занятие; более того, эти причины будут касаться социального феномена, который существует только в рамках конкретного права³. В итоге, чем более массовыми являются отношения, тем больше мы можем сказать об их причинах (например, если исследуются обширные периоды времени); о причинной же связи нескольких явлений вообще можно говорить лишь "с натяжкой, в переносном смысле"⁴. Это означает, что вместо законов происходит оперирование необщезначимыми, частными тенденциями: "Тенденция есть такое познание данного однообразного развития социальных феноменов, что тут можно ожидать соответствующего дальнейшего развития в том же направлении"⁵.

Сказанное, как замечал Х. Крамер, позволяет утверждать ошибочность классической естественно-правовой доктрины, которая не учитывала зависимость социальных феноменов от внешнего регулирования и невозможность установления точных причинных связей в социальном мире: *естественных законов социума не существует*⁶.

Особое внимание Штаммлер уделяет вопросу о закономерностях преобразования самого правового строя. Возникновение исторически первого права, по Штаммлеру, - вопрос скорее естественных наук, но изменение права должно связываться с определенными социальными феноменами, и в этом смысле является предметом социального исследования; все естественные и технологические факторы изменения права становятся таковыми лишь в силу определенного правового регулирования: право само оказывается формой своих

¹ Там же. С. 311.

² Там же. С. 275.

³ Там же. С. 312.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же. С. 317.

⁶ Kraemer H. Op. cit. P. 4-5.

изменений¹. Социальные феномены, в свою очередь, воздействуют на мнения, желания и стремления конкретных лиц, в частности законодателя, побуждая изменять социальную реальность, в том числе путем преобразования права (путем ликвидации прежних социальных феноменов и создания новых)². Как метко заметил С.Н. Булгаков, борьба классов есть борьба за право³. При этом Штаммлер не отрицает здесь, вопреки встречающимся воззрениям⁴, безусловного детерминизма процесса правотворчества и не пытается смешать сущее с должным, сделав законодателя абсолютно свободным в установлении законов⁵. Но социальная наука ввиду своей специфики не прослеживает конкретные причинно-следственные связи: она рассматривает только воздействие социальных феноменов на массовые социальные стремления и духовные течения (которые Штаммлер называет феноменами "второго порядка", которые в отличие от других феноменов направлены на изменение социального строя⁶), тогда как причины отдельных исторических событий остаются за ее пределами⁷.

По нашему мнению, своим учением Штаммлер занижает роль личности в истории, в том числе ее роль по изменению правового порядка, предпочитая

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 321 и далее.

² Там же. С. 342-343. Для Штаммлера как представителя неокантианства человек может рассматриваться с двух позиций: как существо свободное, и как часть полностью детерминированного мира. В данном случае он выступает во второй своей ипостаси: все мысли и действия человека предопределены, чего требует принцип монизма социальной жизни.

³ Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 75.

⁴ Кролик А.А. Указ. соч. С. 50.

⁵ См. напр. описание процесса правотворчества: Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1904. С. 12. Штаммлер говорит о воздействии на законодателя социальных феноменов, подчеркивая единство социального опыта и несостоятельность точки зрения историков, пытающихся утвердить особый причинный ряд внеопытного, но воздействующего на опыт "народного духа".

⁶ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 78-80.

⁷ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 347-348. Роль познания причин конкретных фактов (исход битвы при Ватерлоо и пр.) Штаммлер вскользь отводит *историку*. С.Н. Булгаков, соглашаясь с тем, что социология не изучает причины конкретных (индивидуальных) социальных фактов, также отводил эту роль истории: именно она способна указать на такие конкретные причины исторических событий, как "нос Клеопатры", изменивший судьбы мира, или "насморок Наполеона" во время Бородинской битвы. См. Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 68.

искать причины социальных изменений только в массовых явлениях, и не учитывая, что изменения могут совершаться и вопреки последним, по воле одной уникальной личности (в этом случае социолог, действующий по методологии Штаммлера, сделает неверный вывод о том, что причиной являются массовые явления, которым эта личность противостоит).

Итак, Штаммлер принимает материалистический взгляд на историю, однако отвергает марксистский его вариант. В действительности экономика (материя), оформленная правом, путем массовых отношений влияет на мнения, желания и стремления людей, которые, будучи массовыми, влияют на законодателя и приводят к возникновению нового права, но не влияют причинно на право как форму социальной жизни. Взаимосвязь социальных феноменов может быть установлена вероятностно, в виде тенденции. Это, в свою очередь, означает, что единственной закономерностью в сфере социальных наук является телеологическая, то есть закономерность цели, и социальная наука должна сводиться к оценке социального воления как правильного или неправильного на основании учения о правильном праве.

Методология социальных наук, предложенная Штаммлером, получила неоднозначную оценку среди его современников.

На наш взгляд, одним из дискуссионных моментов методологии Р. Штаммлера является противопоставление формы не содержанию, а материи, при одновременном выделении категории содержания. Соотношение между формой и материей, пишет ученый, не должно мыслиться как причинно-следственное или пространственно-временное. Форма есть способ восприятия материи; эти два элемента выделяются по отношению к конкретному опыту и бессмысленны без него, одновременно они бессмысленны друг без друга. Отдельного мира форм не существует. Тем не менее, форма может изучаться абстрактно в отрыве от материи, тогда как материя немислима вне каких-либо форм. Систематический метод предоставляет нам только *форму*, генетический метод изучает *материю* с помощью этой формы. Под формой какого-либо явления ученый имел в виду "единство его постоянных и определяющих абстрактных элементов", без которых

это явление немыслимо¹. Форма как способ упорядочения материи выражается в *понятиях* и *идеях*. Именно поэтому следует различать понятие права (явление) и идею права (его идеал).² Понятие материи у ученого, к сожалению, не выработано. Он пишет только, что материя – это то, что перерабатывается и определяется формой³. Для наук о природе материей, по всей видимости, выступает нечто, служащее источником возможного опыта вообще, а для наук о цели Штаммлер утверждает, что материей выступает совместная деятельность по достижению поставленных целей. В свою очередь содержание, поясняет Штаммлер, свойственно любому суждению, и определяет его своеобразие перед другими, без содержания нет суждения, но одновременно в содержании мы выделяем форму и материю, вместе образующие это содержание⁴. Содержанием, как можно понять из контекста, Штаммлер обозначает, помимо прочего, конкретные правовые понятия и правоположения в противоположность чистым категориям юриспруденции (форме) и совместной деятельности людей по удовлетворению потребностей (материи). Одновременно, создавая некоторое правовое регулирование, они выступают формой для экономических понятий. Таким образом, немецкий ученый выделяет три категории (форма, содержание, материя) вместо традиционных двух (форма и содержание), под содержанием имея в виду, по всей видимости, характеристики обусловленных опытом понятий, и тем самым отчасти затуманивает свое учение.

В научной литературе острее критики в адрес методологии Р. Штаммлера было направлено в другую ее область.

По Штаммлеру, существуют два возможных предмета сознания: восприятие и воление (*Wollen*), то есть познание явлений через категории средства и цели. Эти два направления кладутся ученым в основу классификации наук на науки о природе и науки о цели. Последние сводятся к оценке явлений как должных или недолжных, в связи с чем особое место в классификации наук по Штаммлеру

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 129. См. также стр. 122, 123.

² Claessen H. Op. cit. S. 19-27.

³ Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 279.

⁴ Ibid.; Claessen H. Op. cit. S. 9.

занимают нравственное (моральное) учение и учение о правильном праве. Логические и эстетические нормы, традиционно выделяемые неокантианцами, философом права необоснованно не рассматриваются и даже не упоминаются. Другой недостаток излагаемой концепции видится в том, что в ней не раскрывается специфика социально-гуманитарных наук, рассматривающих человека как разумное существо.

Кроме того, и естественные, и социально-гуманитарные науки изучают мир с точки зрения причинности (хотя бы и психологической). В более поздних трудах ученый выделяет такую науку, как "правовая психология", и совершенно не говорит об "политической экономии". В зарубежной науке было высказано аргументированное мнение, что эти две науки для Штаммлера представляют собой одно и то же (изучение материи социальной жизни, конкретных социальных феноменов)¹. Но если мы хотим познать закономерность социальной жизни (какое право правильно, а какое нет), мы вынуждены прибегнуть к изучению причин и следствий (хотя бы для выявления тенденций общественного развития), и именно эту задачу выполняет, по Штаммлеру, экономика/психология. Получается, что относясь к социальным наукам, она не является телеологической в строгом смысле слова².

С другой стороны, по нашему мнению, Штаммлер, по сути, совершенно справедливо применяет к социальным наукам идею имеющих место в естественных науках статистических (стохастических, индетерминистских) законов, которые представляют собой вероятностные выводы относительно будущего состояния объектов, и обусловлены тем, что состояние указанных объектов в настоящем принципиально невозможно установить с абсолютной точностью³. Причинное объяснение социальных явлений Штаммлер обоснованно исключал в связи с тем, что последние всегда зависят от побуждений, мыслей и действий конкретных людей, детерминацию которых вряд ли возможно точно

¹ Wenn M. Op. cit. S. 130-137.

² Ibid. S. 136.

³ Разграничение динамических и статистических законов раскрывается во многих философских словарях и учебной литературе. См., напр.: Садохин А.П. Концепции современного естествознания. М. 2006. С. 89.

проследить, так как она сводится к высшей нервной деятельности, безусловные же причинные закономерности выявляют уже естественные науки. С учетом невозможности точного причинного объяснения поведения каждого отдельного индивида, статистический тип законов в социальных науках не только возможен, но и неизбежен: социальные явления хотя и признаются причинно необходимыми, но изучаются только с точки зрения вероятности. При этом Штаммлер верно подчеркивает специфику выводов указанного типа для социальных наук: они применимы к объектам, существующим не объективно, а лишь в силу внешнего регулирования.

Что касается возражений относительно вышеизложенных взглядов Штаммлера на характер социальных наук, то они связаны с той позицией, что социальный закон может быть таким же точным, как и естественнонаучный, если выстраивать его в отношении абстрактной модели с заранее оговоренными параметрами, в связи с чем в социальных науках возможна не только телеологическая закономерность.

Так, Б.А. Кистяковский скептически относился к тезису Штаммлера о том, что "закономерность социальной жизни заключается в оформлении ее регулируемыми нормами и в чисто телеологической обусловленности этого оформления". "Поэтому, - отмечает далее Кистяковский, - с его точки зрения, совершенно невозможны социальные науки, построенные на методологических принципах естественных наук, т.е. исследующие социальные процессы как процессы причинно обусловленные и устанавливающие действующие в них законы в виде причинных соотношений"¹. Указанную позицию Штаммлера Кистяковский противопоставлял своему тезису о том, что *"при исследовании социальных явлений... мы можем, применяя известные методы выделения, изолирования и отвлечения, установить определенные общезначимые причинные соотношения, обладающие предикатом безусловной необходимости, т.е.*

¹ Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 333-334.

беспространственности и безвременности"¹. Таким образом, по Кистяковскому социальные науки способны точно познавать причинно-следственные связи, и не сводятся к проблеме долженствования². Следует, однако, отметить, что и Штаммлер не исключал социальные исследования, выявляющие хотя и не общезначимые закономерности, но, по крайней мере, достаточно вероятные тенденции, и не сводил познание социума к социальной телеологии. Так, он признает, что одной из задач социальной науки является изучение *естественно-необходимого* образования социальных феноменов и тенденций их дальнейшего развития³. В другом месте Штаммлер, однако, пишет, что наука предполагает единообразное восприятие явлений, и в сфере социума такое возможно только через единообразную цель, то есть нетелеологические виды исследований занимают у автора несправедливо приниженное положение⁴. Под социальными законами в собственном смысле слова можно понимать лишь выводы о соответствии сущего регулирования (то есть содержания права) должному (формальному идеалу права). Иными словами, Штаммлер признает возможным формулирование социальных тенденций, но отказывается считать их законами.

¹ Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 178. Безусловно, Кистяковский имеет в виду причинные соотношения, касающиеся абстрактных, изолированных, однородных явлений, а не частных явлений реальной жизни. См. там же стр. 164, 174.

² Критикуя, в частности, философию права Штаммлера, Б.А. Кистяковский настаивал: "*чтобы научно познать право, мы должны объяснить его как в причинной, так и в телеологической зависимости*". Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 625. По мнению русского ученого, с точки зрения причинности право может представляться как психическое и как социальное явление. Телеологическое обоснование права, в свою очередь учитывает, что наряду с трансцендентальными (регулятивными) целями в праве действуют и гетерогенные им эмпирические цели: те и другие многообразно обуславливают природу права. Там же. С. 628. В области трансцендентальных целей Кистяковский различает цели разума (обобщенность, систематизированность и пр.) и этические цели (свобода и справедливость). Там же. С. 629-630. В области эмпирических целей автор считает возможным рассматривать право "то средством, то целью на пути к построению всесторонней организации совместного существования людей". Там же. С. 629. Всю эту схему Кистяковский противопоставил однобокому, по его мнению, тезису Штаммлера о том, что закономерность социальной жизни есть уразумение и следование конечной цели общества.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 50-52. С. 263.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 56; Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 93, 104 и др.

М. Вебер также критиковал взгляды Штаммлера с тех позиций, что социальные науки могут выявлять достаточно точные закономерности, но только по отношению к так называемым "*идеальным типам*" (представляющим собой основанные на базовых ценностях эпохи системы понятий, образующих реально не существующие абстрактные объекты, в отношении которых и формулируются законы социума, подобно тому, как естественно-научные теоретические модели выступают теми абстракциями, в отношении которых формулируются законы природы)¹.

Аналогично П.И. Новгородцев утверждал, что в вопросах средств построение общественного идеала должно восполняться социальными науками (юриспруденция, социология, политэкономия, история), исследующими "*причинные* соотношения общественной жизни"². В то же время, указанный автор в другой своей работе признавал следующее: "В области человеческих действий и социальных явлений наука бессильна предсказывать будущее с такой же точностью, какая возможна в отношении к явлениям природы. Здесь остается прибегнуть к иным заключениям, не опирающимся на познание причинной связи... Те, которые стремятся к научному построению своих идеалов, могли бы заметить Штаммлеру, что при отсутствии точных данных, здесь все же возможные гипотезы, - гипотезы научные, не имеющие ничего общего с "закономерностью воли"³. Таким образом, Новгородцев все же признает проблематичность применения категории причинности при изучении социальных явлений. Более того, замечания в адрес Штаммлера относительно "научных

¹ О понятии "идеального типа" см.: Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания. // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 389 и далее. В данной статье Вебер также полемизирует со Штаммлером, не называя прямо его имени, и выстраивает свою методологию гуманитарных наук в том числе на критике взглядов последнего. С. 381. О понятии теоретической схемы в естественной науке см.: Степин В.С. История и философия науки. М., 2012. С. 221-232. Автор приводит в качестве примеров модель идеального маятника, на основе которой формулируется закон малых колебаний, модель идеальной популяции, служащей основой закона Харди-Вейнберга и т.п.

² Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. (К вопросу о возрождении естественного права). // Проблемы идеализма. М. 1903. С. 294. Значение указанных наук, по мнению Новгородцева, здесь "чисто служебное".

³ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 96.

гипотез" у него не обоснованы, так как немецкий мыслитель учитывает возможность таковых, называя их объективными тенденциями.

В. Виндельбанд, в свою очередь, замечал следующее относительно причинной детерминации человеческих поступков: "Всякий расчет, основанный на предположении, что при определенных условиях люди, с которыми мы имеем дело, будут определенным образом вести себя, думать, представлять, чувствовать, желать, всякий такой расчет уже применяет эту аксиому, она образует, несмотря на все хитрые доказательства противоположного, основу наших сношений с людьми, как и основу наших отношений ко всему остальному миру... Правда, даже при самом точном знании законов душевной жизни мы не можем высчитать тонкого влияния индивидуального характера, еле заметных изменений внутренних процессов; но кто может точно определить ход судна в будущем океане, кто может вычислить расположение в пространстве пузырьков газа, поднимающихся из бокала с вином?"¹. С указанными взглядами Виндельбанда следует согласиться. Естественная наука оперирует, конечно, не только динамическими, но и статистическими законами. Но это не отменяет специфики наук об обществе, которую, не противореча приведенным взглядам, показал Р. Штаммлер.

В то же время, представляется спорным тезис Р. Штаммлера о том, что не имеются никаких иных способов познать причины социальных явлений, кроме как анализировать общие предпосылки массово повторяющихся событий.

Б.А. Кистяковский писал, что "социальная система Р. Штаммлера, несмотря на всю ее несостоятельность в целом, дала толчок многим исследованиям и обратила внимание на такие стороны вопроса, которые раньше игнорировались"². Предложенное Штаммлером ориентирование и обоснование познания права на философии само по себе "обладает несомненным гносеолого-методологическим превосходством перед попытками обосновать научное знание о праве на какой-

¹ Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 229-230.

² Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 53.

нибудь одной из специальных гуманитарно-научных дисциплин" (психологии, социологии и т.п.)¹. Однако Штаммлер, по мнению Кистяковского, "ударился в противоположную крайность: он слил науку о праве с философией", вместо того, чтобы ориентировать науку о праве на всей совокупности гуманитарных наук². Русский философ упрекал Штаммлера (равно как и О. Конта, С. Булгакова) в слиянии социальной науки с социальной философией, считая, что данное явление свидетельствует о неразвитости и кризисе первой из них³. Право, вопреки Штаммлеру, не может познаваться исключительно философией⁴.

По сути, Штаммлер перенял в этом вопросе подход своего учителя – Г. Когена – который пытается построить деонтологическую философию культуры на основе всей суммы знаний гуманитарных наук, то есть на основе уже познанного, не интересуясь знанием в процессе созидания, поэтому Кистяковский критикует здесь и Когена⁵. Ученый полагает, что решение указанной проблемы (проявляющейся у Штаммлера, как мы показали выше, при определении понятий общества и права, когда он отсылает к опытным данным, одновременно пытаясь сделать эти понятия внеопытными) предоставляет Баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), вскрывающая ценностные основания отдельных научных дисциплин⁶.

Б.А. Кистяковский также отмечал, что социальные науки имеют три логико-методологические проблемы: проблема образования понятий и их первичных признаков (категория общности), проблема поиска причинно-следственных связей между явлениями (категория необходимости) и проблема роли норм в социальной жизни (категория долженствования). Согласно позиции русского мыслителя, две первые задачи должны рассматриваться вне социальной

¹ Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 368-369.

² Там же. С. 367, 369.

³ Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 52-54.

⁴ Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 369.

⁵ Там же. С. 370-372.

⁶ Там же. С. 372-373.

философии, так как являются общими для естественных и социальных наук, и только третья нуждается в социально-философском рассмотрении¹. Нельзя не провести аналогию со взглядами Штаммлера, который выделял теоретическую юриспруденцию как науку о "чистых понятиях", экономику (политическую экономию, правовую психологию) как изучение тенденций социального развития (не необходимых, а лишь вероятных) и учение о правильном праве (часть теоретической юриспруденции) как решение проблемы долженствования. В литературе отмечается, что теоретическая юриспруденция, в конечном итоге, заменила у Штаммлера "социальную философию" (философию права). Но вопрос об изучении тенденций социальных феноменов однозначно решается, по Штаммлеру, не социальной философией, а частными науками. Поэтому в этой части позиция Кистяковского сама представляется дискуссионной.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что Р. Штаммлер выработал не только оригинальное понятие права, разграничив его со всеми остальными социальными нормами, моралью и произволом, но и показал конституирующее значение права для социальной жизни. В итоге Штаммлер выработал собственный взгляд на методологию социальных наук, который, безусловно, заслуживает внимания научного сообщества.

¹ Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 55-57.

Глава II. ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ИДЕАЛА

1. Критика классической теории естественного права и исторической школы правоведения

Рудольфа Штаммлера в научной литературе справедливо называют основоположником теории "возрожденного естественного права"¹, в связи с чем представляется необходимым проанализировать связь его учения с учениями предшествующих представителей школы естественного права.

Естественно-правовая традиция имеет давние корни. Право естественное и право положительное в том или ином смысле противопоставляли еще досократические философы, Сократ, Платон, Аристотель, а затем стоики и римские юристы; в Средневековье естественно-правовая теория развивалась, главным образом, Фомой Аквинским, а в Новое Время глашатаями классических естественно-правовых идей стали Гуго Гроций, Томас Гоббс, Бенедикт Спиноза, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант и многие другие². Пожалуй, ни одна другая традиция правопонимания не может похвастаться столь длительной историей и столь внушительным списком представителей.

Взгляды на естественное право не были неизменны во все эпохи, отличались и у различных мыслителей. В юридической литературе отмечается, что под естественным правом в разное время и у различных мыслителей понималось и врожденное (неволеустановленное), и очевидное

¹ О том, что именно от Штаммлера берет начало новая постановка проблемы естественного права, выразившаяся в идее естественного права с меняющимся содержанием, см.: Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 156; Она же. Теория естественного права (историко-теоретический аспект). // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. №2. 2013. С. 73. Автор соглашается здесь с мнением П.И. Новгородцева, которое будет изложено далее. В западной литературе также признается, что от Штаммлера берет начало новая постановка вопроса об идеальном праве, его называют основателем неокантианской (идеалистической) философии права. Claessen H.Op.cit. S. 87, 89.

² Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24а. СПб., 1898. С. 885-889. Автор статьи – П. Новгородцев. См. также: Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 98.

(самолегитимирующееся), и нравственно оправданное, и доступное разуму, и "среднестатистическое" право, которое выступает то как идеальное, то как гипотетическое, то как ранее существовавшее либо "субсидиарное" право¹.

Что касается других, ставших уже классическими концепций правопонимания (исторической, социологической, психологической, марксистской, позитивистской, нормативистской), то они появились лишь в XIX-XX вв. на фоне идеалов позитивной науки, стремящейся максимально достоверно отобразить то, что существует в действительности (будь то законы, психологическое к ним отношение, либо фактические правоотношения), а не то, что должно быть.

Первоначальным антиподом естественно-правовой школы выступила историческая школа права, отождествлявшая право с самоорганизующейся общей волей и духом народа. На оппозиционный по отношению к естественно-правовой доктрине характер исторической школы права указывает большинство исследователей как прошлого (в частности, Б.А. Кистяковский, Г.Ф. Шершеневич, И.А. Покровский), так и настоящего (Е.В. Тимошина, Г. Кленнер, А.М. Михайлов и др.)². Однако представляется, что эта теория все еще содержала естественно-правовой момент долженствования (право должно соответствовать "духу народа", быть живым и спонтанным, при этом "дух народа", как и естественные права человека, внеисторичен и априорен, не тождественен с характером или мнением народа)³, и эта непоследовательность стала объектом обоснованной критики⁴, которая привела в итоге к ассимиляции историзма в

¹ Михайлов А.М. Указ.соч. С. 302. См. так же: Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 63; Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 295; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. 1911. С. 26-39 (автор выделяет логическое, психологическое, этическое и историческое обоснование естественного права).

² Михайлов А.М. Указ.соч. С. 31; Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 218.

³ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права. / Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 305; Гессен В.М. Возрождение естественного права. СПб., 1902. С. 18; Радбрух Г. Указ. соч. С. 28.

⁴ Напр.: Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 234; Гессен В.М. Указ.соч. С. 23-24; Stammler R. Über die methode der geschichtlichen Rechtstheorie. Halle, 1888.

чисто позитивистском социологизме¹. По обоснованному мнению В.М. Гессена, отрицая существование абсолютных норм естественного права, но утверждая высшей инстанцией права "дух народа", историзм выступил лишь модифицированным, "органическим" естественным правом, указавшим на изменчивость "естественного"². В свою очередь Р. Штаммлер, восприняв позитивные аспекты историзма, выстроил концепцию "естественного права с изменяющимся содержанием" именно на критике последнего, совместив рационализм и историзм. Таким образом, традиция естественного права в некотором смысле и не "умирала", поэтому и не требовала "возрождения".

Исследуя развитие юридической науки в период возникновения основных теорий правопонимания, противопоставляющих себя естественному праву, следует акцентировать внимание на мировоззренческой ситуации данной эпохи и состоянии тогдашней науки в целом. Дело в том, что в широком смысле слова позитивизм определяется как "общекультурная (идеологическая) установка "западного" сознания, сложившаяся в процессе становления капиталистического (промышленного) общества, пришедшего на смену феодальному"³. Таким образом, позитивизм вообще есть "настроение эпохи", способствующее ускоренному развитию научного знания. К XIX веку, в условиях набирающей обороты специализации наук, позитивизм становится господствующим направлением западной философии науки⁴. Соответственно, в юриспруденции позитивизм также приобрел значительное количество сторонников и пошатнул вековые традиции школы естественного права⁵.

По некоторым оценкам, именно юридический позитивизм, а не историческая школа права, явился подлинным врагом теории естественного

¹ Михайлов А.М. Указ.соч. С. 7. Автор ссылается здесь на мнения Р. Лукича, В.Г. Графского, А.В. Полякова, И.В. Лексина.

² Гессен В.М. Указ.соч. С. 7-8, 18.

³ Позитивизм. // Новая философская энциклопедия ИФ РАН. Электронный ресурс: <http://iph.ras.ru/elib/2350.html>

⁴ Степин В.С. Указ. соч. С. 13.

⁵ Впрочем, В.М. Гессен указывает на то, что и в прежние века позитивизм имел место в юридической науке (софисты, практическая школа юристов, учение И. Бентама). Гессен В.М. Указ.соч. С. 29-31.

права¹. Вместо абсолютизации содержания права он пришел к абсолютизации его формы². Но поскольку крайности зачастую не отвечают критерию научной объективности, возникла проблема "возрождения" естественного права.

Р. Штаммлера с полной уверенностью можно назвать пионером нового направления. Как отмечается в научной литературе, "действительное возрождение естественного права, его бурный "ренессанс" в Западной Европе (особенно в Австрии, ФРГ, Швейцарии, Италии) пришелся на первые десять-пятнадцать лет после второй мировой войны"³, то есть уже после смерти Р. Штаммлера. Ужасы кровопролитных войн и бесчеловечного тоталитаризма наглядно показали, насколько опасно бывает забвение истинных ценностей в праве, бездумное отождествление права и закона. В этих условиях возрождение естественного права вылилось в ряд оригинальных, непохожих на классические естественно-правовые концепции, учений.

Под естественным правом принято понимать совокупность неотъемлемых и неизменных (вечных) принципов и норм, во всей подробности определяющих человеческое общежитие, вытекающих из природы человека и природы вещей, в соответствии с которыми должно выстраиваться право позитивное (фактически существующие в конкретном обществе законоустановления)⁴. В широком смысле естественно-правовая теория включает все учения, так или иначе противопоставляющие себя той точке зрения, что право и закон суть одно и то же, и пытающиеся дать некий идеал правового устройства.⁵ Р. Штаммлер, как представитель естественно-правового направления правопонимания, посвящает себя поиску такого идеала.

Классическое естественно-правовое учение исходит из того, что "подлинное право, соответствующее устройству мироздания, может быть познано вне

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 36-39; Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М. 1988. С. 9.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997. С. 607. Аналогичную мысль см. в: Четвернин В.А. Указ. соч. С. 3

⁴ Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины "возрожденного" естественного права. // Право и государство: теория и практика. №2. 2013. С. 16.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. // Вопросы философии. 2002. N 3. С. 7.

чувственного опыта, *исключительно умозрительно*, поскольку оно носит природный, "*внеисторический*" и даже "*антиисторический*" характер"¹. Р. Штаммлер, следуя этой традиции, также пытается вывести свой идеал исключительно на умозрительных началах, не зависящих ни от прошлого или будущего законодательства, ни от общественного мнения. Рефлектируя над своими выводами относительно "правильного права", он пишет: "Та инстанция, к которой я апеллирую, есть просто логическая дедукция, она предполагает систематически замкнутый круг доказательств и критическое самоуглубление во внутренний опыт"². Методологическая установка классического юснатурализма, как известно, также была дедуктивной³. Однако умозрение Штаммлера носит все же несколько иной характер по сравнению с предшествующими мыслителями (Г. Гроция, Дж. Локка, Т. Гоббса, Б. Спинозы и др.): в познании естественного права он абстрагируется, в том числе, и от самой природы, концентрируя внимание на априорных положениях человеческого разума.

Штаммлер обращает внимание на возможность различного понимания "природы" ("естественного"). Под "природным" можно понимать такое состояние людей, когда им неведома культура и совместная жизнь согласно правилам. Тогда естественное право будет отождествляться с правом сильного, по примеру рассуждений Спинозы⁴, а "право природы" будет иметь почти то же значение, что и "закон природы" (в естественно-научном смысле). Однако такое право не только не предоставляет нам идеала, но и вводит своеобразные "естественные обязанности слабейших"⁵, что не может быть признано приемлемым при решении вопроса социального идеала. Если же мы обращаемся не к природному, а к

¹ Михайлов А.М. Указ.соч. С. 32. См. также: Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект). // Государство и право. - 2015. - №1. С. 75.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 322-323.

³ Михайлов А.М. Указ.соч. С. 69.

⁴ См.: Спиноза Б. Политический трактат. // Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1957. С. 291. В частности: "каждая естественная вещь имеет от природы столько права, сколько имеет мощи для существования и действия... И потому естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивидуума простирается столь далеко, сколь далеко простирается их мощь".

⁵ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 94.

социальному состоянию, то "естественным" (природным) часто называем некий очевидно разумющийся порядок вещей, который не нуждается в законодательном закреплении. Однако такая позиция также ничего не говорит нам об идеальном праве и его критериях. Наконец, естественной может называться сентиментальная идиллия "возвращения к природе", используемая для критики культуры. Но если мы предъявляем к человеку какие-либо идеальные требования, стоящие выше существующей культуры, слово "природа" может произвольно применяться уже в совсем другом значении.

В итоге Штаммлер приходит к выводу, что соответствие права природе может пониматься двояко: как соответствие права природе человека и как соответствие права природе *самого права*. Выведение естественного права из природы человека по Штаммлеру является методологически неверным. Второе направление мыслитель видит более перспективным и находит его зачатки у Пуфендорфа и еще больше у Томазиуса. Однако лишь Руссо, по мнению Штаммлера, окончательно отверг выведение основоположений естественного права из природы человека, обратившись к идее права (для Руссо это "общая воля" и общественный договор, но не как факт истории, а как регулятивная идея) и тем самым вернув постановку проблемы в рамки древнегреческой философии (Сократ, Платон)¹. "Но даже при такой постановке вопроса в учение о естественном праве вплеталась масса разнообразных ошибочных предпосылок, которые делали это учение совершенно ненаучным и беспочвенным"². Например, общая воля выступает у Руссо не только как критерий идеального права, но и права вообще.

Как отмечается в современной литературе, своеобразно переработал идею Руссо об общественном договоре И. Кант: *contract social* рассматривается у него не как исторический факт, а как априорная регулятивная идея оценки права³. Кант

¹ Ibid. S. 95-97.

² Покровский И.А. "Справедливое право" Рудольфа Штаммлера (литературное обозрение книги: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902). // Вестник права. - 1904. Кн. 2. - С. 155.

³ Фролова Е.А. Правовая теория И. Канта. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №7. С. 18.

устраняет все религиозные и теологические предпосылки естественного права и основывает его исключительно на природе самого разума (*Vernunftsrecht*). Именно философия Канта легла в основу нового понимания естественного права. "С Кантом естественно-правовая мысль приходит к пониманию того, что природа в качестве властного источника нормы не имеет ничего общего с эмпирически исследуемой природой, природой естественной"¹.

Противопоставляя свое учение взглядам теоретиков естественного права предшествующих эпох, Р. Штаммлер именно в духе Канта отмечает независимость социального идеала от конкретных условий места и времени. Несмотря на то, что естественно-правовая школа проявляла аналогичное безразличие к конкретным историческим фактам, ее представители все же полагали, что на основании анализа окружающего мира можно сделать вывод о правильном праве, тогда как Штаммлер, принимая во внимания учения Канта и представителей исторической школы права, категорически отрицает подобную возможность.

Сегодня некоторые мыслители считают тезис о многозначности понятия природы слабым аргументом против классической теории естественного права. Так, по мнению О. Хёффе, в действительности понятие природы достаточно конкретизируется контекстом: "Выражение "природа" ("*Natur*") противопоставляется здесь не "истории" или "культуре", - пишет автор, - но тому, о чем люди договариваются между собой, частично в форме правовых привычек, частично в форме прямого установления. В качестве противоположного созданному людьми, позитивному праву естественное право означает некую до- и сверхпозитивную, почти моральную инстанцию"². В любом случае для "возрождения" естественного права необходимо было уточнить понятие природы и осмыслить философию Руссо и, прежде всего, Канта, а также исторической школы права, что мы и находим в трудах Штаммлера, который совершенно логично пришел к идее "естественного права с изменяющимся содержанием".

¹ Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007. С. 64.

² Там же. С. 59.

Штаммлер приводит классическое понятие естественного права как права, соответствующего природе, и тут же замечает, что сама эта природа "отнюдь не представляет собой чего-либо раз навсегда данного, чего-либо неизблемого. Самые представления об этой неизблемой "природе человека" или "природе права" носят различный характер"¹. Во всех естественно-правовых учениях, пишет Штаммлер, предполагалось наличие таких правовых положений, содержание которых неизменно и пригодно для всех стран и времен, между тем, "естественное право в таком смысле должно быть признано научно невозможным"². Указанного мнения Штаммлер придерживается не потому, что различные представители естественно-правовой школы не могли сойтись между собой во взглядах (ведь наличие дискуссий отнюдь не отрицает существование объективной истины), не потому, далее, что естественное право вовсе не является правом в собственном смысле слова (ибо все это лишь спор о терминах), наконец, не потому, что мы должны отбросить всякие суждения о должном праве (в этом вопросе Штаммлер полемизирует с Бергбомом)³.

Во-первых, Штаммлер отмечает, что содержание потребностей, а также эффективные способы их удовлетворения меняются в зависимости от конкретных обстоятельств времени и места, поэтому нельзя вывести общезначимых правил человеческого общежития, подходящих для всех стран и времен⁴. Во-вторых, он добавляет, что ссылка на родовую природу человека не предоставляет нам достаточных доказательств общезначимого содержания человеческих потребностей: "в человеческой природе нельзя отыскать такой основы, которая обладала бы вполне общезначимым характером, так чтобы отсюда необходимо

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 178.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 180-183. В другом месте Штаммлер критикует мнение Бергбома, согласно которому политические цели не могут быть обоснованы как правомерные. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 129. С приведенной критикой Бергбома Штаммлером соглашался впоследствии отечественный сторонник "возрождения" естественного права В.М. Гессен, отстаивавший допустимость критического правосознания: Гессен В.М. Указ.соч. С. 4, 12.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 188.

вытекало также и содержание правового регулирования, общезначимое для всех времен и всех мест"¹. Если, пишет Штаммлер, устранить все исторические особенности, то от природы человека останутся лишь физиологические задатки и способности, из которых не может быть выведено и само понятие права; разум же, к которому чаще всего апеллируют юснатуралисты, является не достоянием природы, а продуктом воспитания и образования². Таким образом, хотя Штаммлер и следует рационалистической традиции естественно-правовой школы, связывая мерило всего существующего с мыслящим разумом³, но последний у него вовсе не отождествляется с природой. Разрушается методологическая иллюзия Нового времени, согласно которой познающий разум подобен познаваемой природе⁴; объективность разума, в развитие философии Канта, ищет основания уже не в природе вещей, а в априоризме.

Все ссылки на природу человека, по Штаммлеру, упираются в констатацию тривиального факта эгоистичности людей, из которого невозможно вывести ничего конкретного: "До сих пор не было приведено научного доказательства в пользу того, что якобы обще *всем* людям... как следствие их эгоизма"⁵. То обстоятельство, что в силу природного эгоизма *каждый* человек в любом своем действии прямо или косвенно заботится о собственном благе, а также факт плохой приспособленности человека к окружающей среде создают лишь предпосылки объединения людей в группы, но не делают его необходимым, и уж тем более не предопределяет конкретные правила совместного общежития. Даже если *предположить*, что некоторые инстинкты заставляют человека объединяться с другими людьми (например, в семью), природа все же не дает ответа на вопрос о том, как должно быть устроено это сотрудничество. Напротив, естественная

¹ Там же. С. 190.

² Там же. С. 191.

³ На такой характер школы естественного права указывают многие исследователи. См., напр.: Михайлов А.М. Указ.соч.С.35-37,97.

⁴ Об этой методологической иллюзии см. там же. С. 37. Б. Спиноза, в частности, писал: "порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей". Там же. С. 90.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 193.

необходимость определенного объединения отрицает саму категорию долженствования и делает невозможной естественно-правовую концепцию¹.

Сторонники естественно-правовых взглядов полагали, что разумная природа человека позволяет вывести идеальные правовые нормы, однако говорили лишь о естественной предопределенности самого человеческого общежития и неких общественных идеалов, но не фактического достижения указанных идеалов. При этом они даже не пытались ответить на вопрос о том, почему, несмотря на разумную природу человека, эти идеалы все еще не реализованы (люди веками жили и до сих пор живут, по сути, в "противоестественном состоянии")². Поэтому отрицание естественного права с той позиции, что "не только "естественное", но и положительное право появилось в силу неотвратимой необходимости, значит, оно не может быть подвергнуто субъективистской критике"³, не совсем верно, поскольку юснатуралисты в принципе и не утверждали неотвратимую необходимость положительного права. Тем не менее, следует согласиться с утверждением А.М. Михайлова: "Вера в объективный, неволеустановленный и универсальный характер естественного права и любые реформаторские стремления на систему волеустановленного позитивного права логически несовместимы"⁴. Указанная критика демонстрирует необоснованное смешение сторонниками естественного права двух диаметрально противоположных подходов в познании общественных явлений – причинно-следственного и телеологического – разграничение которых четко установлено усилиями И. Канта, и развито в трудах неокантианцев, в том числе Р. Штаммлера.

Таким образом, Штаммлер приводит достаточно обоснованные и поддерживаемые позитивистами доводы против теории естественного права, обличает подмеченную многими исследователями метафизическую (объективно-идеалистическую, ненаучную) основу данной теории, бездоказательно постулирующей разумность человека и наличие безусловно идеальных норм

¹ Там же. С. 192.

² Михайлов А.М. Указ.соч. С.363.

³ Исаев И.А. *Politica Hermetica: скрытые аспекты власти*. М. 2003. С. 455.

⁴ Михайлов А.М. Указ. соч. С.367.

права¹. Он также подчеркивает многозначность самого выражения "естественное право"².

Наряду с прежним естественным правом Штаммлер с методологических позиций критикует историческую школу правоведения³. Ученый пишет, что эта школа пыталась дать единую формулу действительных причин возникновения любых норм права на основе исторического исследования, однако такой метод должен быть признан необоснованным.

Во-первых, мы должны отличать вопрос о том, что есть право, от вопроса, каким право должно быть. У представителей исторической школы права, как и у сторонников естественного права, нет четкого различия данных вопросов. Историческое исследование может показать лишь постепенное развитие права, но для этого уже требуется знать, что такое право, и само определение права не будет зависеть от истории. Точно так же и то, каким право должно быть, не выводимо из совокупности исторических фактов. Таким образом, историческая школа права, с одной стороны, не показывает, является "народный дух" в праве необходимым или только желаемым (должным), а с другой, не предоставляет общезначимый критерий для оценки и изучения исторических фактов. Неверно полагать, что обычаи необходимы, а законодательные установления – свободны; также неправильно думать, что соответствующее обычаям право есть здоровое право, а противоречащее им – больное и патологическое (*krankhaft*): мир природы и мир свободы принципиально не должны смешиваться воедино. Кроме того, остается неясным, как мы должны определить, в чем именно состоит "дух народа": через подсчет простого большинства мнений или квалифицированного, или же "духом народа" является лишь единогласная позиция всех? Не говоря уже

¹ С аналогичных позиций Г.В. Мальцев даже утверждает: "Идея естественного права по сути своей религиозна, отход от данной сути в принципе недопустим". См.: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. 1999. С. 96.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 93-95.

³ Нижеследующий анализ Штаммлером исторической школы правоведения см. подробнее в: Stammler R. Über die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie. // *Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge*. Bd. 1. Charlottenburg, 1925. S. 3-40.

о том, что господствующее убеждение, конечно же, не может считаться правильным исключительно ввиду своего господства.

Таким образом, нельзя, пишет Штаммлер, согласиться с тем мнением, что историческая школа права опровергла естественно-правовую. По сути, у историков отсутствует глубокий и научный разбор взглядов сторонников теории естественного права, и не доказана ненаучность данной теории. Попытка естественно-правовой школы разработать единый метод оценки правовых явлений вообще не противоречит эмпирическому исследованию исторических проявлений права. Положительная черта учений историков состоит разве что в том, что они показали относительность правового идеала, и не так далеко от истины был Савиньи, который писал, что существует единая задача, которая решается у различных народов по-разному. Но нельзя считать убедительным аргумент Пухты, будто правовой идеал должен выводиться не из разума, а из духа. В итоге, констатирует Штаммлер, критика естественного права со стороны исторического правоведения напоминает скорее не удары меча, а только уколы иголкой и бранные слова. Естественно-правовая проблематика вообще не может быть отвергнута, так как человек всегда ставит перед собой вопрос о должном; считать же должным любое фактическое положение дел – это абсурд. Таким образом, значение естественно-правовой школы для правовой практики как минимум не меньше, чем исторической.

Впрочем, мы должны заметить и несовершенство штаммлеровской критики исторической школы права. Он пишет, что представители последней отвергали естественно-правовые воззрения на том основании, что естественное право никогда не господствовало в прошлом, и не господствует в настоящем. Данный аргумент историков действительно слаб: сама суть идеала состоит в его недостижимости, идеал является только путеводной нитью для наших стремлений, но никогда полностью не воплощается. Далее представители исторического правопонимания утверждают, что естественное право никогда и не восторжествует в будущем. Этот аргумент также представляется нам слабым, но

неверен и контраргумент Штамллера, сводящийся к тому, что будущее принципиально недетерминировано.

Второй аспект критики Штаммлером исторической школы правоведения состоит в том, что данная школа не отвечает на вопрос о том, как возможно образование нового правопорядка через разрушение старого. С одной стороны, нарушение действующего правопорядка посредством революций и переворотов представляет собой неоправданное вмешательство в естественный ход вещей, порождающее "нездоровое" право. С другой стороны, мы должны признать, что любой современный правопорядок уходит своими корнями в свержение прежнего правового строя посредством непредусмотренных этим строем, то есть противоправных процедур. В таком случае неясно, как именно отражается "народный дух" в действующих правопорядках. Решение данного вопроса у Штамллера связано с самим понятием права, но историческая школа не только не раскрыла независимый от истории идеал, но и не предоставила исторически нейтрального понятия права.

2. Идея и методы "правильного права"

("естественного права с меняющимся содержанием")

В классической естественно-правовой доктрине убеждение, что "естественное право предначертано самой природой и что прямым свидетельством тому служит распространение некоторых его частей у всех народов, приводило к мысли, что можно и все его положения вывести из неизменных велений природы и таким образом создать систему норм, пригодную для всеобщего распространения, в качестве вечного и неизменного образца"¹. Штаммлер же неоднократно подчеркивает, что теоретическое правоведение должно познавать лишь формальный метод, которым можно разграничить

¹ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 230.

правильное право от неправильного по критерию соответствия безусловной конечной цели¹: в его задачи не входит разработка проекта "идеального кодекса" и выведение конкретных правовых норм из природы².

Попытка выработать один формальный критерий, служащий для оценки существующего права, вместо того, чтобы создавать "идеальные кодексы", стала главной особенностью новых теорий естественного права, разрабатывавшихся первоначально в рамках неокантианства, к которому принадлежал и Р. Штаммлер. Так, В.С. Нерсесянц отмечает, что рассматриваемый подход был характерен и "для многих других представителей неокантианской философии права.... Все то, что для юснатуралистов является объективно данным естественным правом (включая правовое значение естественного права, природы вещей, бытия человека и т. д.), для неокантианства – это лишь формально-правовые конструкции в духе трансцендентальной и априорной идеи права, которая весьма далека от понятия естественного права. "Подлинная философия права, – замечает испанский неокантианец А. Оллера, – пребывает в вечном поиске формального правового принципа"³. Еще ранее В.А. Савальский (очевидно, под влиянием Штаммлера), пишет: "Естественное право должно быть понято как идея права, как трансцендентальная идея юридического опыта"⁴. Рассматриваемый подход выражает распространение неокантианского нравственного идеализма на философию права, и представляет собой установление конечной цели (направления) общественного развития, которой в зависимости от условий общественной среды соответствуют те или иные нравственные требования⁵. На смену неволеустановленного содержания естественного права (системы естественного права) должен прийти неволеустановленный формальный критерий оценки данного содержания (принцип естественного права). Тем самым

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 3-4, 11, 14.

² Ibid. S.12.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997. С. 570. Об указанной характеристике "возрожденного" естественного права см. также: Кролик А.А. Указ.соч.С.50.

⁴ Савальский В.А. Указ. соч. С. 209.

⁵ Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины "возрожденного" естественного права. // Право и государство: теория и практика. 2013. №2. С. 13-14.

преодолевается подмеченная, в частности, Н.Н. Алексеевым слабость естественно-правовых доктрин, заключающаяся в неспособности внятно ответить на вопрос: "Каковы конкретные нормы естественного права?"¹. Согласно неокантианцам, эти нормы не могут быть установлены раз и навсегда, они зависят от самых разнообразных эмпирических фактов. Перефразируя аналогичный постулат моральной философии Канта, можно утверждать, что абсолютизм естественного закона относится к форме, но не к содержанию: вечным остается только требование относительного согласия разума с собой².

Указанная попытка выработать умозрительную конечную формулу общественного идеала, имевшая место не только у Штамmlера, но и (под его влиянием) у Новгородцева, встретила критику со стороны Н.Н. Алексеева, который призывал не искать такую формулу, а "определять средства, с помощью которых можно реально улучшить состояние правового порядка"³. Эта точка зрения представляется нам необоснованной, так как улучшение общества уже предполагает некоторое представление об идеале⁴.

Совершенно верно замечание О. Хёффе, что врожденные, естественные, неотчуждаемые и неприкосновенные права человека, о которых идет речь в рамках указанной школы, являются таковыми именно в моральном, а не в биологическом смысле⁵. Как показано выше, Штамmlер сходным образом предлагает различать природу человека, из которой (вопреки Гроцию, Гоббсу, Локку, Спинозе и др.) нельзя вывести никакого долженствования, и природу самого права, о которой писал, в частности, Руссо⁶. Здесь, впрочем, уместнее

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 195.

² Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины "возрожденного" естественного права. // Право и государство: теория и практика. 2013. №2. С. 14.

³ Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 441.

⁴ Отстаиваемые Н.Н. Алексеевым совершенствование качеств личности, осмысление ценностей и научение истине как искусству реализации ценностей (правовая политика) действительно необходимы, но общественный идеал связан не только с субъектами (мораль), но и с учреждениями и нормами (право). Поэтому, как отмечается в литературе, многие "утверждения ученого, предлагаемые им как антитеза соответствующим положениям теорий Штамmlера и Новгородцева, по сути, не противостоят им". Там же. С. 443.

⁵ Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007. С. 103.

⁶ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 95-97.

было бы говорить о природе разума по Канту. Последнюю необходимо изучать не генетически (опытно), а систематически (логически): только в этом случае мы сможем выработать формальный, не зависящий от конкретных обстоятельств, единый критерий оценки позитивного права с точки зрения того, является ли оно правильным средством на пути к правильным целям. В этом смысле под естественным правом следует понимать именно критерий оценки властных повелений, а не сами эти повеления¹. Согласно Штаммлеру, ошибка предшествующих представителей школы естественного права состояла в том, что они уделяли внимание не методу (оценке существующего законодательства), а предмету (разработке идеального законодательства).

Таким образом, идея "возрожденного" естественного права и ее отличие от классической теории естественного права состоит в том, что вместо выработки "идеальных кодексов" (расширенной системы идеального права), предлагается единая априорная формула правового идеала, на основании которой действующее позитивное право может оцениваться как правильное или неправильное.

Некоторую оппозицию изложенному соотношению правового учения Р. Штаммлера и учений представителей школы естественного права составляет мнение русского ученого П. Новгородцева, который писал: "Два упрека делались обыкновенно естественному праву, что оно отрицало историческое развитие правовых систем и что оно требовало права неизменного для всех времен и народов. Стремясь исправить старую доктрину, Штаммлер и предлагал свою формулу "естественное право с меняющимся содержанием". Пора однако покончить с этим недоразумением. Естественное право, как показывает более внимательное изучение истории, вовсе не отрицало исторических различий и все не пыталось создать единой системы права. Оно стремилось не к неизменной системе права, а к неизменному идеалу или принципу права"². Данное мнение разделял русский правовед Н.Н. Алексеев, критиковавший с этой позиции оценку

¹ Ibid. S. 103.

² Новгородцев П.И. Современное положение проблемы естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 22.

естественно-правовой доктрины Р. Штаммлером¹. Аналогичное мнение высказывает в своей диссертации А.В. Поляков, оспаривая тезис исторической школы права о том, что естественное право представляет собой "кодекс вечных и неизменных норм". Автор утверждает, что "во многих естественно-правовых теориях наблюдалось стремление сочетать абсолютные естественно-правовые принципы с изменчивостью конкретного исторического содержания правовых норм"².

Несмотря на вышеизложенное, выдвинутая Штаммлером концепция естественного права как формального идеала с меняющимся содержанием, несомненно, представляет значительный шаг вперед по сравнению с прежними естественно-правовыми учениями, авторы которых допускали многочисленные суждения о том, что справедливо или несправедливо "по природе", предлагая конкретные нормы права в качестве вечных и идеальных.

Кроме того, изложенное различие взглядов на естественно-правовые доктрины, как представляется, не отменяет значение правового учения Р. Штаммлера, в котором, во-первых, дана верная критика существующего "догматического понимания естественного права" (по выражению Н.Н. Алексеева), во-вторых, своевременно актуализирована проблема достижения социального идеала (проблема естественного права), в-третьих, указанная проблема правильно поставлена как проблема "естественного права с меняющимся содержанием" (то есть естественного права как формального правового идеала, оценивающего конкретное позитивное право как правильное или неправильное с учетом обстоятельств места и времени).

По мнению П.И. Новгородцева, именно "Штаммлеру принадлежит заслуга впервые поставить проблему о возрождении естественного права. В 1988 году, когда господствовали совершенно иные взгляды, с юношескою смелостью

¹ Алексеев Н.Н. Естественное право и историзм. // Вопросы права. 1911. Кн. 5 (1). С. 6.

² Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций: автореф. дис. на соискание ученой степени к.ю.н. Л., 1987. С. 8-9.

выступил он в защиту старых основ"¹. При этом Новгородцев отмечал, что в деле возрождения естественного права особую роль играли два ученых: Р. Штаммлер и Л. Петражицкий. Последний, в свою очередь, не соглашался с мнением П. Новгородцева о первенстве Штаммлера в постановке вопроса о возрождении естественного права. С особой настойчивостью он доказывал тезис о том, что основные идеи Штаммлера были высказаны в еще труде Петражицкого "Lehre von Einkommen" (1893-1895 гг.), к тому же и до публикации данного труда Штаммлер находился под влиянием русского ученого². Анализ полемических статей Новгородцева и Петражицкого показывает, что рассматриваемый спор вызван, прежде всего, различным пониманием указанными мыслителями штаммлеровской концепции социального идеала ("общества свободно хотящих людей"). Однако тот факт, что Р. Штаммлер первый заявил о необходимости возрождения естественного права, на наш взгляд, остался Л. Петражицким не опровергнутым. Кроме того, именно Штаммлеру принадлежит знаменитая формула "естественное право с меняющимся содержанием", позволяющая с новых позиций взглянуть на проблему естественного права. Таким образом,

¹ П.И. Новгородцев. Современное положение проблемы естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 19. Здесь Новгородцев имеет в виду брошюру Штаммлера "Über die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie", вышедшую в 1888 г. В работе "Нравственный идеализм в философии права" П.И. Новгородцев утверждает, что в 1896 г. за возрождение естественного права высказались в печати он и Л.И. Петражицкий. "Г. Петражицкий, - указывает автор далее, - высказывался и ранее в том же духе в своих немецких сочинениях (начиная с 1893 г.)". Итак, Новгородцев отводит Штаммлеру приоритет в 5 лет в постановке вопроса о возрождении естественного права. См. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 217-218. Сказанное не отрицает значительной роли Петражицкого в "возрождении" естественного права.

² Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 20-32. Аргументируя тезис о своем влиянии на Штаммлера, Петражицкий ссылается на данные частной переписки. В свою очередь П.И. Новгородцев пытался показать, что Штаммлер развивал свои идеи на совершенно иной методологической базе, чем автор психологической теории права, поэтому заимствования здесь не столь значимы. Этому же мнению придерживался В.А. Савальский, который писал: "Что касается заимствования Штаммлером идей у Петражицкого, то, если оно и имело место, справедливость требует отметить, что эти идеи представлены Штаммлером в совершенно другой связи понятий, чем это сделано в доктрине Петражицкого, так как Штаммлер базирует свою доктрину не в логике Милля, а в критической философии". Савальский В.А. Указ.соч. С. 264 (сноска).

Штамллера следует признать основоположником идеи "возрождения" естественного права.

П.И. Новгородцев, тем не менее, считал, что одна из главных идей Р. Штамллера – естественное право с меняющимся содержанием – есть, в сущности, "идея противоречивая и несостоятельная"¹. Таким образом, Новгородцев видел заслугу Штамллера только в постановке проблемы, а не в ее разрешении, аргументируя свою позицию следующим образом: "Что идеальные представления о праве меняются с изменением исторических условий, это факт, не подлежащий сомнению, но не меняется тот идеальный критерий, который является масштабом для оценки прогресса в праве. И если под естественным правом понимать именно этот идеальный и безусловный критерий, то следует сказать, что естественное право с изменяющимся содержанием есть *contradictio in adjecto*. Идеальный критерий с изменяющимся содержанием это еще более противоречивое понятие, чем метр с изменяющейся длиной или килограмм с изменяющимся весом"². Данные возражения П. Новгородцева представляются несостоятельными, поскольку, хотя Штамллера и упрекали часто в неясности изложения, свою идею о естественном праве с меняющимся содержанием он высказал достаточно ясно: идеальный критерий, являясь формой социальной жизни, не изменяется, однако этому критерию в зависимости от времени и места соответствуют всё новые по содержанию законы (естественное право – это, таким образом, часть позитивного права, правильная по содержанию³). Следовательно, то противоречие, на которое указывал П.И. Новгородцев, Р. Штаммлеру вовсе не свойственно.

По мнению В.А. Савальского, предложив формулу "естественного права с меняющимся содержанием", Р. Штаммлер впоследствии "оставил ее, очевидно, как не выражающую существа дела. И действительно, - продолжает ученый, - характеристика естественного права по содержанию страдает чрезвычайной

¹ Новгородцев П.И.. Современное положение проблемы естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 19.

² Там же.

³ Müller C. Op. cit. S. 89-90

неясностью. Естественное прав изменяется... что это значит?"¹. "Естественное право также неизменно, как правило причинности... Изменяется же всегда только положительное право"². Приведенному воззрению Савальского нужно частично возразить. Во-первых, Штаммлер никогда не оставлял самой идеи естественного права с меняющимся содержанием, даже если и не воспроизводил эту формулировку в поздних трудах. Суть взглядов Штаммлера всегда оставалась неизменной³; другое дело, что формула "естественное право с меняющимся содержанием" была заменена понятием "правильного права"⁴. Во-вторых, естественное право, будучи формальным критерием справедливости, всегда постоянно, изменяется лишь его содержание, но этим термином Штаммлер обозначал ни что иное, как правильное, то есть некоторым образом характеризующее позитивное право, поэтому вряд ли уместны упреки Савальского в адрес Штаммлера о том, что изменяется всегда только позитивное право (Штаммлер и не отрицал этого, так что формулу "естественное право с меняющимся содержанием" мы считаем приемлемой).

Следует обратить особое внимание на проблему достижимости предложенного Р. Штаммлером неокантианского формального правового идеала. Неокантианская этическая традиция утверждает, что "мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг" (Б. А. Кистяковский)⁵. Возможность достижения чего-либо

¹ Савальский В.А. Указ. соч. 213.

² Там же. С. 214.

³ Некоторыми исследователями вообще отмечалась удивительная непоколебимость взглядов Штаммлера, который с каждым последующим изданием своих трудов вносил едва заметные изменения в основной текст, но снабжал его всё более массивными сносками, содержащими ответы на критику. Напр.: Claessen H. *Op. cit.* S. 68. Напротив, Клаудиус Мюллер (C. Müller) пытался обосновать эволюцию взглядов Штаммлера (хотя и не в части "естественного права с изменяющимся содержанием"), но ему справедливо возражал М. Вэнн (M. Wenn), показывавший в каждом конкретном случае возможность такой интерпретации ранних и поздних сочинений Штаммлера, при которой противоречий между этими сочинениями не возникает. Wenn M. *Op. cit.* S. 140-147.

⁴ О тождественности этих понятий Wenn M. *Op. cit.* S. 203-204, 259-260.

⁵ Кистяковский Б.А. "Русская социологическая школа" и категория возможности при решении социально-этических проблем. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 135.

еще не говорит о моральной правильности, категорией возможности можно оправдать что угодно¹. С другой стороны, в рамках данной традиции важным является положение, которому безусловно невозможное и неосуществимое не может быть и долженствующим (П.И. Новгородцев)². Полагаем, что поскольку никогда нельзя быть до конца уверенным в том, что тот или иной исход событий *эмпирически* невозможен, постольку речь здесь должна идти лишь о *логической* (а потому и принципиальной) невозможности, которая не налагает существенных ограничений на социальный идеал.

В то же время, анализируя позицию Р. Штаммлера по указанному вопросу, следует отметить, что последний сравнивает правовой идеал с "путеводной звездой", которая указывает кораблям направление, но сама остается *в любом случае недостижимой*³. Именно так можно интерпретировать утверждение Штаммлера, что всякое право есть лишь *попытка* достижения правильного⁴. Полной и исчерпывающей справедливости в праве невозможно достичь, что и обуславливает дихотомию понятия и идеи⁵. В этом отношении Штаммлер подвергся определенной критике; Н.А. Бердяев, например, отрицал идею немецкого ученого о принципиальной недостижимости идеала и неразрешимости социального вопроса, имея в виду значимость относительного идеала⁶. Полагаем, однако, что Штаммлер никогда и не отрицал относительных достижений, но и не называл их идеалом.

По нашему мнению, хотя для социального идеала и не важно, достигим ли он на практике, это не означает еще его принципиальную недостижимость (не следует намеренно делать идеал утопичным). Более обоснованной является точка зрения, согласно которой если идеал и достигим, то только в отношении

¹ Там же. С. 86. Кистяковский критикует на этом основании Михайловского.

² Об этом положении см. там же. С. 104.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 253, 266, 273 и др.

⁴ Kraemer H. Op. cit. P. 19.

⁵ Claessen H. Op. cit. S. 57. Автор цитирует здесь работу Штаммлера "Theorie der Rechtswissenschaft", в которой последний, как нам кажется, ошибается, считая, что дихотомия понятия и идеи обуславливает недостижимость идеала, а не наоборот.

⁶ Бердяев Н.А. Указ.соч. С. 70, 81, 136.

конкретных обстоятельств места и времени. Нам представляется продуктивным оставить вопрос об *эмпирической* достижимости социальных идеалов (в том числе и штаммлеровского "общества свободно желающих людей") в стороне: учету должна подлежать лишь *логическая* непротиворечивость идеи. Проводя критический метод Канта до конца, при формулировке социального идеала следует отстраниться от всякой эмпирии.

При этом следует отличать неокантианский правовой идеал от утопического (например, от идеала коммунизма). Неокантианство не пытается достигнуть абсолютного идеала в отдаленном будущем, жертвуя ради него настоящим, но лишь хочет оценить и улучшить настоящее на основе формулы абсолютного идеала.

Одновременно вопрос о конкретных шагах на пути к этому идеалу предполагает учет обстоятельств места и времени. Штаммлер верно отмечает, что наши цели "должны оставаться в рамках возможной действительности, если им не суждено быть пустыми мечтаниями"¹. Это положение смягчает категоричное кантовское "ты можешь, ибо ты должен". Штаммлер обращает внимание на ситуацию, когда при определенных обстоятельствах некоторое правовое регулирование с очевидностью предстает как правильное, однако в силу тех или иных причин не может быть осуществлено (он называет этот феномен "умышленно неправильным правом" – "bewusst unrichtiges Recht"). В качестве примера негативных социальных явлений, очевидно подлежащих искоренению, он приводит рабство в некоторых регионах планеты, проституцию, азартные игры (развитию которых государство само иногда способствует ради пополнения бюджета). Штаммлер отмечает, что данные социальные явления подлежат оценке с помощью того же критического метода, который не должен подменяться принципом осуществимости. Однако конкретная реализация социального идеала может наталкиваться на объективные трудности, и потому быть необоснованной. В любом случае, ученый считает лучшим пожертвовать чем-то на практике, чем очернить сам источник правильного права, поставив его в зависимость от

¹ Kraher H. Op. cit. С. 21.

возможностей реализации¹. Комментируя Штаммлера, И. Давыдов заявлял, что "стремиться только к "малому"... - это значит наперед ограничить свой кругозор, это значит наперед осудить на бесплодие свою мысль и волю, это значит посягать на истинную природу и назначение человека, который лишь в идее бесконечного, в идее абсолютного может найти себе "предел"².

В соответствии с вышеизложенной идеей формального принципа справедливости особое внимание уделяет Штаммлер анализу соотношения справедливого (правильного) права (то есть права, соответствующего формальному критерию – правовому идеалу) и действующего законодательства (позитивного права). Он утверждает, что "правильное право – это некоторым образом построенное позитивное право", то есть всего лишь характеристика позитивного права, достигаемая определенным способом суждения, но никак не отдельно стоящее "идеальное право" (мыслимые в идеале правовые нормы). И поскольку правильное право не существует в отрыве от позитивного, оно обладает таким же эмпирическим существованием в прошлом, настоящем и будущем, причем оно не просто желательно, но и принудительно, и не отличается от позитивного права по способу возникновения³. То право, которое при данных условиях соответствует *абсолютной формальной идее правильности*, является *объективно правильным содержанием*. Иными словами, не следует думать, что параллельно с системой действующего права существует система неизменного и вечного идеального права. Конечно, мы можем мыслить правовое регулирование, отличное от существующего, и считать его более правильным, но эта правильность всегда зависит от конкретных условий места и времени, поэтому построить систему идеального права невозможно (впрочем, Штаммлер замечает, что о некоторых негативных правоустановлениях мы можем сказать, что они априори несправедливы⁴).

¹ См. об этом: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 268-271.

² Давыдов И. Указ. соч. С. LXIV.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 22-24, 26.

⁴ Claessen H. Op. cit. S. 41.

Но если "правильное право" есть лишь характеристика позитивного, а не какое-то особое "идеальное право", то сам формальный критерий, на основе которого мы оцениваем право как правильное, Штаммлер, повторяя ошибки классического юснатурализма, называет правом в собственном смысле слова, утверждая следующее: "не может возникать сомнений в том, что как учение, так и повеление могут одновременно называться правом. Ибо естественное право всегда стремится стать позитивным, а позитивное в своем содержании должно равняться на естественное"¹. Некритично восприняв учение Р. Штаммлера, с указанной точкой зрения соглашался Ю.С. Гамбаров, вступая в противоречие с собственным же тезисом о том, что право относится лишь к практическому, а не теоретическому аспекту. В отличие от названных мыслителей П.И. Новгородцев обоснованно не считал возрождаемое его усилиями естественное право правом в собственном смысле слова, видя в придании идеалам юридического значения коренную ошибку мыслителей предшествующих эпох. Аналогичного мнения придерживался В.М. Гессен, предлагавший заменить термин "естественное право" на "политику права"². Наконец, Г.Ф. Шершеневич указывал, что, предлагая различать вопросы о понятии права и о правовом идеале, Штаммлер сам не всегда придерживался этого различия, необоснованно называя мыслительные конструкции о справедливости правом³. С указанными замечаниями следует согласиться: так, необходимость нравственной оценки права также еще не дает нам повода приравнять нравственность к праву. В последующем у многих мыслителей (О. Хёффе, Дж. Ролз и др.) проблема "естественного права" была терминологически заменена проблемой "справедливости".

Формальный критерий правового идеала, по мысли Штаммлера, должен быть приложим ни к чему иному, как к внешним правилам поведения (прежде всего, к закону). Этим, как представляется, правовое учение Штаммлера выгодно отличается от идей многих других представителей "возрожденного естественного

¹ Stammer R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 103.

² См. об этом: Поляков А.В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания. / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 209-211, 213.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. С. 348.

права" (А. Кауфман, А. Ауэр, Э. Фехнер, В. Майхофер и др.), которые вырабатывали критерии оценки, применимые не столько к системе действующего законодательства, сколько к индивидуальным ситуациям при вынесении судебно-административных решений (правоприменительных актов), либо вообще – к любым ситуациям принятия решения о внешнем поведении¹. Такая позиция вызывала трудности объективного разграничения справедливости и произвола; Штаммлер же ясно высказывает мысль о том, что идею правомерности права должен преследовать "тот, кто создает право"²; согласное с природой право должно служить *целью* для законодателя; само же по себе оно не может служить нормой для судьи и для административных властей³, иными словами, естественное право "имеет в виду исключительно законодателя, к которому и обращается"⁴.

В последующих трудах Штаммлер признает, что в попытке предвидеть то, какие нормы будут правильными для будущих отношений, "законодатель не может учесть всех возможностей. Жизнь слишком сложна для этого". Поэтому законодатель "дает указание сторонам, судебным представителям и судьям, что в будущих спорах они вправе самостоятельно искать то, что при данных обстоятельствах будет принципиально правильным"⁵. По мнению Штаммлера, формальная определенность (буква) закона является его неотъемлемым и неизбежным признаком, однако зачастую лишь мешает его действительной правильности (духу). Не случайно римские юристы говорили: *plurimae leges*,

¹ О взглядах названных мыслителей см., напр.: Четвернин В.А. Указ. соч. С. 42, 44, 71-85; История политических и правовых учений: учебник для вузов. / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М, 2001. С. 701-702.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2 СПб., 1907. С. 49. Также см. стр. 52.

³ См. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1 СПб., 1907. С. 181.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No. 4. P. 306. См. также: Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1905. С. 18. Здесь Штаммлер выделяет два средства установления справедливости: 1) точно сформулированные нормы правильного права и 2) предоставление возможности "служителям права" и судье самостоятельно искать справедливость конкретном деле.

peccata civitas (в худшем из государств больше всего законов)¹. Таким образом, требование справедливости обращено в первую очередь к законодателю, однако поиск "правильного" в конкретной ситуации поведения осуществляют также судьи при отправлении правосудия и другие субъекты права, если законодатель предусмотрел для них такую возможность².

Штаммлер подчеркивает, что в задачи судьи при разрешении конкретного дела входит правильное применение закона, но если сам закон не отвечает критериям правильности, судья не имеет права перешагнуть чрез него; он должен проявлять усмотрение только в тех рамках, которые отведены ему законом³, в противном случае право вырождается в произвол⁴. Поэтому судья должен уметь "провозгласить действующее *несправедливое* право и привести его в исполнение, в полном повиновении и с особой осторожностью"⁵.

Под возможностью усмотрения с целью поиска правильного права Штаммлер понимает, в первую очередь, наличие в действующем законодательстве так называемых "*каучуковых норм*", формулирующих правила поведения посредством использования таких выражений, как добросовестность, уважительная причина, разумность, справедливость, целесообразность, общественная нравственность, злоупотребление правом и т.п.⁶ Все эти выражения, по мнению Штаммлера, апеллируют ни к чему иному, как к понятию правильного права, позволяя находить последнее с помощью единого формального метода не законодателю, а правоприменителю, более

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 261 и ранее.

² Аналогичная идея относительно судей присутствует и в "Метафизике нравов" Канта. См.: Кант И. Метафизика нравов. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 289. Возможность процедуры медиации и заключения мирового соглашения, предусмотренные действующим российским законодательством, представляют собой примеры, когда поиск правильного права возлагается на сами стороны конфликта, а не на судей.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 313.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 116.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Штаммлер отмечает, что аналогичные выражения были известны еще римскому праву, однако теперь они используются не хаотично, а систематизировано. См. примеры в: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 40. В этом подходе, по мнению ученого, заключается непреходящее значение классических римских юристов, которые всегда знали, что строгое следование закону может вступить в противоречие с основной идеей права. Ibid. S. 165.

приближенному к конкретным жизненным ситуациям, и имеющему, поэтому, потенциально лучшие условия для этого. Соответствующие нормы права образуют *действующее, но технически не выраженное*, своего рода *кроткое (gelindes) право*¹. В различных отраслях эти нормы права имеют различное значение, но в любом случае именно законодатель определяет сферу их применения.

Одним из способов выражения кроткого права Штаммлер называет также *молчание*, подразумевая под ним умышленно допущенные законодателем пробелы в праве. Указанные пробелы должны восполняться в соответствии с принципами правильного права².

На основе этого положения, с учетом штаммлеровского постулата о праве как "принудительном стремлении к правильному" (*Zwangsversuch zum Richtigen*), в литературе был сделан вывод о том, что Штаммлер придерживается концепции "беспробельности" права, так как даже при отсутствии нормы права существует возможность правового разрешения спора³. И действительно, хотя Штаммлер и не разъяснил свою точку зрения относительно специфического вопроса "неумышленно" допущенных пробелов в праве, он в целом высказывался в русле той мысли, что отсутствие точной регламентации должно в любом случае компенсироваться идеей правильного права⁴. Последняя стоит выше писанного права и является "путеводной звездой" не только законодателя, создающего правовые нормы, но и правоприменителя, интерпретирующего эти нормы или их отсутствие. С другой стороны, сама эта идея относится не к понятию права, а к сфере должного, поэтому мнение о том, что Штаммлер придерживался идеи "беспробельности" права, выглядит дискуссионной. Так или иначе, Штаммлер показал неизбежность оценки права в процессе правоприменения, обосновал

¹ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 103-104.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 271-275.

³ См. Kraemer H. Op. cit. P. 24, 36.

⁴ Claessen H. Op. cit. S. 52-53.

творческую роль судьи, и именно с этим связан тот взгляд, что ученый оказал неоспоримое влияние на социологическую юриспруденцию¹.

При реализации "кроткого права" следует учитывать способность и навык субъектов права производить правильный выбор между взаимно спорящими стремлениями, наличие доброй воли к справедливому решению "и ту помощь, которую следует ожидать в этом отношении со стороны нравственного учения"². Однако сами по себе выражения наподобие "добрых нравов" не способны дать нам критерий справедливости (правильного права), они лишь указывают на его необходимость. Таким образом, феномен "кроткого права" подразумевает наличие абсолютной меры, на основании которой судья либо иной правоприменитель должен принять правильное решение. Поэтому Штаммлер ставит вопрос: к какой инстанции следует обращаться для решения данного вопроса?

Говорят, - рассуждает мыслитель, - что правильным является тот поступок, который совершил бы добрый, честный и порядочный человек, но в этом случае сразу же возникает вопрос о критериях названных нравственных качеств. Между тем, вопрос "что сделал бы человек, думающий правильно?" равнозначен вопросу "что есть правильное деяние?": проблема, таким образом, остается нерешенной³.

Помимо этого Штаммлер полагает неправильным искать абсолютный критерий справедливости в сложившихся моральных устоях, так как в противном случае справедливым могло бы быть признано любое беззаконие, устоявшееся во времени. Поскольку, как отмечал еще Сократ, именно популярность должна основываться на правильности, но не наоборот, неверным было бы, согласно Штаммлеру, решать вопрос о социальном идеале путем выяснения общественного мнения⁴. По мнению ученого, ориентация на мнение большинства при оценке

¹ Ibid. S. 126.

² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 111-112.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 45.

⁴ Ibid. S. 46, 155. Штаммлер также критикует также концепцию Руссо об общей воле, отличной от воли большинства: если правильным является то решение, которое принимается по общей воле, а общая воля формируется только взрослыми гражданами мужского пола, то как обосновать само решение об ограничении числа лиц, формирующих общую волю? См.:

законов равнозначна такой же ориентации при определении причин болезней, природы комет и т.п., что явно абсурдно¹. Сказанное наглядно демонстрирует отношение Штаммлера к демократическому принципу: он может быть в лучшем случае надлежащим средством, но никогда – формулой социального идеала².

В качестве критерия справедливости Р. Штаммлер обоснованно отвергает также любое субъективное нравственное ("естественно-правовое" и т.п.) чувство судьи или иного правоприменительного органа. По мнению ученого, тот, кто желает вывести это чувство из свойственных человеческому духу основ, должен признать, что и судебские ошибки происходят оттуда же. Ребенок не обладает никаким чувством права; постепенное же становление этого чувства может идти правильным или неправильным путем, то есть оно исторически случайно. Таким образом, идея справедливости не может быть обусловлена психологически, в противном случае она окажется неясной, бездоказательной, мистифицированной³. Штаммлер не без оснований называет такое обоснование справедливости "беззащитным по отношению к любому сомнению противников"⁴. Представляется, что данный тезис можно рассматривать как критику теорий права, отводящих чрезмерно большую роль судебскому усмотрению. Говоря о движении "свободного права", Штаммлер утверждает, что свобода должна пониматься исключительно как руководство идеей правильного права, общезначимыми методами толкования и применения права, но не как произвольный ход мысли судьи; предоставление правоприменителю некоторого простора в поиске правильного решения может быть пригодным средством для достижения справедливости, но предоставление ему полной свободы от закона –

Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 286.

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 154. См. также. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 121. Здесь ученый называет мнение большинства членов общества "народным правом" и вовсе не считает задачами науки права следовать во всем этому мнению.

² Аналогичную позицию отстаивал позднее русский ученый неокантианского толка П.И. Новгородцев в книге "Кризис современного правосознания" (глава первая).

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 146-149; Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No.4. P. 307.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 6.

это безусловно негодное средство¹. По оценке многих исследователей влияние Штаммлера на школу "свободного права" неоспоримо². Г. Радбрух подчеркивал, что представители данной школы не пытались, подменить закон судебским усмотрением, а творческую роль судей видели в восполнении пробелов закона³. В свою очередь, в российской дореволюционной науке эти идеи отразились на дискуссиях сторонников позитивистской и социологической юриспруденции относительно судебного усмотрения и восполнения пробелов в праве⁴.

Отвергает Штаммлер и попытку выведения идеи справедливости из "народного духа", как это пытались сделать представители исторической школы правопонимания, из всеобщего убеждения, складывающегося на основе всеобщих психических феноменов. Подобные критерии, говорит Штаммлер, зачастую метафизичны ("народный дух" с одной стороны внеопытен, с другой – проявляется в ограниченном пространстве, с одной стороны называется причиной правовых явлений, с другой – сам не зависит от изменчивого мира явлений; недоказуема одушевленность "народного духа"), в любом случае не обоснованы как объективные, более того, делают проблематичной какую-либо критику действующего права⁵.

Таким образом, рассуждая о критериях правильного права, Штаммлер подверг суровой критике историческую школу права, которая в свое время

¹ Stammler R. *Theorie der Rechtswissenschaft*. Halle, 1911. S. 723-731.

² Claessen H. *Op. cit.* S. 126. Автор высказывает данный тезис, цитируя в свою поддержку Р. Паунда и М. Козна (M. Cohen).

³ Radbruch G. *Vorschule der Rechtsphilosophie*. Göttingen, 1947. S. 80-81.

⁴ См. об указанных дискуссиях: Липень С.В. Доводы «За» и «Против» расширения свободы судебного усмотрения в юриспруденции дореволюционной России: две системы научной аргументации // *Юридическая техника*. - 2013. - №7-1. Он же: Идеи установления и преодоления пробелов в праве в отечественной юридической науке второй половины XIX начала XX вв // *Актуальные проблемы экономики и права*. - 2012. - №3 (23).

⁵ Stammler R. *Die Lehre von dem richtigen Rechte*. Berlin, 1902. S. 149-153. См. также: Штаммлер Р. *Сущность и задачи права и правопонимания*. М., 1908. С. 15-16. Штаммлер также особо акцентировал внимание на то, что понятие "народного духа" предполагает философский дуализм (постулирование независимых друг от друга, но взаимодействующих миров духа и материи), который ученым начисто отвергается. Помимо этого Штаммлер обращает внимание на необходимость различения "духа народа" и национальных особенностей (последние есть относительно согласованные характеристики людей определенного круга). Национальные особенности – это заслуживающий внимания материал, который должен учитываться законодателем. Однако они меняются с течением времени, особенно ввиду межнациональных связей, и поэтому не могут служить объективным критерием справедливости.

выступила главным антиподом школы естественного права. Иными словами, "возрожденное" Штаммлером естественное право преодолело недостатки не только классической естественно-правовой концепции, но и взглядов ее главных оппонентов, которые допускали смешение должного и сущего, вырабатывали критерий оценки исторических явлений на основе самих же исторических явлений¹. Историческую школу права Штаммлер считал одним из необходимых, но пройденных этапов развития правовой мысли².

Не могут быть, по мнению Штаммлера, критериями справедливости также мнение "правового сообщества" (так ученый обозначает лиц, правомочных принимать властные решения) и правоприменительная практика, поскольку они сами нуждаются в таковом, и ссылка на "добрые намерения" здесь, как было показано выше, недостаточна³. Если мы ссылаемся в обоснование справедливости на суждения авторитетных людей, то мы всё же подразумеваем общезначимый метод оценки авторитетности, в противном случае наши высказывания тавтологичны и необоснованы⁴.

Наконец, в качестве критерия правильного Штаммлером отвергается классовая мораль⁵. Общая позиция Штаммлера такова, что в вопросе социального идеала мы должны различать существующую изменчивую материю волений и идеальную неизменную упорядочивающую их форму: вторая не должна зависеть от первой. Иными словами, вопрос о правильном праве не должен ставиться в зависимость от какой-либо эмпирии. Обобщение исторических фактов не дает закономерности, а напротив, уже предполагает ее⁶. Классовая мораль как критерий справедливости отвергается на этом же основании. Она порождена конкретными целями и желаниями господствующего класса, следовательно, априори субъективна, в отличие от искомого всеобщего метода.

¹ Критику методологии историзма с неокантианских позиций см. в: Фролова Е.А. Методология науки о праве в отечественных неокантианских учениях. // Право и государство: теория и практика. №9. 2013. С. 21-22.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 152-153.

³ Ibid. 153-156.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 80.

⁵ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. 156-160.

⁶ См., в частности: ibid. 176-177.

Таким образом, "каучуковые нормы" предполагают не произвольное усмотрение судей, а вполне определенный и абсолютный (внеопытный, неиндуктивный) критерий справедливости при их применении. В противном случае правильным получается субъективное мнение, что представляет собой явный абсурд ("мне так кажется, потому что мне так кажется"), необоснованную нивелировку роли законодателя¹.

Судья, иной правоприменитель, стороны конфликта должны руководствоваться в своих решениях формулой и принципами правильного права. Вопрос о предоставлении им такой возможности Штаммлер называет вопросом о *средствах, или методах правильного права*, под которыми он понимает "известные меры законоустановленного права"². Средства правильного права подлежат установлению наряду с самим понятием правильного права. Здесь имеется две возможности: либо предусмотреть в законе четкие предписания надлежащего поведения (или предоставить лицам свободу действий), либо предусмотреть в нем возможность сторонам конфликта самим осуществлять поиск наиболее правильного для конкретных правоотношений регулирования.

Первая альтернатива подразумевает решение вопроса о границах государственного вмешательства в свободу личности. Само по себе указание на то, что неограниченная свобода торговли и неограниченное право собственности могут привести к негативным последствиям, которое встречается, например, у Иеригна, Штаммлер считает малопродуктивным. Общество вообще предполагает ограничение естественной свободы людей, поэтому социальные науки не рассматривают проявления этой свободы в чистом виде. Вопрос же о конкретной

¹ Ibid. S. 162. Штаммлер иронизирует, говоря, что судья, следующий субъективному усмотрению, прав настолько же, насколько человек, рассчитывающий расстояние до Луны невооруженным глазом. Ibid. S. 168. Поскольку Штаммлер говорит о том, что феномен "кроткого" права был известен еще римскому праву, он считает нужным подчеркнуть, что римские преторы не выносили решения по своему субъективному усмотрению, они могли заменить устаревшее правило на новое лишь по объективным причинам. S. 163. Критику всех вышеизложенных (наиболее распространенных, по мнению Штаммлера) точек зрения на критерий справедливости см. также в: Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No.4. P. 305-308; Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоповедения. М., 1908. С. 79-85; Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1904. С. 19-21.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 245.

мере ограничений должен решаться на основе формальной идеи правильности, то есть не может быть разрешен раз и навсегда сразу для всех ситуаций. Здесь Штаммлер вновь видит у Иеринга, отрицавшего концепцию регулятивной идеи права, методологическую ошибку¹.

Вторая предложенная альтернатива есть вопрос о допустимости кроткого права. По мнению Штаммлера, это вопрос доверия, которое имеется в небольших сообществах, и проблематично в больших государствах. Но если у граждан имеется представление о том, что их уверенность в завтрашнем благополучии (отсутствие борьбы за существование) связана именно с правом, законодатель может предоставить им некоторую свободу².

Штаммлеровская концепция "кроткого права" получила неоднозначную оценку в научной литературе. Так, И.А. Покровский критиковал панегирическое, по его словам, отношение Р. Штаммлера к некоторым "бланкетным" статьям Германского гражданского уложения. По мнению отечественного мыслителя, такая позиция противоречит одному из сформулированных самим же Штаммлером принципов справедливости: "воля одного лица не может быть предоставлена произволу другого"³. Следует разделить опасения русского ученого насчет возможного полного извращения смысла законов судебским толкованием. Однако мнение Покровского, как представляется, верно лишь в том смысле, что законодатель должен быть умеренным в установлении бланкетных статей. Само же по себе такое установление не противоречит вышеназванному принципу справедливости по Штаммлеру, так как необходимо именно для лучшего соблюдения последнего.

В любом случае, как нам представляется, учение Штаммлера о средствах правильного права выходит за рамки неокантианской методологии, согласно которой общезначимые выводы касаются только внеопытных целей, а не наличных изменчивых средств. Именно поэтому выделение, с одной стороны, роли законодателя, а с другой – правоприменителя, должно быть расценено лишь

¹ Ibid. S. 247-248.

² Ibid. S. 250-251.

³ Покровский И.А. Указ.соч. С. 164.

как абстрактный прием классификации, и совершенно верно, что Штаммлер старается не давать строгих универсальных советов относительно методов правильного права.

Значительное место Штаммлер уделяет *институту прощения, или помилования* (Begnadigung), также усматривая в нем средство правильного права. По мнению ученого, данный институт свойственен не только уголовному праву (в виде амнистии и собственно помилования), но и гражданскому, где управомоченная сторона отношений может простить долг или возместить убытки, не будучи обязанной к этому в силу закона.

Главная характеристика помилования: наличие у некоторого субъекта предусмотренного законом права в установленных случаях принять решение о принудительном претворении какого-либо решения, которого закон сам по себе не требует (отсутствуют в том числе "каучуковые нормы").

Смысл помилования состоит в том, чтобы сгладить жесткие последствия применения действующего законодательства. При этом данный акт не должен быть личным произволом, он должен ориентироваться на идею правильного права. В этой связи некоторые акты помилования могут быть подвергнуты объективной критике (например, помилование гладиаторов в Древнем Риме).

Соглашаясь со Р. Штаммлером в том, что помилование есть средство "правильного права", Г. Радбрух в то же время обращал внимание на то, что помилование никогда не ограничивалось только "сглаживанием острых углов права", напоминая также о внеправовых ценностях (религиозное милосердие, этическая терпимость и пр.): "помилование не знает принуждения, даже принуждения справедливости. Оно означает не просто упрощенную форму права, а светящийся луч, который попадает в сферу права из совершенно чуждого ему мира и освещает ее темные закоулки"¹. Приведенное уточнение взглядов Штаммлера, по нашему мнению, не отрицает необходимости уполномоченных законом лиц при осуществлении помилования руководствоваться именно идеей "правильного права", а не какой-либо другой.

¹ Радбрух Г. Указ. соч. С. 192.

Штаммлер выделяет две ситуации, при которых допустимо помилование (прощение). Первая: когда фактические обстоятельства дела не установлены с достаточной точностью, вследствие чего имеется риск несправедливого решения, которое впоследствии затруднительно будет отменить (речь идет о презумпции невиновности). Вторая: когда законоустановленное право не обладает признаком правильности, и исправить последствия его применения можно только через помилование (прощение).

Во втором случае подразумевается, что правильное право с учетом меняющихся условий со временем может стать неправильным. Таким образом, отмечает Штаммлер, преодолевается классическая ошибка естественно-правовой доктрины, согласно которой естественное право не зависит от конкретных обстоятельств. Так, амнистия применяется, когда ранее вынесенный в соответствии с правильным правом приговор при новых условиях не содействует восстановлению социального порядка, новому правильному праву. По мнению Штаммлера, помилование (прощение) может осуществляться также заранее, когда неблагоприятные последствия еще не наступили, но могут наступить в будущем (речь, по всей видимости, идет о предоставлении возможности обжаловать судебные постановления в будущем при изменении фактических обстоятельств).

Штаммлер замечает, что совесть и мотивы лица, наделенного правом помилования, безразличны для законодателя. Кроме того, он не исключает, что иногда прощение происходит без достаточных доказательств ранее допущенной несправедливости (например, если амнистия объявляется в честь какого-либо праздника: здесь имеется в виду сама абстрактная возможность принятого ранее несправедливого решения). Тем не менее, ученый и в этом случае положительно оценивает рассматриваемый институт. Представляется, в данном отношении позицию Штаммлера действительно следует считать необоснованно панегирической.

Положительно, однако, следует оценить следующую мысль философа права. Существует два условия (или две характеристики лица, наделенного властью), при которых помилование (прощение) будет способствовать реализации

правового идеала: 1) знание правового идеала; 2) сила нравственного воления. Правильное применение формулы правового идеала к конкретному случаю посредством помилования зависит от наличных обстоятельств. Если же мы говорим об установлении самого института помилования, то здесь имеет значение то, уверены ли мы в наличии второго из названных условий. Насколько действенна в обществе нравственность, настолько эффективным будет и институт помилования¹.

Таким образом, правильное право есть особая характеристика действующего права. Законодатель может установить правильную норму в законе или, посредством "кроткого права" или помилования, предоставить участникам правоотношений самим искать наиболее правильное решение.

Рассматривая Р. Штамллера как представителя естественно-правового направления в философии права и основоположника идеи "возрожденного" естественного права, необходимо проанализировать влияние ученого на дальнейшее развитие естественно-правовой мысли.

В юридической литературе единодушно отмечается, что идея Р. Штамллера о "естественном праве с меняющимся содержанием" была активно воспринята последующей правовой мыслью².

В то же время, необходимо особо подчеркнуть значительную разнородность взглядов на естественное право, как предшествующих Р. Штамллеру, так и развитых после него.

Ранее было сказано, что классическими юснатуралистами естественное право непосредственно связывалось с данным человеку от природы разумом. Между тем, как отмечается в юридической литературе, в истории естественно-правовых идей наряду с рационалистическим (распространившимся в Новое Время) достаточно сильно заявлял о себе также импульсивно-традиционный подход (во многом свойственный, например, Античности), согласно которому

¹ Вышеизложенные взгляды о помиловании и его отношении к правильному праву см. в: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 122-145.

² См.: История политических и правовых учений: учебник. / Под ред. Лейста О.Э. М., 1997. С. 505; Четвернин В.А. Указ. соч. С. 62; Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997. С. 615.

объективный порядок выражается то в многовековой традиции, то в инстинктивных силах природы, и познается не рационально, а интуитивно, представляя собой скорее иррациональное начало¹.

Р. Штаммлер, будучи последователем идей И. Канта, как представляется, целиком принадлежит к рационалистической традиции естественно-правовой школы. Однако, говоря о Штаммлере как об основоположнике течения "возрожденного" естественного права, следует отметить, что в "возрожденном" естественном праве на рубеже XIX и XX столетий и в послевоенный период (50-60-е гг. XX в.) "имели широкое распространение как "рационалистические" (неотомистские, неокантианские, неогегельянские), так и "интуитивно-иррациональные" (социологические, натуралистические) трактовки естественного права"². Таким образом, Р. Штаммлер пробудил к жизни целую плеяду чрезвычайно разнообразных подходов к вопросу о должном праве, хотя его учение и не подразумевало такую возможность.

При анализе идей "возрожденного" естественного права в России в научной литературе встречается множество их различных классификаций. Однако во всех этих классификациях авторы отмечают особое место неокантианских концепций, сравниться с которыми по распространенности могли только религиозные трактовки естественного права³. По мнению некоторых ученых, большинство

¹ Михайлов А.М. Указ. соч. С.379-380, 382. Элементы указанного подхода автор находит у Софокла, софистов Фрасимаха и Калликла, древнеримских юристов Гая и Ульпиана, а также у У. Блэкстона, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо.

² Там же. С. 382.

³ См.: Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1997. С. 15-16. Автор приводит здесь также мнение С.А. Пяткиной, которая сводит все теории "возрожденного естественного права" в России к неокантианскому варианту. Данная точка зрения представляется преувеличением, однако наглядно демонстрирует, насколько влиятельным было неокантианство в России в конце 19 – начале 20 вв. Также в научной литературе верно отмечают, что русская философия права того времени характеризовалась эклектичностью, так что у одних и тех же мыслителей имели место как неокантианские, так и христианские компоненты (Бердяев, Новгородцев, Струве, Франк, Булгаков и др.). См. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 6-12.

русских идеалистов конца XIX века были неокантианцами¹, а естественное право того времени возрождалось под эгидой философии Канта неокантианства². Неокантианство называют также лидером антипозитивистского движения в России конца XIX – начала XX вв.³ Неокантианской методологии в разной мере придерживалось множество известных философов и ученых-юристов, живших и работавших на рубеже 19-20 веков (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.Н. Трубецкой, С.И. Гессен, И.А. Ильин, Б. Яковенко, Ф.А. Степун, Н.Н. Алексеев, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие). Многие из них напрямую обращались в своих работах к идеям Штаммлера, подвергая их критическому анализу. Как пишет Н.Н. Алексеев, "так называемое "идеалистическое" течение русской мысли прямо или косвенно находилось под влиянием штаммлеровских идей"⁴.

Русский юрист Ю.С. Гамбаров полностью разделял позицию Штаммлера относительно классической доктрины естественного права (из человеческой природы невозможно вывести никаких абсолютных правил), соглашаясь также с изменчивостью объективно правильного права: "содержание права, - вторит он Штаммлеру, - не может никогда претендовать на общеобязательное значение"⁵, идеальное право имеет меняющееся содержание⁶. В.М. Гессен, воспринявший от Штаммлера идею "возрождения" естественного права, ввел в отечественную

¹ Фролова Е.А. Методология науки о праве в отечественных неокантианских учениях. // Право и государство: теория и практика. 2013. №9. С. 18-19. Автор приводит здесь мнение Тимашева Н.С.

² Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 32, 98. Речь, правда, идет о неокантианстве Баденской, а не Марбургской школы.

³ Немирова Н.В. Особенности зарождения неокантианства в России. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №24. 2007. С. 65. Автор также отмечает, что, несмотря на ограниченность позитивизма, представители русского неокантианства не отрицали его определенную значимость. С. 67. В этом мы видим аналогию с учением Р. Штаммлера.

⁴ Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера. // Вопросы философии и психологии. - Январь-февраль 1909. - № 1 (96). С. 1.

⁵ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 118.

⁶ Там же. С. 125.

науку термин "эволюционное естественное право"¹. На защиту правового учения немецкого мыслителя встал также правовед И.А. Давыдов, подготовивший вступление ко второму тому русского издания основополагающего труда Штаммлера "Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории".

Последователь Л.И. Петражицкого А.А. Кролик писал: "С практическим учением Штаммлера, с его требование изучать право не только с точки зрения того, каково оно *есть*, но и с точки зрения того, каким оно *должно* быть, с его тщательной философской разработкой идеи высшей цели, которой должно служить право и с точки зрения которой оно должно оцениваться, нельзя всецело не согласиться и нельзя не признать за этим учением безусловной ценности и огромного значения"².

Значительное влияние, как представляется, Р. Штаммлер оказал на С.Н. Булгакова, который в одном из своих основных трудов "От марксизма к идеализму" неоднократно обращается к идеям Штаммлера, философски осмысляя их. Анализ помещенных в указанный сборник статей показывает, что с течением времени Булгаков существенно корректировал свои взгляды под влиянием штаммлеровской философии, многие положения которой в части критики марксизма признал неопровержимыми³.

В целом, в российской юриспруденции конца XIX – начала XX веков более популярными были идеи Баденской, а не Маргбургской (к которой относился Штаммлер) школы неокантианства⁴. Однако разработки идеи естественного права с меняющимся содержанием были свойственны и российским представителям

¹ См. Фролова Е.А. Методология науки о праве в отечественных неокантианских учениях. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №9. С. 20. См. также работу: Гессен В.М. Указ.соч. СПб., 1902.

² Кролик А.А. Указ. соч. С. 60.

³ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. XI вступления.

⁴ Фролова Е.А. Философия права неокантианства в России (конец XIX – начало XX вв.). // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №1. С. 133.

баденского неокантианства¹. Так, значительное влияние оказал Р. Штаммлер на известного русского мыслителя П.И. Новгородцева, развившего и дополнившего указанную идею. "По сути, новое понимание естественного права, данное Штаммлером, полностью усваивается Новгородцевым"². Русский ученый отстаивал позицию, согласно которой юриспруденция должна занимать не только тем, что есть, но и тем, что должно быть³. Как отмечается в юридической литературе, в учении П.И. Новгородцева идея Р. Штаммлера об изменчивом содержании естественного права "получила обширное обоснование в связи с учением об абсолютном и относительном идеалах. Наиболее важным практическим выводом из этой идеи стало новое не только для отечественной, но и для зарубежной политико-правовой идеологии того времени обоснование "права на достойное человеческое существование"⁴.

В целом следует констатировать, что философско-правовые идеи Р. Штаммлера подверглись в России начала XX века суровой критике (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий, В.А. Савальский др.). В то же время, указанные идеи дали для российской правовой мысли богатый материал и существенный толчок для развития. В дальнейшем, однако, в связи с известными историческими событиями, естественно-правовая традиция в России прервалась, и на протяжении многих десятилетий интерес к неокантианству не проявлялся.

¹ Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева. // Государство и право. - 2012. - №5. С. 68.

² Жуков В.Н. Философия права П.И. Новгородцева. М., 2004. С. 78. Автором также справедливо оспаривается мнение, согласно которому Новгородцев впоследствии перешел от формулы "естественное право с изменяющимся содержанием" к формуле "естественное право с неизменным идеалом". Там же. С. 115.

³ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 232.

⁴ Фролова Е. А. Политическое и правовое учение П. И. Новгородцева: автореф. дис. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 1996. С. 5. Однако, как отмечается некоторыми авторами, после 1913 года во взглядах Новгородцева наступает заметный поворот, знаменующийся отходом от концепции "естественного права с меняющимся содержанием". См. Савельев В.А. Теория "возрожденного естественного права" в учении П.И. Новгородцева. // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI-XIX вв. М., 1979. С. 123.

Что касается западной науки, то "возрождение" естественного права в ней происходило достаточно активно уже в конце XIX века¹. Однако, как и в России, труды Штаммлера подвергались жесткой критике. Особо следует отметить бескомпромиссную статью М. Вебера, в которой последний обвинял главную работу Штаммлера "Хозяйство и право" в преисполненности неточными формулировками, схоластическими заблуждениями и софизмами, утверждая, что указанный труд вообще не может считаться научным, и не имел права на второе издание, хотя и оказал чрезвычайно стимулирующее влияние на дискуссии о фундаментальных проблемах социальных наук². Многие исследователи находили философию права Штаммлера верной в своей задумке, но скудной в своих результатах. Так, Г. Радбрух, придерживаясь неокантианской философии права, полностью разделял идею Р. Штаммлера о "естественном праве с меняющимся содержанием"³, но находил, что тот "скорее поставил проблему философии права, чем решил ее"⁴. Аналогичные мнения встречаются и в современной научной литературе⁵.

"В межвоенный период "возрождение" естественного права и философии права, - пишет В.А. Туманов, - получило значительно меньшее развитие, чем в начале века. Одной из причин этого было воцарение в Германии с приходом фашизма тоталитарно-расистской доктрины, включавшей в себя реакционное неогегельянство и подавившей неокантианскую философию права в той мере, в какой она имела буржуазно-либеральную ориентацию"⁶.

"Возродившись" благодаря Штаммлеру, в послевоенные годы естественное право на Западе испытывало мощный подъем, но развивалось далеко не только в

¹ П.И. Новгородцев к 1902 г. отмечал в этом отношении труды таких французских юристов, как Жени, Танон, Деландр, Салейль, а среди немецких юристов, помимо Штаммлера, выделял Бюлова и Л. Савиньи. Анализируя статью Салейля, автор показывает, что предложенная Штаммлером формула "естественного права с меняющимся содержанием" начинает усваиваться французской наукой. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 226, 231.

² Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 185.

³ Радбрух Г. Указ. соч. С. 27.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Dirsch F. Op. cit. P. 47. Автор приводит также точку зрения Pesch'a. P. 51-52.

⁶ Туманов В.А. Указ. соч. С. 320.

неокантианском направлении. В.А. Четвернин, например, полагает, что современные концепции естественного права можно разделить на пять направлений: 1) теологическое; 2) объективистское; 3) неокантианское; 4) экзистенциальное; 5) иррационалистическое¹. Представляется уместным проанализировать учение Р. Штамллера в контексте указанных течений и проследить влияние на них штамллеровских идей.

Как и в России, значительное влияние имело религиозное направление. В частности, неотомисты Ж. Маритен и Й. Месснер вообще отрицали штамллеровскую идею формального характера естественно-правовых принципов, пытаясь вывести несколько содержательных, зависящих от тех или иных факторов, общих принципов права². Аналогично и "экзистенциалисты объявляют все общие принципы фикцией"³. Как реакция на неокантианский ценностный формализм в XX веке сложилось также одно из феноменологических направлений объективистских правовых учений, в котором утверждается существование объективных и неизменных правовых ценностей (Х. Коинг, Х. Хубман)⁴. В рамках психоиррационалистического направления естественного права вообще встречались анахроничные, на наш взгляд, попытки вывести конкретные правовые принципы из биологических потребностей человека, смешивающие должное и сущее (серди прочих, здесь отмечают Э.-Й. Лампе, Э. Боденхаймера и др.)⁵.

С другой стороны, Четвернин В.А. подчеркивает влияние неокантианских принципов свободы и достоинства человека на идеи юриста экзистенциального толка В. Майхофера⁶, попытку экзистенциалистов (пусть и с уклоном в иррационализм) обосновать изменчивость содержания справедливого права⁷, теорию исторической изменчивости права на основе объективных внепозитивных

¹ Четвернин В.А. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 39-40.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 95-96.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Там же. С. 123.

правовых принципов А. Кауфмана¹, близость неокантианству некоторых трактовок учения Х. Вельцеля о естественном праве как о "вещно-логических структурах" (логике вещей - институтов, правоотношений - вытекающей из порядка бытия)². Идея "культурного права" (Х. Коинг, Х. Хубман), основывающегося на объективных ценностях, но по-разному преломляющегося в различных культурах, по нашему мнению также испытывает влияние неокантианской философии права³. Аналогично такое влияние можно проследить в концепции "внутренней моральности права" Л.Л. Фуллера, которая предъявляет закону определенные формальные, а не содержательные требования "естественного права" (хотя они и не выводятся априорно)⁴. Представляется уместным отметить и неотомиста А. Ауэра, который аналогично Р. Штаммлеру пытался вывести "абсолютный формальный критерий справедливости функционирующего в меняющихся социально-исторических условиях правопорядка"⁵. Ученый называл им принцип человеческого достоинства (человека как цели всякой социальности), раскрывающийся через свободу и разумность человека (его способность отличить зло от добра)⁶. Постулирование данного принципа – характерный признак неокантианских концепций естественного права (П. Новгородцев), и, по мнению В.А. Четвернина, остается единственным неоспоримым критерием в естественно-правовой аксиологии (указанный принцип, отмечает ученый, поддерживался также Дж. М. Финнисом и Р. Марчичем)⁷.

Нельзя, однако, не отметить, что "ренессанс" естественного права во второй половине XX века вызван интересом к творчеству скорее Г. Радбруха, чем Р. Штаммлера, хотя Штаммлер и оказал на Радбруха существенное влияние. Собственно неокантианская философия права после Второй Мировой войны не

¹ Там же.

² В.А. Четвернин упоминает в связи с этим Г. Штретенверта, отмечая при этом больший, чем у неокантианцев, субъективизм его философии. См. там же. С. 55, 68.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 118-119.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 42, 44.

⁷ Там же. С. 120.

получила заметного развития, хотя обращение к идеям Канта имеет место у современных теоретиков справедливости (О. Хёффе, Дж. Ролз и др.)

Значимость учения Штаммлера для сегодняшнего дня, на наш взгляд, зависит от двух составляющих: 1) оценка неокантианской методологии, положенной в основу штаммлеровской концепции правового идеала (идеи "естественного права с меняющимся содержанием"); 2) оценка результата применения Штаммлером данной методологии к проблеме правового идеала (его критерия: "общество свободно хотящих людей"). В отношении этих двух вопросов в литературе встречаются различные мнения, требующие обстоятельного анализа.

Так или иначе, необходимо подчеркнуть, что правовое учение Штаммлера оказало заметное влияние на естественно-правовую мысль современности. Г. Канторович (H. Kantorowicz) и Р. Паунд отмечали нахождение Штаммлером золотой середины между прежним "естественным правом" и исторической школой, положительно оценивали штаммлеровское определение справедливости "через право" а не "согласно праву"¹. Как полагал Р. Паунд, попытка Штаммлера разработать метод установления объективно справедливого представляет собой целую эпоху в истории философии права². Штаммлер, по мнению Паунда, ценен тем, что дал нам веру в эффективность усилий по достижению справедливости, перешел от индивидуализма к социальной справедливости, разработал теорию справедливого судебного решения наряду с теорией справедливого правотворчества³. Некоторые исследователи даже сравнивали роль учения Штаммлера в области философии права с ролью учения Канта в области теории познания (имеется в виду полное ниспровержение старой догматики)⁴. Другие

¹ Pound R. The scope and purpose of sociological jurisprudence. // Harvard Law Review. Vol 25. No. 2. Dec. 1911. P. 149-150. Высоко оценил труды Штаммлера также Е. М. Borchard, ссылавшийся на Р. Паунда и Г. Канторовича: Edwin M. Borchard. Jurisprudence in Germany. // Columbia Law Review. -1912 - Vol. 12, No. 4 (Apr). P. 317.

² Pound R. Op. cit. P. 151.

³ Ibid. P. 154.

⁴ Ibid. 153. Паунд цитирует здесь ученого Brütt'a.

ставили во главу угла то, что Штаммлер повлиял на становление социологической юриспруденции¹.

Как отмечается в юридической литературе, "с принятием Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и других конвенций, имеющих обязательную силу для присоединившихся к ним государств, влияние естественно-правовых учений пошло на убыль. Политики и юристы, аргументируя свои позиции по правам человека, предпочитали ссылаться на международные пакты и во многих странах утратили интерес к теории естественных прав личности. "Эта индивидуалистическая философия естественного права повсюду изжила себя и не встречает больше сочувствия у законодателей и влиятельных мыслителей", - писал в 1972 г. французский социолог Р. Арон. Примерно в это же время В. Майхофер и А. Кауфман, крупнейшие представители естественно-правовой школы в немецкой юриспруденции, выступили с заявлениями о бесперспективности дальнейших теоретических исследований естественного права"².

Принимая во внимание данную тенденцию, нельзя не отметить, что теория естественного права в широком смысле – как попытка ответить на вопрос об идеальном праве – никогда не потеряет свою актуальность. О бесперспективности дальнейших теоретических исследований естественного права следует говорить только применительно к отдельным направлениям соответствующего течения. Как представляется, юридическая и философская наука в настоящий момент не исчерпала своих резервов в попытке выработать объективный правовой идеал. Как писал И.В. Гессен, когда положительное право отвечает народному правосознанию, естественное право никого не интересуют и о нем совершенно забывают, но только положительное право начинает теснить жизнь, ему

¹ См., напр.: E. F. Albertsworth. Program of Sociological Jurisprudence. // American Bar Association Journal. – 1922. - Vol. 8, No. 7 (July). P. 395. Аналогичная точка зрения свойственна Р. Паунду, который говорит о ценности Штаммлера именно для социологической юриспруденции.

² История политических и правовых учений. М., 1997. С. 559.

противопоставляют абсолютные начала *jus naturale*¹. Таким образом (как замечает, например, О. Хёффе), растворение естественного права в позитивном является на самом деле успехом, а не поражением естественно-правовой доктрины². В этом отношении неокантианская философия права представляет особый интерес.

После Штаммлера теоретические разработки в области естественного права стали более чуткими к изменяющейся действительности, к реалиям правовой практики, усилились позиции формального, а не содержательного подхода к естественному праву, благодаря чему стал возможен новый (особо важный в контексте критики тоталитаризма) взгляд на неотчуждаемые права человека³. Заслуга Штаммлера состоит в том, что он критически осмыслил предшествующие учения о естественном праве, а также современную ему позитивистскую юриспруденцию, рассмотрел вопрос о сущности и назначении права на строго формальных научных основаниях, по-новому поставив проблему естественного права.

3. Понятие и характеристика "общества свободно желающих людей"

Правовым идеалом Штаммлер называл априорную регулятивную идею права, которой необходимо руководствоваться законодателю и правоприменителю. Таковой, согласно Штаммлеру, является идея "общества свободно желающих людей"⁴. Указанная формула, по мнению ученого, выражает

¹ Гессен И.В. Искания общественного идеала. Берлин, 1922. С. 30.

² Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 53.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997. С. 615; Четвернин В.А. Указ. соч. С. 25-26.

⁴ Л.И. Петражицкий переводил эту формулу как "общественный союз людей, имеющих свободную волю, свободно желающих", И.А. Ильин называл штаммлеровский идеал "общинной свободно желающих людей", а в переводе В.А. Краснокутского это "общение свободно желающих людей".

абсолютный, независимый от частных целей общественный идеал, конечную общезначимую цель совместной жизни людей.

Обосновывая приведенную формулировку правового идеала, Штаммлер, следуя Канту, пишет: "*Свободное* от эмпирической обусловленности проявление воли... - вот в чем заключается телеологическая закономерность, обозначаемая нами обыкновенно словом *долженствование*... *Свобода* поэтому не может означать свободу от закона причинности в сфере эмпирически данных явлений... Свобода означает только свободу от *субъективности целеполагания*"¹. Отсюда: "Абсолютной целью, идеей, к которой необходимо стремиться, как к регулятивному углу зрения, хотя она никогда не может быть полностью осуществлена в опыте, является: *быть свободным*"². Свободная воля, как и у Канта, будучи неличной и несубъективной, оказывается одновременно доброй волей. Штаммлер подчеркивает, что он имеет в виду не внешнюю (политическую), а внутреннюю (рациональную) свободу³. Такой социальный (правовой) идеал может показаться несущественной доработкой этической теории Канта, однако Штаммлер отмечает, что речь идет не простом сопоставлении и суммировании "раздельных свободных целевых содержаний" (то есть не о совокупности нескольких добрых волей), а о внешних правилах, выражающих свободное воление. Штаммлер обозначает их термином "социальное воление", то есть воление внешнее, направленное на других, "*воление для других*"⁴. Кант обращал свой "категорический императив" к индивидуальной воле. Штаммлер, в свою очередь, желает применить его к социальной воле.

Социум, по мнению Штаммлера, представляет собой внешним образом урегулированную совместную жизнь и сотрудничество. Следовательно, социальная воля есть внешние правила поведения. "Социальное воление -

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 24.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 251-252.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 76, 96, 97. (См. также: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 49).

упорядоченный строй, связующий множество людей в общем преследовании социальной цели"¹. Социум связывает между собой цели отдельных лиц общим волеием так, что цели одного становятся средствами другого и наоборот. В этом суть понятия социального, которое при этом не сводится к сумме целей отдельных лиц, а стоит над ними как высшая цель. Одновременно право определяется Штаммлером как "ненарушимое, самовластное объединяющее волеие"². Иными словами, "право представляет собой особый вид социального волеия"³, причем самый главный вид, благодаря которому социум мыслится как таковой.

Таким образом, правовой идеал оказывается у Штаммлера одновременно социальным идеалом, что напрямую следует из данных им понятий социума и права. Являясь по существу правовым, этот идеал действует и в отношении других (конвенциональных, предполагающих согласие обязанного лица на их соблюдение и исполнение) социальных норм, также образующих позитивную этику. Штаммлер аргументирует это тем, что право по определению способно противопоставлять себя конвенциональным нормам, тогда как последние по определению не могут ограничивать право. Поэтому там, где существуют неправильные обычаи и общественные нравы, совершенно точно существует и неправильное право; позитивная этика оказывается подчинена позитивному праву⁴. Последнее утверждение подвергалось в литературе обоснованной критике, поскольку, несмотря на свою формальную самовластность, право далеко не всегда способно фактически повлиять на содержание существующих обычаев и нравов⁵.

¹ Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства. // Государство и право. - 2013. - №7. С. 94.

² Sabine G. Op. cit. P. 337.

³ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. – 1923/ - Vol. 71. No. 4 (May). P. 303, 308.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 235-239.

⁵ Mayer M.E. Rezension zu: "Stammler, Rudolf. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin: Guttentag, 1902, 647 S". // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Bd. 46 = 3. F. Bd. 10. 1905. S. 194.

Правильным правом, - говорит Штаммлер, - будет такое, при котором всякий считает своими "объективно правомерные" (априорные) цели другого¹, каждый - свободен. Эта спорная формулировка стала впоследствии поводом для упреков со стороны критиков в нивелировке человеческой индивидуальности.

Свой социальный идеал Штаммлер обосновывает путем острой критики социального эвдемонизма (утилитаризма), согласно положениям которого конечной целью социума и, следовательно, правового регулирования, является всеобщее счастье и благополучие. Указанное обстоятельство представляется заслуживающим особого внимания, поскольку мнение о том, что общее благо является высшей целью, наиболее распространено в общественном сознании, а критика данного мнения являлась одной из принципиальных философских позиций И. Канта и неокантианцев. Кант писал, что принцип счастья "не предписывает всем разумным существам одни и те же практические правила"². По мнению Штаммлера, развивающего эту мысль, социальный эвдемонизм несостоятелен, потому что "всегда можно говорить лишь о счастье и благополучии определенных людей"; иными словами, нельзя ответить на вопрос, в чем объективно заключается счастье людей вообще, можно лишь понять, что будет счастьем субъективно для тех или иных лиц, однако это исключает постулирование всеобщего формального (регулятивного) априорного идеала; счастье же общества как такового, в свою очередь, – понятие иллюзорное³.

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 251.

² Кант И. Критика практического разума. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С.153.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 253-257. Развивая мысль Штаммлера, можно заметить, что утилитаризм неявно предполагает некоторую "шкалу оценки удовольствий" различных лиц для их сопоставления, то есть некоторую "концепцию личности" (к чему личность должна стремиться, а к чему не должна, независимо от реально получаемого удовлетворения), обосновать которую утилитаризм мог бы разве что указанием на желания, действительно свойственные всем или подавляющему большинству людей в одинаковой мере (хотя и здесь такая концепция была бы несправедлива к незначительным меньшинствам), но это кажется слишком спекулятивным, а, кроме того, допускающим несколько равно убедительных, но влекущих неравные последствия методик измерения благосостояния. Указанные мысли развиваются в: Ролз Дж. Теория справедливости. М.. 2009. С. 283-284 и др.

Право, пишет Штаммлер, не должно потакать всем случайным желаниям отдельных индивидов, поэтому для социального эвдемонизма неизбежна проблема поиска критерия, по которым эти желания оцениваются, а это, в свою очередь, снова приводит к идее формального принципа справедливости (общезначимой может быть только форма, а не содержание)¹. "Особенно важное значение, - пишет Штаммлер, - это имеет в том отношении, что социальный строй отнюдь не имеет права дожидаться случайного появления той или иной потребности. Наоборот, он обязан сознательно и целесообразно вызывать такие потребности, он должен возможно больше и лучше воздействовать на индивида путем воспитания, образования и развития"². Этот аргумент не вполне убедителен, так как эвдемонист может возразить на него, что дозволительным будет поощрять и удовлетворять только такие потребности, которые не приведут к негативным последствиям, а, напротив, обеспечат в долгосрочной перспективе максимальный чистый баланс удовлетворения (на этот контрдовод обращал внимание Дж. Ролз³).

Штаммлер также отмечает, что если под счастьем и благополучием понимать существование, достойное человека как разумного существа, то социальный эвдемонизм вполне верен. Однако достойным является именно разумное, руководимое чистой волей существование, и заблуждением будет стремиться к общему счастью, понимая последнее как удовлетворение любых субъективных желаний⁴. В идеальном обществе цели всех преследуются всеми, но это и есть – "общество свободно хотящих людей"⁵. Штаммлер подчеркивает, что он считает заботу правительства о благе народа достойной уважения, и вовсе не против стремления людей к счастью и комфортной жизни, однако данное

¹ Там же. С. 258-259. (См. также Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 188-189).

² Там же. С. 260.

³ Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009. С. 235.

⁴ Там же. 261. См. также: Stammer R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No. 4. P. 312-313.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 262.

стремление неспособно быть высшим законом социальной воли: таковым является идея справедливости¹.

Вышеприведенная критика Штаммлера социального эвдемонизма в целом представляется обоснованной. При этом следует подчеркнуть, что в некотором смысле Штаммлер признает право данной философской позиции на существование, а именно, в том смысле, при котором счастье народа является одновременно объективной целью. По нашему мнению, важным является тот факт, что каждый человек от природы стремится к собственному счастью (даже мазохист или альтруист пытаются содействовать собственному счастью, хотя бы и неверным, либо нетипичным способом). Это единственное положение, которое следует из человеческой природы, не отрицается также И. Кантом и его последователями. Кант признавал, что "все люди уже сами собой имеют сильнейшее и глубочайшее стремление к счастью"². В. Виндельбанд вторил, что "во всей обширной сфере психической жизни людей нельзя обнаружить что-либо действительно общезначимое, - разве что так называемое влечение к счастью, которое в качестве чисто формального понятия, означающего стремление к удовлетворению желаний, какими бы они ни были, возвышенными или низменными, обнаруживается повсюду и во все времена"³. Отмечает рассматриваемое обстоятельство и Штаммлер, добавляя при этом, что из свойственного всем эгоизма еще не следует конкретное содержание права⁴. В свете сказанного становится понятной попытка многих философов утвердить всеобщее благоденствие в качестве высшей цели человеческого бытия.

Критика утилитаризма, как правило, сводилась к невозможности объективно сравнить между собой ценности и эмоции различных людей и установить гарантированный каждому уровень счастья. Отсутствует объективный

¹ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No. 4. P. 313.

² Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 65, 78-79.

³ Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994. С. 273.

⁴ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 192.

критерий распределения удовольствий. Такой объективный критерий, между тем, и дает философия Канта и неокантианства, восполняя недостатки утилитаризма. Оправданным оказывается свойственное свободному индивиду стремление к счастью всех¹. Как верно пишет Штаммлер, требование общего блага само по себе верно обозначает проблему, но не решает ее².

Примечательно, что в критике утилитаризма Штаммлер не во всем следует за Кантом. Основным аргументом Канта против названного течения была констатация того факта, что "человек не может составить себе никакого определенного и верного понятия о сумме удовлетворения всех склонностей, именуемой счастьем"³, а "понятие счастья столь неопределенное понятие, что хотя каждый человек желает достигнуть счастья, тем не менее он никогда не может определенно и в полном согласии с самим собой сказать, чего он, собственно, желает и хочет"⁴. Штаммлер не считает указанный аргумент сильным. Он, конечно, отмечает ограниченность возможностей законодательства и правоприменительной практики по порождению у отдельных людей чувства счастья ввиду самой природы права, а также вследствие сложности познания человеческой психики и по причине различия целей и желаний людей⁵. Однако законодатель и судья не могут также точно знать и осуществить то, что соответствует формальному идеалу "общества свободно хотящих людей". Принятие политических и судебных решений происходит часто в ситуации, когда нет достаточных доказательств полагать их правильность. Штаммлер видит в

¹ Идея Канта здесь заключалась в том, что стремление к общему благу должно исходить непременно из чувства долга (уважения к категорическому императиву). См.: Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 64, 100-101.

² Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. – 1923. - Vol. 71., No. 4 (May). P. 313.

³ Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 65.

⁴ Там же. С. 80-81.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 255.

этом судьбу любой исследовательской деятельности, поэтому упрек только лишь утилитаризму представляется ему несправедливым¹.

Важным является тот факт, что свой социальный идеал Штаммлер противопоставляет также популярным (в том числе в неокантианстве) идеям свободы и равенства. Так, концепция либерализма, согласно которой идеальное право максимизирует внешнюю свободу человека, по мнению Штаммлера, теоретически несостоятельна, поскольку ведет к логическим противоречиям. Ученый признает, что людям свойственно желание безграничной свободы, предоставляющей возможность развивать свои способности, и не быть связанным ничем, кроме собственных склонностей и потребностей, даже если бы они представляли собой произвол. Однако исполнение данного желания повлекло бы за собой уничтожение правового порядка, то есть, общества как такового. Общественный же идеал подразумевает правильное правовое регулирование, а не отсутствие правового регулирования. Поддержание внешнего принуждения с целью предоставить неограниченную внешнюю свободу есть логическое противоречие. Проблема заключается в постулировании объективной цели, а не субъективных желаний, внутренней, а не внешней свободы (вопрос о мере последней – это вопрос о средствах, а не о цели). Что касается равенства, то оно, согласно Штаммлеру, не решает проблему социального идеала, а оставляет ее открытой. Требование равенства в любом случае не должно означать установления фактического равенства в количестве и качестве распределенных материальных благ (коммунизм). Под равенством обычно подразумевают равенство перед законом, но каким должен быть этот закон, каков метод, применимый к деяниям каждого человека – вопрос другой, требованием равенства не разрешающийся².

Приведенные суждения Штаммлера представляются дискуссионными. Действительно, как отмечается в юридической литературе, мыслителями, которые

¹ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. – 1923. - Vol. 71., No. 4 (May). P. 315.

² См. о свободе и равенстве: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 187-191; Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 288-289.

называли свободу и равенство в качестве вневременных принципов права, указанные понятия не всегда в достаточной мере раскрывались, и использовались в самых разных, зачастую противоречивых, значениях¹. Принимая данное обстоятельство во внимание, попытка Р. Штаммлера обосновать правовой идеал, не прибегая к этим терминам, представляется заслуживающей внимания. С другой стороны, идеал свободы далеко не всегда рассматривается как идеал вседозволенности: напротив, утверждается, что в "естественном состоянии" свобода иллюзорна и временна, действительная же максимизация свободы возможна только в рамках правового строя². При этом свобода должна быть равной для всех, и здесь получает конкретизацию уже принцип равенства (иными словами, имеется в виду равенство в свободе). Таким образом, понятия свободы и равенства до сих пор не потеряли своей актуальности, поэтому правовой идеал вполне может быть выражен через них, что мы и находим в трудах таких отечественных мыслителей, как С.Н. Булгаков и П.И. Новгородцев, причем свобода и равенство рассматриваются ими отлично от того однобокого понимания, которое критиковалось Штаммлером.

Помимо свободы и равенства, Штаммлер также противопоставлял правовой идеал также и братству, так как считал последнее лишь неконкретизированным лозунгом, указывающим на необходимость любви к ближнему, то есть на моральный, а не на правовой идеал³.

Идея "общества свободно хотящих людей" нашла живой отклик в отечественной научной литературе.

Л.И. Петражицкий, например, выступил в печати с резким тезисом о том, что своей формулировкой Штаммлер ничего принципиально не добавил к учению автора психологической теории права, за исключением ненужных "осложнений и

¹ См. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 50.

² Даже в отсутствие правового регулирования между людьми возникают естественные конфликты, которые также имеют характер принуждения, ибо вынуждают каждого хотя бы отчасти ограничивать себя. См. об этом: Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 209-211.

³ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 204.

затемнений"¹. Общечеловеческим идеалом Петражицкий считает любовь. Право как психический феномен должно соответствовать ему. Задача разрабатываемой автором "политики права" состоит в том, чтобы понять, какие способы управления народной психикой являются действенными, и использовать эти способы для достижения идеала². Главным методом такой науки Петражицкий называет психологическую дедукцию³. Здесь, по нашему мнению, видится явное отличие психологической науки "политики права" от неокантианской идеи "возрожденного естественного права". Первая не считает нужным отдельно обосновывать общечеловеческий идеал (он уже дан нам в Библии), признавая соответствующие философские построения произвольными фантазиями⁴. Вторая занята именно такими философскими построениями, и использует для этого трансцендентальную, а не психологическую дедукцию. Штаммлер, будучи неокантианцем, без сомнения, принадлежит ко второму направлению, поэтому утверждения Петражицкого представляются необоснованными.

Последний в подтверждение своих доводов приводит слова самого Штаммлера о том, что идеал любви Петражицкого сам по себе недостаточен, поскольку идеалом можно признать лишь разумную, принимаемую взаимно любовь, но не простую личную привязанность. Обоснованно полагая, что говорить о "разумности" и "взаимности" любви – тривиально, Петражицкий делает вывод о том, что Штаммлер, в итоге, ничем его учение не дополнил⁵. Мнение Штаммлера о том, будто по Петражицкому законодатель имеет целью внушить людям чувство любви, Петражицкий также отвергает, замечая вместе с немецким философом ограниченность правовых средств в этом вопросе⁶. В итоге

¹ Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 27.

² Там же. С. 14. См. в т.ч. сноску на указанной странице. Приводя здесь цитаты о любви, Петражицкий по неизвестным причинам смешивает ее с простой солидарностью. См. также стр. 15: здесь у Петражицкого главной целью предстает уже общее благо. Также об идеале любви см. стр. 21.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же С. 23-24.

⁶ Там же. С. 25-26.

русский ученый заключает, что идеал любви у Штаммлера в целом тот же, что и у него.

Однако тут же Петражицкий делает ряд критических замечаний к позиции Штаммлера. Так, он считает нужным добавить, что истинный идеал подразумевает содействие не столько целям ближних, сколько целям человечества вообще, даже если стремление к этому идеалу будет поругано современниками¹. Указанное добавление представляется излишним: говоря о любви к ближнему, Штаммлер вовсе не имел в виду, что мы должны потакать любым их субъективным желаниям. Поэтому если признавать уточнения Штаммлером теории Петражицкого ненужными, то и Петражицкий в некотором отношении делает ненужные замечания в адрес Штаммлера.

Другое уточнение Петражицкого состоит в том, что идеал любви не должен быть, вопреки Штаммлеру, правовым идеалом (и вовсе не стоит формулировать его применительно к праву иносказательно, посредством сложных словесных суррогатов слова "любовь")². Однако здесь мы должны решительно заявить, что Штаммлер считал справедливость, а не любовь правовым идеалом: Петражицкий неправ в своей оценке Штаммлера, и это должно стать ясным из нижеследующего.

Проблема соотношения любви и справедливости раскрывается у Штаммлера в его анализе соотношения морали и права. Ученый придерживается традиционной для неокантианства точки зрения, согласно которой мораль направлена на совершенствование помыслов, а право – на совершенствование поведения. При этом он отмечает единую цель указанных социальных регуляторов, подчинение их общей закономерности³. Также Штаммлер полагает, что не существует сферы общественных отношений, которая принципиально не подпадала бы под действие одного из них (соответствующее различие

¹ Там же. С. 37-38.

² Там же. С. 38-39.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 57.

относительно)¹. Таким образом, право и мораль различны лишь в задачах (методах) оценки: первое проверяет внешнюю правильность, вторая – внутреннюю правильность (результаты этих двух оценок могут отличаться в одной и той же ситуации, например ситуации вступления в брак "по расчету" внешние действия могут быть правильными, соответствующими социальной воле, но внутреннее воление – дефектным)². Правильное право ("действуй свободно") есть систематическое определение справедливости, категорический императив ("желай свободно") есть систематическое определение добра³. Сами эти определения еще не говорят о том, что считалось и считается справедливым и добрым у различных народов, поэтому следует отличать их от позитивного права и позитивной этики⁴. При этом справедливость есть осуществление воли, направленной на другого (социальной), а добро есть осуществление воли, направленной на себя. В связи с этим и становятся возможными два независимых подхода к оценке волевых актов, которые могут противоречить друг другу. Роль права здесь: установить правильную норму поведения, а роль морали: исполнить эту норму с правильным волением. Отсюда ясно, что само по себе нравственное воление бессмысленно, если неизвестны правильные способы его выражения. В то же время, и правильное поведение не приведет к совершенству, если будет

¹ Ibid. S. 58. Штаммлер выделяет здесь три типа отношений, которые, по мнению многих исследователей, не подчинены праву, целиком находясь в сфере морали, а именно: отношение к Богу, отношение к живой и неживой природе, и отношение к самому себе. По мнению автора, ничто из перечисленного не относится к *общественным* отношениям, следовательно, также далеко от морали, как и от права. Ibid. 60-62.

² Штаммлер замечает здесь, что смешение этих двух областей имеется даже у Канта, который, например, размышляет о том, может ли максима приумножения своего имущества любым способом стать всеобщим нравственным законом. Ibid. S. 65. В другом месте Штаммлер подчеркивает, что решение вопроса о том, допустимо ли (и при каких условиях) присоединение одного народа к другому, не является прерогативой нравственности, так как касается внешнего действия. Ibid. S. 74-75.

³ Разграничение этики действия ("handle frei") и этики мотивов ("wolle frei") имеется еще у Г. Когена, при этом он сконцентрировал свое внимание именно на этике действия, в связи с чем она оказалась у него ориентированной в юриспруденции. См. Савальский В.А. Указ.соч. С. 38-39, 109, 169-170 и др. Штаммлер нигде не цитирует этой классификации, но, как верно отмечается в литературе, полностью ее заимствует, также концентрируясь именно на этике действия (причем социального действия, то есть праве). Wenn M. Op. cit. S. 71.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 67. Впоследствии эту мысль подхватил Радбрух: "Могут сравниваться лишь два ценностных понятия: справедливость и нравственность, или два культурных - право и мораль". Радбрух Г. Указ. соч. С. 49.

исполняться с недолжными помыслами. Таким образом, право и мораль взаимодополняются. В итоге единая формула совершенства такова: "*Имей благое намерение осуществлять правильное право*" ("Das rechtlich Richtige gut wollen")¹.

Из сказанного видно, что учение о правильном праве отнюдь не повторяет нравственное учение, хотя оба и отсылают к "высшему закону человеческой воли". Данные учения независимы друг от друга. В этом Штаммлер отчасти следует за Кантом, который разграничивал критерии моральности и легальности поступка, оценивающие соответственно внутреннюю мотивацию и внешние действия лица, и распространял действие категорического императива сразу на две сферы².

Понятие любви, в свою очередь, полностью относится Штаммлером к сфере нравственности, и, по-видимому, отождествляется с понятием добра. Немецкий мыслитель считал неверной точку зрения, согласно которой следование заповеди любви к ближнему делает излишним правовой идеал и правовой порядок в целом (в этом вопросе он высказал свое несогласие с противоположной точкой зрения Л.Н. Толстого и М. Лютера)³. Дело в том, что идеал любви еще не есть идеал внешнего действия: два истинных христианина зачастую не сойдутся в вопросе справедливого права⁴. Поэтому даже если все люди станут верны заповеди любви к ближнему, необходимость правового регулирования не исчезнет. Штаммлер цитирует здесь библейские слова: "Любовь есть исполнение закона" (Рим. 13:10)⁵. Изменяющиеся внешние условия жизни, в том числе технические возможности, всегда требуют особого осмысления, выходящего за пределы нравственной проблематики, ибо последняя обращается к отдельному индивиду и касается

¹ Ibid. S. 70. В переводе В.А. Краснокаутского: "Добросовестно хотеть справедливого права". См. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоповедения. М., 1908. С. 117.

² Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 95-96.

³ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No. 4. P. 316.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 71.

⁵ Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. May, 1923. No. 4. P. 316. Здесь же можно вспомнить данную В.С. Соловьевым, который первым заговорил о "возрождении" естественного права, формулу: "Справедливость есть форма любви". Цит. по: Булгаков С.Н. О социальном идеале. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 292.

только вечных идеалов души, а не конкретных обстоятельств; так вырисовывается необходимость права, а исключительно нравственностью довольствовались бы только те, кто совершенно не нуждается во внешних благах¹. С другой стороны, правовое государство оказывается лишь необходимым условием для решения социальных проблем, но само по себе еще не ведет к их полному решению, так как не ответственно за выполнение задач нравственности².

Таким образом, справедливость и любовь, вопреки Петражицкому, по Штаммлеру не отождествляются, хотя и состоят в тесном союзе, и нуждаются друг в друге (почему у права и есть воспитательная функция)³. Штаммлер прямо пишет, что понимать идею справедливого права как "мнимое напоминанию государственному закону "проводить" *нравственные* требования, даже любовное отношение к ближним" – неверно⁴, правовой идеал не имеет в виду, что подчиненные праву должны быть вынуждены к *моральным поступкам*⁵. На это обращал внимание П.И. Новгородцев, справедливо отмечавший, что "общество свободно хотящих людей" отнюдь не тождественно идеалу любви, выдвинутому Петражицким⁶. Штаммлер также подчеркивал, что правовой идеал не должен

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 72, 81. Штаммлер обращает внимание, что требование Христа отдать "кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мк. 12:13-17), не молиться и не совершать милостыню напоказ (Матф. 6:1-4), не прелюбодействовать даже в сердце своем (Матф. 5:28), свидетельствуют о том, что мораль не имеет в виду внешнего выражения поступков: добро должно совершаться ради него самого. Ibid. 77, 79. Именно в этом ключе, по мнению мыслителя, следует трактовать требование подставлять другую щеку, если ударили по первой (Матф. 5:39). Грех совершается сердцем, а не поступками.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 90.

³ Штаммлер цитирует слова немецкого поэта: "В союзе справедливости и любви, и только в них, состоит искупление человеческой вины и земной жизни". Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. – 1923. - Vol. 71., No. 4 (May). P. 317. См. также Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 86-87.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 96. В этом вопросе Штаммлер не соглашается с противоположной позицией Пуфендорфа.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 292.

⁶ Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 3. С. 30. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, выгодно отличает учение Р. Штаммлера от учения того же П.И. Новгородцева, который под естественным правом понимал нравственный суд над правом положительным. Согласно Новгородцеву, априорное нравственное начало вечно и неизменно, право же постоянно меняется. Однако автор не поясняет, почему правовой идеал должен отождествляться с нравственным. Названная позиция Новгородцева подверглась критике со стороны Г.Ф.

подменяться требованием совершенствования личности, поскольку направлен на упорядочение общественной жизни, а не внутреннего мира человека¹. С ним был полностью солидарен Г. Радбрух, писавший: "Идеал морального добра - в идеальном человеке. Идеал справедливости - в идеальном общественном строе"². Наконец, Г.Ф. Шершеневич, не соглашаясь видеть в Штаммлере последователя и популяризатора учения Петражицкого, справедливо констатировал: «То, что резко отличает Штамллера от Петражицкого, - это признание объективности права, как исходного начала»³. Именно этот аспект, по нашему мнению, определяет различие точек зрения Петражицкого и Штамллера на правовой идеал.

В свете сказанного представляется необоснованным и другой упрек Л.И. Петражицкого в адрес учения Штамллера, а именно, что идеальное общественное состояние у последнего противоречиво, так как исключает само понятие общества. Людям, воспитанным в любви, пишет Петражицкий, не нужны внешние правила⁴.

Русский юрист не учитывает, что любовь не подменяет собой внешний правил, и не является правовым идеалом по Штаммлеру. Последний прямо говорит, что правовой идеал не подразумевает отмену правового регулирования и устранения общества и не касается того, насколько свободен от субъективности (нравственен) тот или иной человек при реализации внешних правил поведения⁵. (Вспомним, что и идеал неограниченной внешней свободы Штаммлер отвергал именно потому, что тот отрицает само понятие общества и необходимость внешних правил.)

Шершеневича за необоснованное смешение областей права и нравственности. См. Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 35.

¹ Stammer R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 199.

² Радбрух Г. Указ.соч. С. 42.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 344.

⁴ Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 45. Присутствующий здесь тезис Петражицкого о том, что право прогрессирует в сторону отмирания, и в будущем вовсе не будет необходимо, представляется наивной идеализацией.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 293, 292.

Позицию Л.И. Петражицкого во многом разделял Б.А. Кистяковский. Последний обращал внимание на тот факт, что по собственному разъяснению Штаммлера постулируемое им "свободное хотение есть внутренняя свобода, т.е. нравственный принцип, а не внешняя свобода, действительно являющаяся целью права"¹. Мы, в свою очередь, считаем возможным уточнить здесь, что внутренняя свобода ведет как к свободным желаниям, так и к свободным поступкам (в том смысле, что они совершаются в соответствии с принципами, полученными путем автономного мышления), поэтому указание Штаммлером на внутреннюю свободу еще не означает, что в своих размышлениях он ушел из сферы права в сферу морали (добра и любви). Также Кистяковский замечает, что "указываемое Р. Штаммлером в качестве цели социального процесса "общество свободно хотящих людей" не есть общество, ибо люди, характеризующиеся только тем, что они свободно хотят, ничем не связаны между собою"². В связи с этим Кистяковский называет социальный идеал Штаммлера анархизмом святых, и поскольку общество святых может быть построено на одной любви, постольку этот социальный идеал правильно обозначен Петражицким словом "любовь"³. Приведенные соображения Кистяковского представляются спорными на основании изложенных нами выше доводов. Торжество любви не отменяет внешних правил, касающихся языка, элементарных форм поведения и т.п., которые не могут быть выведены из чувства любви, поэтому святость не означает непременно анархизма (отсутствия права).

Между тем, в изложенных взглядах Петражицкого и Кистяковского нельзя не отметить определенной логики. Несмотря на то, что Штаммлер обозначает сферу регулирования права как внешнее поведение, правовым идеалом у него оказывается все же внутреннее хотение (цель права – свободное воление подчиненных ему лиц). П.И. Новгородцев, критикуя трактовку учения Штаммлера, данную Петражицким, вынужден был в итоге признать, что неверное

¹ Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 627.

² Там же.

³ Там же. С. 628.

понимание Штаммлера обусловлено исключительно виной последнего, прибегавшего к темным и замысловатым формулировкам¹. В данном случае приходится констатировать, что утверждение в качестве правового идеала "общества свободно хотящих людей" противоречит тем задачам права, которые были указаны самим же Штаммлером, поскольку право оказывается подчиненным нравственности. Правовым идеалом при буквальном прочтении действительно становятся добро и любовь. В.А. Савальский, например, также полагал, что правовой идеал Штаммлера несвободен от психологизма². Тем не менее, если последовательно придерживаться предложенного немецким ученым разграничения права и морали, справедливости и любви, правовым идеалом должно стать *общество свободно действующих, а не свободно хотящих (волящих) людей*, или иными словами - *свободно волящее общество*. Так, еще Коген отмечал, что в юриспруденции, в которой должна быть ориентирована этика действия ("handle frei!"), "понятие воли берется не в смысле настроения, а в смысле внешнего *действия*"³. На наш взгляд, именно эта неточность (скорее, особенность) формулировки социального идеала и понятия воли у Штаммлера и повлекла за собой острые споры в отечественной научной литературе. Слово "wollend" можно перевести и как "хотящий", и как "волящий" (в штаммлеровском смысле – целеполагающий), в свою очередь в формуле правового идеала ученый имеет в виду именно "социальное воление", не связанное с чувствами и желаниями отдельных лиц.

Правовой идеал у Штаммлера напрямую связан с понятием свободного социального воления. Однако очевидно, что это воление должно зарождаться на стороне законодателя и правоприменителя, а не вообще всех людей. Законодатель, принимающий тот или иной закон, и правоприменитель, применяющий этот закон, должны поставить перед собой следующий вопрос: "Поступил ли согласно данному закону в конкретной ситуации индивид, если бы

¹ Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 3. С. 33.

² Савальский В.А. Указ.соч. С. 264, 315.

³ См. об этом: там же. С. 170.

он действовал, руководствуясь свободной волей?". Поскольку свободная воля объективна, то не важно, о каком именно индивиде идет речь: каждый свободно мыслящий пришел бы к одному и тому же выводу. Но указанный мыслительный эксперимент осуществляют все же законодатель и правоприменитель (в случае, если закон оставляет место для усмотрения последнего), которые и создают социальное воление. Как пишет сам Штаммлер, "учение о справедливом праве обращается вообще не к *отдельным лицам*, как таковым, а к *устанавливающему праву*"¹. Правовой идеал "имеет в виду не такое общество, в котором *кто-либо* может иметь объективно обоснованные желания, а такое, в котором содержание *определяющей социальной воли* является объективно правильным"². Таким образом, речь должна идти не о свободном волении людей вообще, а свободном волении законодателя или судьи (олицетворяющих социум). В этой связи примечательно определение Штаммлером справедливости: "*справедливость есть твердая воля законодателя устанавливать эмпирически обусловленные правила, руководствуясь высшей целью социальной жизни, идее общества свободно хотящих людей*"³. В свою очередь, в наибольшей степени свободны (объективны) поступки людей, если они урегулированы справедливым правом.

Нельзя ни обратить внимание на тот факт, что данные И. Кантом формулировки категорического императива касаются непосредственно внешнего поведения лиц. Так, первая формулировка категорического императива гласит: "*поступай* (курсив мой – Н.Ш.) только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом"⁴. Слово "поступай" имеется и в других формулировках категорического императива⁵. Применяя данное правило к конкретным жизненным случаям, Кант

¹ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоправедения. М., 1908. С. 97.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 283.

³ Там же. С. 280.

⁴ Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 83.

⁵ Там же. См. также: С. 84: "поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы". С. 90: "поступай так, чтобы ты

отрицательно отвечает на вопросы, дозвоительно ли с точки зрения нравственности кончать жизнь самоубийством, давать лживые обещания, не реализовывать свои природные таланты¹. Не решая вопрос об обоснованности выводов Канта, отметим сам факт того, что речь во всех названных случаях идет об оценке внешних поступков, а не внутренних желаний.

Однако помимо этого Кант постулирует: "для того, что должно быть морально добрым, недостаточно, чтобы оно было *сообразно* с нравственным законом; оно должно совершаться также и *ради него*"². "Нигде в мире, да и нигде вне его, - продолжает кенигсбергский мыслитель, - невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только *доброй воли*"³. Таким образом, нравственным принципом оказывается соблюдение категорического императива ради него самого. Сам же категорический императив выступает в роли верховного принципа практического разума и поэтому распространяется также на сферу права, являясь основой не только учения о морали, но и учения о праве⁴.

П.И. Новгородцев отмечал, что нравственный закон Канта полагался как изменчивый по содержанию, но всеобщий и необходимый по форме. "Все это было совершенно правильно; - продолжал мыслитель, - но неправилен был дальнейший шаг – превращение этой логической формулы в единственно-возможный для нравственного исполнения мотив"⁵. Г. Еллинек также видел в этом ошибку Канта⁶. Эта достаточно распространенная критика кантовской этики,

всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству".

¹ Там же. С. 84-85, 90-91.

² Там же. С. 57.

³ Там же. 60.

⁴ Так, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что юридические законы суть частное следствие категорического императива, а их задача – соответствие внешних действий категорическому императиву. См.: Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 97; Она же. Правовая теория И. Канта. // Право и государство: теория и практика. 2013. №7. С. 15-16.

⁵ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 103.

⁶ Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства. // Государство и право. 2013. №7. С. 94.

идушая от эпиграммы Ф. Шиллера, представляется дискуссионной, поскольку наличие чувственной привязанности к человеку вовсе не препятствует беспристрастному исполнению долга. Например, радость от оказания помощи другим сама по себе не является нравственным чувством, но она и не запрещается, то есть она, по крайней мере, легальна (дозволена), и вообще – является хоть и не главным признаком, но, по крайней мере, заслуженным следствием добродетели. Более того, даже если получение удовлетворения является главным мотивом поступка, он всё же может оставаться справедливым (с точки зрения внешних действий). Поэтому обозначенная проблема не имеет ничего общего с вопросом о правовом идеале как идеале внешнего действия.

Р. Штаммлер, в отличие от названных мыслителей, не критикует Канта с указанных позиций. С другой стороны, он нигде не говорит и о том, что чувства радости или дружбы не являются нравственными (как это утверждал Кант). Более того, он говорит о "радостном сердце" как нравственном императиве. Сведение Кантом нравственности к оценке мотивов Штаммлером, безусловно, поддерживалось. В противном случае для права не осталось бы собственной сферы применения (внешние действия и поступки).

Действительная проблема, однако, заключается в том, что правовой идеал уже во многом был дан самим Кантом. Утверждая свой правовой идеал, Штаммлер, как представляется, должен был яснее противопоставить его кантовскому категорическому императиву, однако не сделал этого, чем вызвал непонимание в научном сообществе. Кроме того, Штаммлер сформулировал общую для права и морали закономерность ("иметь благое намерение осуществлять правильное право"), которая, по сути, заменяла категорический императив (проводя кантовскую логику до конца, правильным мотивом поступков должно было признаваться желание соблюдать правильное право), но не была должным образом коррелирована с ним. Штаммлер даже приводит собственные взгляды на нравственное учение, утверждая "принципы правильной морали" (по аналогии с принципами правильного права, вытекающими из идеала "общества свободно желающих людей"): принцип правдивости (не ищи себе

оправдания) и принцип совершенства (не придавай главного значения частностям)¹. Одновременно ученый предлагает четыре принципа практической морали: быть честным с самим собой, не требовать внешнего поощрения, иметь радостное сердце, сохранять духовное благородство². По сути, Штаммлер дает наброски собственного нравственного учения, тем самым полностью вытесняя формулу категорического императива, и никак не сопоставляя свои взгляды с ней.

По нашему мнению, одно из отличий "общества свободно желающих людей" от категорического императива состоит в том, что штаммлеровский идеал касается именно общества, то есть социального воления (закона или иного нормативно-правового акта, обращенного вовне, а не индивидуальной нормы поведения, устанавливаемой человеком для самого себя): нормативно-правовой акт занимает место субъективной максимы. Но это отличие нельзя назвать принципиальным: в обоих случаях формулируется ни что иное, как принцип беспристрастности (по Канту – отсутствия самопротиворечивости). Помимо этого, идея естественного права с изменяющимся содержанием не допускает однозначного ответа на вопрос о том, допустима ли ложь, и на другие подобные вопросы, которые Кант разрешал однозначно. Важный момент состоит в том, что по Штаммлеру нравственные и правовые предписания не различаются как автономные и гетерономные соответственно. Автономны только их идеалы, и они сообщают нам изменчивое содержание правовых и моральных норм.

Попытка экстраполировать правовой идеал на сферу этики вызвала резкую критику со стороны Г. Когена, который убеждал, что понятие "правильного" следует разрабатывать в рамках этики, и только потом применять его в качестве теоретического фундамента к философии права и государства: "Неверно, что сначала право прокладывает свой самостоятельный и решительно независимый путь, и только потом приходит этика, как этика индивида и образа мыслей"³.

Таким образом, как было отмечено выше, позиция Петражицкого и Кистяковского, согласно которой правовым идеалом Штаммлера является

¹ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 190.

² Ibid. S. 191-192.

³ Müller C. Op.cit. S. 15.

любовь, в целом неверна, однако Штаммлер сам дал повод для такого неверного истолкования своих трудов.

Из всей критики Л.И. Петражицким идеи "общества свободно хотящих людей" нам представляется наиболее значимым тезис, которому сам Петражицкий, к сожалению, намеренно не придавал большого значения. Излагая мысль Р. Штаммлера о том, что в "обществе свободно хотящих людей" каждый считает своими объективные цели другого, он пишет: "Ближний А должен в свои цели возводить цели ближнего Б, а ближний Б – цели ближнего А. Получается своеобразное *chassez-croisez* целей, заключающее в себе и психологические, и логические невозможности с добавлением еще логического круга"¹. Действительно, непосредственно в формулировке правового идеала у Штаммлера отсутствует выход на практику, вследствие чего она сохраняет те недостатки, в которых упрекали и формулировку категорического императива Канта. Переход в вопросе социального идеала к практике заключается у Штаммлера в рассмотрении (внешних) действий, а не (внутренних) желаний. В то же время приходится констатировать, что своей формулой Штаммлер просто перенес методологию Канта в область права, нисколько ее не совершенствуя. "Общество свободно хотящих людей", как и категорический императив, предполагает уже многих людей – общество (то есть форма предполагает существование содержания), то есть не полностью отстранено от сферы опыта. Однако на этом соприкосновение с опытом и заканчивается. Абсолютная идея социального воления исключает какое-либо конкретное содержание, так как последнее означает привнесение эмпирических условий, якобы влекущих за собой субъективность. Вследствие этого ни категорический императив, ни формула "общество свободно хотящих людей" сами по себе не имеют выхода на практику.

Проблема соотношения идеала и действительности является традиционной для неокантианской философии. "Большинство представителей критической философии справедливо полагали, что нравственные законы должны

¹ Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 36.

осуществляться в конкретных отношениях"¹. Как верно отмечал В. Виндельбанд, критический метод нуждается в опыте для того, чтобы сформулировать априорные принципы по отношению к опыту². П.И. Новгородцев, в свою очередь, заметил, что кантовская "идея всеобщего долженствования предполагает уже *многих* деятелей"³.

Одновременно П.И. Новгородцев видел главный недостаток "Критики практического разума" И. Канта в том, что мораль в ней берется вне своей жизненной стороны, "как чистый закон разума, не только не требующий, но и не допускающий никакого сочетания с опытом и остающийся на степени отвлеченного начала"⁴, тогда как в действительности нравственная воля всегда ищет осуществления в мире. Впрочем, и сам Кант признавал, что из "практического разума не могут быть выведены содержательные юридические положения" (считая такой формализм скорее достоинством своей теории)⁵.

Речь в проблеме соотношения идеала и действительности идет о часто дискутируемой в научной литературе критике моральной философии Канта Гегелем. Гегель убеждал, что "с помощью нравственного закона можно лишь производить аналитические суждения, но нельзя обосновать ценности и значимость конкретного факта. Более того, бессодержательная формула нравственного закона может включать в себя любую частность или моральную случайность, что вообще приведет к безнравственности. Таким образом, по учению Канта, моральный мир замыкается в субъективную моральность, внешняя закономерность поступков (объективная легальность) остается индифферентной нравственности"⁶.

¹ Фролова Е.А. Принцип этического идеализма в неокантианской философии права. // Право и государство: теория и практика. 2013. №8. С. 8.

² Виндельбанд. В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994. С. 285.

³ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 106.

⁴ Там же.

⁵ Фролова Е.А. Правовая теория И. Канта. // Право и государство: теория и практика. №7. 2013. С. 15.

⁶ Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 205.

Вопреки изложенному, В.А. Савальский считал надуманной проблему, что категорический императив не способен дать учения об объективной легальности. По мнению ученого, категорический императив у Канта вторичен, а первичен сам формальный принцип, который можно успешно провести и в правовую сферу¹. В то же время, ученый отмечал: "Очевидно, что этика настроения, имеющая в виду чистоту мотивов волеопределения, свободное хотение (*wolle frei*) является по существу дела слепой. Она не может определить предмета свободного желания... Она находит поэтому свое необходимое восполнение в этике действия"². Таким образом, "субъективная моральность" категорического императива должна быть дополнена пониманием его как этики действия (*handle frei*). В некотором смысле последняя даже первична, так как без нее не будет определено само требование нравственной мотивации³.

Нам представляется, Штаммлер раскрыл аспект действия в своем учении о социальном идеале, и показал, что формальный принцип должного можно провести в правовую сферу. Однако задача состоит не в слепом заимствовании идеи деонтологической этики в философию права, а в ее модернизации. Поэтому спорной видится точка зрения немецкого ученого, который, в полемике со своими критиками, отказывался считать формулу правового идеала содержательно пустой, поскольку она-де всегда применима к конкретному содержанию, отнюдь не недооценивая последнее⁴. На самом деле "обществу свободно хотящих людей" свойственны многие недостатки "категорического императива". Суть правового идеала сводится к тому, что законодатель должен создавать такие нормы, которые обязывали бы каждого члена общества внешне действовать объективно правильно ("свободно")⁵, то есть согласно категорическому императиву. Иными словами, правовой идеал касается социального воления (системы права), а нравственный идеал – индивидуального воления (правил, которые устанавливает себе

¹ Савальский В.А. Указ.соч. С. 38.

² Там же. С. 119.

³ Breuer I. Op. cit. S.64.

⁴ Stammeler R. Besprechung von Wielkowski G.A.: Die Neukantianer in der Rechtsphilosophie. // Rechtsphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 94.

⁵ Breuer I. Op. cit. S.28.

отдельный человек); начало их едино, и хотя в конкретной ситуации между ними могут наблюдаться противоречия, это происходит лишь постольку, поскольку право более формально и менее гибко, причем феномен "кроткого права" призван свести эти противоречия к минимуму. Данное обстоятельство дало основание критикам Штаммлера говорить о том, что правовой идеал Штаммлера, по сути, покрывается более широким этическим идеалом: "Общество свободно хотящих людей, - пишет Бройер, - есть не что иное, как спецификация общезначимого этического идеала, который действует в качестве масштаба любого человеческого действия, по отношению к общественной организации"¹. По мнению Бройера, правовая норма всегда требует действия или бездействия, но они, в свою очередь, подлежат оценке с точки зрения нравственного закона («действуй свободно»), поэтому правовой идеал оказывается излишним².

По мнению П.И. Новгородцева, именно такие мыслители, как П. Наторп и Р. Штаммлер, сохранив кантианскую методу, предприняли заслуживающие внимания попытки установить связь между нравственной идеей и миром опытных целей, чего не доставало самому Канту³. Аналогичного мнения придерживался И. Давыдов, указывая на преодоление Штаммлером и Наторпом недостатков учения Канта⁴.

Впрочем, позднее П. Новгородцев критиковал Штаммлера за то, что в своей формуле правового идеала тот использует понятие личности как абстрактного родового, а не эмпирического индивидуального существа, то есть повторяет ошибки Канта, по сути устраняя понятие общества: "Устанавливаемая Штаммлером норма общественности имеет в виду не качественно новое проявление лиц во взаимодействии их многообразных индивидуальностей, а только количественное повторение их однородных притязаний. Понятие общества

¹ Ibid. S. 52. Автор полагает, что поскольку мы не можем заглянуть в сердце человека и достоверно установить его истинные мотивы, этика должна заниматься в первую очередь оценкой внешних поступков. Ibid. S. 53.

² Ibid. S. 61.

³ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 149 (сноска).

⁴ Давыдов И. Указ.соч. С. XXXVIII.

тут в сущности уничтожается"¹. По этому поводу Г.Д. Гурвич писал: "Стремление выйти за пределы абстрактного индивидуализма Канта выгодно отличало естественно-правовые построения Новгородцева от аналогичных попыток Штаммлера"². Действительно, утверждение Штаммлера о том, что социальный идеал предполагает признание каждым объективно правомерных целей другого в качестве своих собственных, дает повод для подобных упреков. Однако вряд ли Штаммлер не признавал индивидуальность каждой отдельной личности. Он формулирует мысль, в том числе, и так: "Задача социального строя – создать такое сотрудничество, чтобы каждый подчиненный в этом исторически данном положении имел возможность преследовать *свои* [а не общие для всех – курсив и прим. Н.Ш.] цели объективно обоснованным образом"³. Скорее, Штаммлер рассматривал условия, при которых индивидуальность может быть обеспечена, но саму ее не делал, в отличие от Новгородцева, центральной категорией учения о правовом идеале. Попытка решить проблему сопоставления абстрактного идеала и практики осуществляется Штаммлером не совершенствованием понятия личности, как у Новгородцева, а другим способом – формулированием принципов правильного права. Не случайно Штаммлер рассматривал общество не как простую совокупность частных целей, а как такую связь между собой этих целей общим волением, что цели одного становятся средствами другого и наоборот. Иными словами, каждый имеет свои собственные (индивидуальные) цели, но все они подчиняются общим социальным целям (праву), объективным для каждого из участников⁴. Дополнительно ученый поясняет, что "общество свободно желающих людей" представляет собой регулятивную идею связи различных частных волей, но

¹ Новгородцев П.И. Современное положение проблемы естественного права. // Юридический вестник. - 1913. - Кн. 1. С. 20. См. также: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. / Новгородцев П.И. Избранные труды. М, 2010. С. 460 (сноска).

² Гурвич Г.Д. Проф. П.И. Новгородцев как философ права: [Некролог] // Современные записки. 1924. Кн. XX. С. 391.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 293.

⁴ Stammler R. Besprechung von Wielkowsk G.A.: Die Neukantianer in der Rechtsphilosophie. // Rechtsphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 90.

для самой частной воли не дает никакого указания¹. Этим, как представляется, Штаммлер сохраняет пространство для индивидуального самоопределения.

Полагаем, что в приведенных заключениях Штаммлера содержится поправка к его прежним, менее точным формулировкам. Более того, анализируя более поздние статьи и доклады Штаммлера, мы видим в них формулировку идеи права как "чистого общества" (термин взят по аналогии с "чистым разумом" Канта). "Чистое общество", по Штаммлеру, это такое общество, где каждый является обусловленным средством для других членов своего союза не в большей степени, чем они для него². В этой формулировке отсутствует указание на "хотящих людей", сбивавшее исследователей творчества Штаммлера с толку (хотя автор и не отказывается от прежней формулировки)³.

Рассматриваемая проблема соотношения идеала и действительности, по нашему мнению, заключается не столько в тех встречающихся в литературе замечаниях, что категорический императив должен предоставить нам модель поведения, а не одно правило внутреннего хотения (1), согласовать единый нравственный мотив с другими мотивами (2), учитывать индивидуальность каждого человека (3), сколько, во-первых, в том, что идеал должен оставаться в рамках возможной действительности (Штаммлер решает указанную проблему через понятие "осознанно неправильного права"), а во-вторых, в том, что в конкретной ситуации всегда наличествуют факторы, которые приводят к тому, что поступок, правильный для одного, будет неправильным для другого. "Например, в ситуации автомобильной аварии полицейский и врач должны действовать по-разному, основываясь на требованиях универсальности. Полицейский не должен оперировать, а врач – регулировать движение транспорта. Для них универсальное требование будет иметь вид, соответственно, "выполняй долг врача в ситуации автомобильной аварии" и "будь полицейским в

¹ Ibid. S. 94.

² Напр.: Stammler R. *Recht und Kirche*. // *Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge*. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 152.

³ Stammler R. *Lehrbuch der Rechtsphilosophie*. Berlin-Leipzig, 1922. S. 199.

ситуации автомобильной аварии"¹. Но в чем заключается критерий того, что мы находимся в одной и той же ситуации, и на основе каких факторов происходит разграничение обязанностей различных лиц в данной ситуации? Именно в этом вопросе применение категорического императива требует объективно обоснованной отсылки к опыту, особенно при экстраполяции его на правовую сферу. Указанную проблему Штаммлер решает посредством формулирования принципов правильного права. Как будет показано далее, эти принципы сами по себе дают возможность учитывать любые особенности конкретной ситуации. Другое дело, что они служат не регламентации конкретной ситуации, а оценке законодательства, неизбежно носящего абстрактный характер. Именно поэтому Штаммлер указывает на возможность применения "краткого права", чтобы идея справедливости с учетом существующих обстоятельств нашла наиболее полное выражение.

Таким образом, правовым идеалом Р. Штаммлер называл формулу "общество свободно желающих людей" ("чистое общество"). Эту формулу нельзя отождествлять с нравственным идеалом, поскольку она относится исключительно к правилам, регламентирующим поведение людей, а не его мотивы. Также представляется необоснованным мнение, что эта формула отрицает значение личной индивидуальности. Одновременно способы применения данной формулы к конкретной действительности показаны Штаммлером в его учении о принципах и прообразе правильного права, к рассмотрению которого мы переходим. Конкретизация правового идеала также показывает его отличие от правовых воззрений Канта, указывает на необходимость фактического обеспечения формального равенства граждан. Поэтому формулу Р. Штаммлера "общество свободно желающих людей" не следует рассматривать обособлено, вырывая ее из контекста целостного учения.

¹ Гилье Н., Скирбекк Г. Указ.соч. С. 460.

4. Принципы, прообраз и политика правильного права

Штаммлер пишет, что для применения формулы социального идеала к конкретным эмпирическим задачам и неизбежно субъективным человеческим целям необходимо выработать априорные *принципы правильного права*¹. Те же, кто упускает из виду такой элемент учения о правовом идеале, как принципы правильного права, допускают, по мнению Штаммлера, разрыв между социальным идеалом и многообразной действительностью². Принципы правильного права, на наш взгляд, можно рассматривать как конкретизацию общего принципа беспристрастности. Ценность штаммлеровского учения о них можно увидеть в том, что они проясняют, в чем "общество свободно желающих людей" можно противопоставить "категорическому императиву".

Выведение этих принципов ученый осуществляет следующим образом. Любая правовая связь подразумевает нескольких лиц и внешнее для них правило (общая цель). При этом лица исходя из самого смысла социального идеала должны рассматриваться как самоцели ("уважаться" друг другом), то есть не обязаны безусловно отказываться от своих субъективных целей; но, с другой стороны, каждый сам должен нести определенное бремя ради общих целей ("участвовать"). В итоге социальный идеал представляется как "*соединение самоцелей*", а принципы правильного права делятся на принцип уважения и принцип участия³. Каждый из этих принципов подразделяется Штаммлером еще на две части, одна из которых показывает принципиальную допустимость того или иного правоотношения, а вторая – конкретные пути осуществления правоотношений⁴.

Принципы уважения гласят:

А) Воля одного лица не может быть предоставлена произволу другого;

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 203-204.

² Ibid. S. 215.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 99-100.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 207.

Б) Всякое правовое требование допустимо лишь под тем условием, чтобы обязанное лицо всё же могло оставаться "себе ближайшим" ("dass der Verpflichtete sich noch der Nächste sein kann").

Здесь речь идет, по сути, об обязанности признавать самоценность каждой личности и равенство всех людей. Иными словами, индивид не обязан жертвовать всем ради субъективных целей другого и чтить их, а не свои, как высшие (это дает основание, например, к ограничению свободы договора, к запрещению рабства, распоряжения своими детьми и т.п.¹).

В юридической литературе отмечается, что данное содержательное требование прямо предписано и формальным категорическим императивом И. Канта². Следует признать, что оно является классическим для неокантианства. И. Давыдов, анализируя философию Штаммлера, подчеркивал, что в формуле "общество свободно хотящих людей" свободно хотящие люди – именно "в смысле следования велениям нормы, заявляющей притязание на общезначимость и необходимость. А такой нормой может быть только заповедь о самодовлеющей ценности человеческой личности: ибо только человек, как носитель морального закона, может быть конечной целью"³. "Поскольку мы требуем, чтобы личность уважалась всегда и везде, - добавлял к этому в полном согласии с учением Штаммлера П. И. Новгородцев, - обязанность взаимного признания не может быть ограничена никакими пределами и различиями. Никто не должен быть исключен из идеи всеобщего единства"⁴.

Небезынтересно отметить, что неокантианский философ права Г. Радбрух, опираясь на принципы уважения по Штаммлеру, утверждал возможность аргументации против смертной казни как вида наказания с позиций

¹ Штаммлер приводит в пример ст. 138 Германского гражданского уложения, согласно которой недействительна сделка, совершенная с использованием неопытности, затруднительного положения, отсутствия здравого рассудка, значительной слабости другой стороны, и влекущая для последней обязательства, явно несоразмерные получаемой выгоде.

² Фролова Е.А. Принцип этического идеализма в неокантианской философии права. // Право и государство: теория и практика. №8. 2013. С. 7

³ Давыдов и. Указ.соч. С. XL.

⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. / Новгородцев П.И. Избранные труды. М, 2010 С. 464.

индивидуализма, поскольку смертная казнь ни при каких обстоятельствах не может служить целям субъекта права (не оставляет ему вообще никаких благ), следовательно, противоречит идеалу человека как самоцели. Тем самым Радбрух возражал И. Канту, оправдывающему смертную казнь как якобы решение свободной воли преступника¹.

Принципы участия, по Штаммлеру, в свою очередь, таковы:

А) Нельзя произвольно исключать человека из общества ("правового общения").

Б) Всякая предоставленная законом власть может быть исключающей лишь при условии, что исключенный мог бы считать себя всё же "себе ближайшим"².

Здесь Штаммлер снова поясняет, что никто не должен иметь только лишь обязанности, но каждый должен быть обеспечен такими правами, которые избавили его от одинокой борьбы за существование. Смысл общества ученый видит во взаимовыгодном сотрудничестве, позволяющем каждому реализовывать свои интересы и быть более успешным в вопросе выживания: отсутствие взаимной выгоды противоречит идее права³. Или, как лаконично комментирует И. Покровский, требование социального идеала состоит в том, что *"общество должно обеспечивать каждому индивиду лучшее осуществление его целей, чем это было возможно для него вне общества"*⁴. Прекращение правовых связей (например, расторжение брака или увольнение с работы) допустимо только тогда, когда достижение общих целей соответствующего сообщества становится невозможным (один из участников произвольно лишается своей доли общих благ)⁵.

¹ Радбрух Г. Указ. соч. С. 178.

² Об изложенных принципах см.: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902.S.208-213; Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения.М.,1908.С.100-101. В предложенных формулировках соединены переводы Краснокутского и Покровского.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 196.

⁴ Покровский И.А. Указ.соч. С. 157.

⁵ Kraemer H. Op. cit. P. 34-35. В качестве примера первого принципа участия Штаммлер приводит право на необходимую оборону, а в качестве примера второго принципа участия – запрет шиканы. См. Stammler R. Der Richer. Halle, 2014. S. 54.

Указанная мысль, как представляется, идет еще от Ж.Ж. Руссо, который для первоначального заключения общественного договора (и установления правила принятия решений большинством голосов) считал необходимым согласие всех без исключения лиц, а не только большинства¹. У Штаммлера под влиянием Канта эта идея преобразовалась в принцип полезности общественного устройства для каждого (поэтому каждый по зрелому рассуждению согласился бы вступить в такое общество). И уже в формулировке Р. Штаммлера указанная мысль прочно укрепилась в неокантианской философии права, например в наше время О. Хёффе подчеркивает, что социальные блага и политические власти должны идти на пользу не просто обществу как коллективу, но и каждому в отдельности, что составляет один из основных постулатов политической справедливости². И точно так же, как у Штаммлера существование правового принуждения оправдывается только тем, что право есть попытка установления справедливости, у Хёффе именно "польза для каждого" как выражение справедливости обосновывает существование права и государства.

Сказанное, по Штаммлеру, не означает, что индивид не может быть понужден к каким-либо жертвам, в том числе и к жертве самим собой. Каждый обязан вносить свой вклад в общее дело, а этим общим делом может оказаться и война, если только она не является следствием произвола правителя или иных лиц³. С возможностью (в рамках индивидуализма) такого подхода соглашался Радбрух, полагая, что, в отличие от смертной казни, на войне человек жертвует своей жизнью ради жизней других людей, поэтому воинская повинность может быть оправдана с точки зрения справедливости⁴. Войну Штаммлер определяет как средство и инструмент на службе права; она позволяет защищаться от произвола со стороны врагов, но она должна также соответствовать идее права, в том числе

¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 92. В случае несогласия с данными условиями гражданин имеет право выхода из общества, но не имеет права самовольно изменять договор.

² Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007 С. 40, 96. Также указанный прием использовал Ролз, пытаясь определить, какие принципы одобрили бы как справедливые все без исключения лица.

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 285.

⁴ Радбрух Г. Указ. соч. С. 188.

международного права как ненарушимого самовластного надгосударственного воления¹. Штаммлер признает, что война приносит беды и разрушения, и во многих случаях ее можно было бы избежать посредством международных третейских судов, но, с другой стороны, такого рода органы не могут считаться абсолютным средством достижения идеала, особенно если они неспособны обеспечить действительно беспристрастное и равное отношение к спорящим сторонам. Именно такая ситуация, по мнению ученого, имеет место в Европе после Первой мировой войны: пока английская жажда прибыли, французская мстительность и итальянская лживость рассматриваются как высшие цели, было бы глупо и несправедливо позволить им себя покорить. Штаммлер верит в то, что Германия как центр духовной культуры способна показать миру иной способ стремления к международной справедливости².

По мысли Штаммлера, изложенные принципы правильного права являются не правовыми нормами, а методическими директивами для их оценки, что отличает принципы от "основных прав", которые содержатся в декларациях, конституциях и международных документах, и всегда ограничены в своем предмете³. Нельзя не отметить, что понятие произвола в формулировках принципов правильного права употребляется Штаммлером в значении, ином по сравнению с тем, которое вкладывалось в понятие произвола как антитезы праву. Здесь произвол – возможность любого лица поступать по своему усмотрению, там – отказ законодателя следовать своим же повелениям⁴.

Комментируя предложенные принципы правильного права, Штаммлер сравнивает их с тезисом Канта: "*Прав* любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом"⁵. По мнению Штаммлера, ошибка Канта

¹ Stammeler. Der Krieg und das Recht. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 42.

² Stammeler. Recht und Macht. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 138-139.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 102.

⁴ Wenn M. Op. cit. S. 233-234.

⁵ См.: Кант И. Метафизика нравов. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 285.

заключается в том, что он пытался определить одновременно и понятие, и правильное содержание права, и, кроме того, не прояснил связь понятия свободы, употребление которого в цитированном отрывке вызывает недоразумения, со всеобщим законом¹. Таким образом, утверждение Канта страдает неполнотой, но при правильной его интерпретации оно может быть включено в вышеизложенные принципы уважения, но лишь косвенно – в принципы участия². Внешний произвол одного лица, совместимый с внешним произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы, соответствует правильному праву. Заметим, что эта формулировка, будучи выражением принципов уважения по Штаммлеру и понятия права по Канту, еще не раскрывает суть самого "всеобщего закона свободы", для чего и нужны предлагаемые Штаммлером принципы участия.

Приходится констатировать, что в отечественной литературе принципы правильного права, сформулированные Штаммлером, к сожалению, не подвергались хоть сколько-нибудь подробному анализу. Критики Штаммлера сосредотачивали свое основное внимание на методологии немецкого мыслителя, и, в меньшей степени, на следующей из этой методологии формуле "общества свободно хотящих людей". Однако эта последняя, как показало наше изложение, зачастую понималась неверно, поэтому соответствующая критика, как правило, шла мимо цели. Так, социальный идеал, по Штаммлеру, вовсе не был обращен к психике отдельных индивидов, а выражение "политика права" означало у Штаммлера совсем не то, что подразумевал под ним Петражицкий (не поиск путей морального совершенствования личности и постепенное отмирание

¹ С указанной позицией Штаммлера следует согласиться, однако при этом подчеркнуть, что у Канта в том же месте дано определение права, где понятие свободы употребляется более удачно, и это определение имеет тот же смысл, что и принципы уважения по Штаммлеру: "право – это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы". Что касается допускаемого Кантом дуализма в определении права (смешение в одном определении естественного и позитивного права), то он справедливо отмечается и другими мыслителями. См. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 138; Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 387.

² Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902.S. 210.

внешних принудительных норм, а проверка указанных норм, неизбежных для любого общества, на соответствие формальному критерию правильности)¹.

В зарубежной научной литературе неоднократно указывалось на то, что принципы правильного права у Штаммлера не связаны дедуктивно ни с "обществом свободно хотящих людей", ни с "категорическим императивом" (Великовский, Клэссен), кроме того, вопреки утверждению Штаммлера, представляют собой хотя и чрезвычайно абстрактные, но всё же правила поведения, а не только "методические директивы" (Канторович, Клэссен)². Одновременно отмечалось (М.Е. Майер), что принципы правильного права не зависят от опыта, но в то же время и не трансцендентны (метафизичны)³.

Профессор G. Sabine высказал тезис, согласно которому Штаммлер дополняет кантовский принцип уважения скорее платоновским принципом участия: "Член общества не только достоин уважения как цель в себе, и, следовательно, должен быть защищен от произвольного навязывания чужой воли, но также имеет право на долю благ, материальных и духовных, которые его труд помогает создавать и поддерживать"⁴.

Здесь нужно подчеркнуть, что *Кант* в свое время был одним из первых, кто приступил к систематическому обоснованию идей *либерализма*; его политическая философия выступила против поглощения индивида обществом; индивид, по Канту, есть существо самостоятельное, не нуждающееся во внешней опеке, поэтому "на государстве нет бремени забот о материальной обеспеченности граждан, об удовлетворении их социальных и культурных нужд, об их труде,

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902.S. 74-75. Кант отмечал, что соотносимой с его "метафизикой нравов" другой частью практической философии должна стать "моральная антропология, которая, однако, содержала бы только учение о субъективных препятствующих и благоприятствующих условиях *исполнения* законов метафизики нравов в человеческой природе". Нам представляется, что учение Штаммлера выполнено в духе метафизики нравов Канта, тогда как политика права Петражицкого представляет собой именно моральную антропологию. См.: Кант И. Метафизика нравов. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 273.

² Claessen H. Op. cit. S. 71.

³ Mayer M.E. Op. cit. S. 190.

⁴ Sabine G. Op. cit. P. 348.

здоровье, просвещении и т.д."¹. "Отеческое правление" Кант считал величайшим деспотизмом². *Неокантианская* политическая философия, в противоположность сказанному, восприняла современные ей (конец XIX – начало XX вв.) идеи *неолиберализма*, или социального либерализма (в терминологии П. Струве), вызванные усложнением социальной жизни, очевидной необходимостью помощи экономически незащищенным слоям населения, перехода от *laissez-faire* к социальному государству³.

Дополнение Штаммлером кантианского либерализма отчасти платоновскими принципами участия отражает указанные идеи неолиберализма⁴. Ученый подчеркивает, что "общество свободно хотящих людей как безусловная цель социальной жизни отнюдь не тождественно с тем, что вообще называется политически свободным государством. "Политическая свобода"... всегда может означать лишь особое средство"⁵. Поэтому неправ Кистяковский, утверждающий, что у Штаммлера, как и у Монтескье, Руссо, Канта или Фихте идея права заключается в свободе. Штаммлер ближе скорее самому Кистяковскому, выделяющему две цели права: свобода и справедливость⁶. При этом Штаммлер считает несправедливым отказ от "отеческого правления" именно ради обеспечения равной свободы, то есть прежние идеалы в целом остаются, но их понимание становится более глубоким. Кроме того, Штаммлер не соглашается с тем, что вопрос социальной помощи, например помощи работникам при

¹ История политических и правовых учений. М., 2001. С. 403. См. также стр. 400-402.

² См. об этом: Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства. // Государство и право. - 2013. - №7. С. 94.

³ См., напр.: Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 373-389; Она же. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 63.

⁴ Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект). // Государство и право. 2015. №1. С. 79. Автор полагает, что концепция естественного права с изменяющимся содержанием по сути отражает необходимость обеспечения социально-экономических и культурных прав в рамках социального государства.

⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 288.

⁶ Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 630.

несчастном случае на производстве, относится исключительно к сфере нравственности, а не права¹.

Согласно центральной идее социального либерализма свобода, ведущая к сильному социальному расслоению, отрицает сама себя, делая права человека неосуществимыми, поэтому, как отмечал П.И. Новгородцев, "именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления"².

Вообще, базовая идея Штаммлера - естественное право с меняющимся содержанием – уже сама по себе предполагает, что "не только возможность осуществления, но само наличие прав и свобод зависит от уровня развития общества, его материальной и духовной культуры"³. Тем самым, как представляется, Штаммлер отчасти учитывает вышеприведенную критику Канта Гегелем (правильное право зависит от развития общества, хотя сама идея права и остается кантианской). Однако, указывая на право каждого на некоторую долю социальных благ, предложенные Штаммлером принципы правильного права сами по себе еще не содержат конкретных критериев определения размера данной доли.

Речь здесь идет, в том числе, об определении оптимальной степени вмешательства государства в экономику (принципах распределения социальных благ между социальными группами). По мнению Штаммлера, указанная степень не может быть точно обоснована в отрыве от обусловленной правовой материи: в каждом конкретном случае правильным будет свой уровень исходя из

¹ Stammer R. *Recht und Kirche*. // *Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge*. Bd. 2. Charlottenburg, 1925. S. 157.

² Новгородцев П.И. *Право на достойное человеческое существование* // *Сочинения*. М., 1995. С. 322.

³ Фролова Е.А. *Теория естественного права (историко-теоретический аспект)*. // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2013. №2. С. 76. Автор обращает внимание на позицию Штаммлера, согласно которой рабовладение в США долгое время считалось естественным. См. также: Фролова Е.А. *Правовой идеал в философии права*. // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2011. №5. С. 74. Помимо этого в юридической литературе отмечается, что в зависимости от материальных условий жизни общества, ценность права первоначально была в утрашении человека, а впоследствии – в утверждении человеческого достоинства. См.: Жуков В.Н. *Право как ценность*. // *Государство и право*. 2010. №1. С. 24-27.

формального критерия правильного права. Но конкретизацию данный критерий получает не в принципах правильного права, а лишь при дальнейшем раскрытии идеи правильного права.

Следует отметить, что схожая позиция была свойственна отечественным представителям неокантианства. Так, С.Н. Булгаков, обосновывая, в полемике со Штаммлером социальный идеал в понятиях свободы и равенства, полагал: "Отграничить точно и бесспорно, где кончаются права общества и государства, и начинается область неприкосновенных прав личности, невозможно даже в теории. В истории эта граница [между социализмом и индивидуализмом – прим. – Н.Ш.] постоянно передвигается то в ту, то в другую сторону"¹. П.И. Новгородцев, также описывая правовой идеал в понятиях свободы и равенства, обращал внимание на их постепенную эволюцию. Эволюция понятия свободы, согласно мнению ученого, выразилась в осознании того, что государство должно не только даровать, но и обеспечить свободу. Однако определять границы государственного вмешательства посредством какой-либо единой формулы русский ученый отказывался, полагая это невозможным². Новое понятие равенства, в свою очередь, по мнению мыслителя таково, что это уже не равенство всех перед законом, а "равенство возможностей, или равенство исходного пункта"³. При этом, опять же, понятие "равного исходного пункта" не может получить точного материального определения⁴. Новгородцев отмечает, что подобные задачи практической жизни сложны и не разрешаются сразу – важно уже одно признание этих задач⁵. Таким образом, мы видим, что отказ Штаммлера единой формулой определять степень государственного вмешательства в свободу личности с целью перераспределения социальных благ нашел отклик у исследователей его творчества (однако уже во второй половине XX века заслуживающая внимания

¹ Булгаков С.Н. О социальном идеале. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 306.

² Там же. С. 313-315.

³ Там же. С. 316.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же. С. 320.

попытка найти такую формулу имела место в трудах американского исследователя Дж. Ролза).

Впрочем, одно указание по вопросу распределения социальных благ у Штаммлера имеется. Философ приводит в пример известного педагога Песталоцци, который уделял больше внимания менее одаренным ученикам, и называет такое решение справедливым, ибо "оно споспешествует каждому объективно обоснованным образом, - не считаясь с чисто личными желаниями его самого или других членов социального общения"¹. Штаммлер, следовательно, выступает за равенство возможностей (достигаемое в первую очередь через надлежащее образование), даже если для этого требуется неравное отношение. Как показано выше, П.И. Новгородцев впоследствии высказывал аналогичные взгляды, и придавал первостепенное значение тому положению, что "государство должно стремиться по возможности дать всем равные стартовые возможности, без чего равенство перед законом является юридической фикцией"². Еще позднее Дж. Ролз в своем фундаментальном труде "Теория справедливости" назвал одним из основ распределяющей справедливости принцип честного равенства возможностей³. Таким образом, Штаммлер отстаивает один из важнейших постулатов распределяющей справедливости. Сказанное позволяет некоторым исследователям считать Штаммлера автором теоретических основ немецкой социал-демократии, и утверждать, что если, по выражению Г. Когена, Кант является настоящим основоположником немецкого социализма, то Штаммлера следует признать зачинателем ревизии немецкого социал-демократизма⁴.

Более того, Штаммлер идет дальше в проработке идеи справедливости. Называя принципы правильного права "направляющими линиями" обработки материи социальной жизни, он считает, что сами они еще не содержат ничего, что

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 289.

² Соловьев К.А. Павел Иванович Новгородцев. // Новгородцев П.И. Избранные труды. М., 2010. С. 8 (вступление к сборнику).

³ Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2010. С. 84-89, 267 и др. Аргументация такова, что никто не должен нести ответственность за свою природную неодаренность, а также за социальные случайности.

⁴ Breuer I. Op. cit. S. 83.

могло бы предопределить конкретное содержание позитивного права. Для этого, по мнению мыслителя, нужно выработать *прообраз* (Vorbild) правильного права – общезначимый метод, с помощью которого мы могли бы находить правильную норму права для конкретной ситуации. Таким образом, по Штаммлеру выделяются итого *четыре стадии нахождения правильного права*, включающие формулировку правового идеала (1), принципов правильного права (2), прообраза правильного права (3) и, наконец, вынесение обоснованного решения в конкретной ситуации (4)¹. В литературе указывалось на схожесть указанной схемы со взглядами Ф. Аквинского, выделявшего божественный, естественный и позитивный виды законов².

Говоря о прообразе правильного права, Штаммлер отмечает, что "в обществе люди стоят друг к другу в различных отношениях: одни ближе, другие дальше; от одних я могу потребовать большего, от других меньшего, но зато и сам первым обязан (в смысле своего поведения) давать больше, другим меньше. Таким образом, вокруг каждого лица по степени социальной близости располагаются разнообразные *концентрические круги*. Это ясно выражается например в концентрических классах наследников и в сфере семейных отношений... Если теперь между двумя лицами возникает спор, каким поведением и в какой мере один из них обязан другому, то для решения этого спора в духе справедливого права обоих спорящих надо мысленно поставить в надлежащий концентрический круг, в некоторую специальную общность (Sondergemeinschaft); тогда мера справедливого поведения и исполнения их друг другу определится яснее"³. Это мысленное, не зависящее от позитивного права определение *специальной общности* составляет, по Штаммлеру, прообраз правильного права; принципы правильного права должны применяться именно к абстрактной Sondergemeinschaft, характеризующейся общими целями⁴.

¹ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 276-280.

² Claessen H. Op. cit. S. 83. Божественный закон соотносится с общественным идеалом, а естественный закон – с правильным правом.

³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 158-159.

⁴ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 281.

Сказанное, по нашему мнению, можно интерпретировать следующим образом. Человек не должен подвергаться дискриминации (необоснованному притеснению); он в любом случае имеет право на долю социальных благ, но конкретный размер этой доли зависит от концентрического круга, в котором лицо состоит. Специальная общность (круг) определяется степенью близости лиц к спорным, подлежащим распределению, объектам прав (вещам, услугам, возможностям, нематериальным благам и пр.), то есть степенью вовлеченности лиц в соответствующие отношения, и в рамках этой специальной общности каждый должен получить равную выгоду или равный ущерб. Так, работники должны иметь равные трудовые права, поскольку все они являются работниками, а в рамках общего законодательства работники конкретного предприятия также должны иметь равные возможности, касающиеся этого предприятия, поскольку они в равной мере принадлежат ему. Одновременно в той мере, в какой конкретный работник является участником других правоотношений, он имеет права, отличные от прав тех людей, которые ежедневно трудятся с ним вместе. Этим, как представляется, объясняется и преимущественное право арендатора земельного участка приобрести его в собственность или в аренду, тогда как в отношении других земельных участков его права аналогичны правам других лиц.

Р. Штаммлер выделяет три эмпирических типа ситуаций, при которых применяется критерий правильного права: 1) определение справедливого соотношения взаимоисключающих абсолютных прав; 2) установление справедливости при исполнении обязательств; 3) определение справедливого возмещения убытков.

Касаемо первого типа ситуаций, Штаммлер иллюстрирует идею прообраза правильного права на знаменитом деле мельника Арнольда из эпохи Фридриха Великого. Собственник земельного участка, располагающегося по течению реки выше мельницы, соорудил в собственных интересах плотину, чем сделал затруднительной эксплуатацию мельницы собственником последней. Вопрос состоит в том, имел ли он на это право: с одной стороны, он лишь реализовал свое право собственности, с другой – воспрепятствовал реализации аналогичного

права собственности другого лица. По мнению Штаммлера, мельник и его сосед должны быть мысленно поставлены в некоторую специальную для них общность, причем оба должны пользоваться своим правом так, чтобы каждый оставался "себе ближайшим": правильным, таким образом, было бы пропорциональное разложение *вреда* между обоими лицами¹.

В области справедливого исполнения обязательств Штаммлер приводит пример парижского госпитального врача Альбаррана, который выставил огромный счет бедному бакалейщику за лечение его жены, находящейся при смерти. По мнению ученого, второй принцип уважения требует здесь уменьшения гонорара врача, а в качестве критерия цены следует рассматривать, с одной стороны, авторитет врача и тяжесть болезни, но, с другой стороны, и доходы пациента². В остальных случаях, где равенство возможностей соблюдается, справедливой будет любая рыночная цена.

В области возмещения убытков справедливым будет решение, основанное на сопоставлении потерь и приобретений каждого из участников соответствующих правоотношений, при этом интересы участников оцениваются как равнозначные³.

Мысль о специальном сообществе представляет собой ответ на вопрос: "Кто есть мой ближний?", помогающая верно применить принципы правильного права. Анализируя библейскую заповедь любви к ближнему, Штаммлер отмечает, что каждый человек от природы привязан больше всего к самому себе, и в социальном общении неизбежно вступает с одними людьми в более близкие отношения, чем с другими. Вышеуказанная заповедь, будучи нравственным правилом, сама по себе не является достаточно определенным выражением правового идеала. В контексте правил внешнего поведения любовь к ближнему не должна пониматься так, что дальний человек имеет право требовать от нас столько же, сколько и ближний. В известной притче Христа о добром самаритянине, оказавшем на дороге помощь жертве разбойников, необходимость

¹ См. об этом: Покровский И.А. Указ. соч. С. 160.

² Claessen H. Op. cit. S. 48.

³ Ibid. S. 49.

помощи обосновывается именно тем, что самаритянин в своем положении стал жертве ближним. Как отмечал еще Кант, я могу испытывать ко всем равное чувство любви, но в поступках имеются определенные критерии, согласно которым я могу сделать для одного больше, чем для другого, не нарушая при этом единства своей максимы. Ни одна система права не свободна от подобного ранжирования, однако те критерии, которые уже имеются в исторически данном праве, не являются безусловно правильными¹. Ответ на этот вопрос всегда требует дополнительного исследования и не может быть универсальным и абсолютно точным².

Применительно к вышеупомянутой ситуации автомобильной аварии изложенный критерий, как представляется, означает следующее. Сам по себе вопрос об учреждении конкретных форм государственных услуг полиции и здравоохранения (в том числе о необходимости регулировать дорожное движение, об объеме медицинской помощи) Штаммлер оставляет в стороне, но и полицейский, и врач являются потерпевшему в аварии ближними, поэтому должны оказать ему помощь. В то же время, ближними они приходятся потерпевшему в различных смыслах, так как сами относятся к различным профессиональным концентрическим кругам. Их помощь должна состоять в выполнении заранее установленных функций, которым корреспондирует обязанность лица уплачивать налоги. Общей целью здесь, судя по всему, будет безопасность. Лица из семейного круга, в свою очередь, должны оказать потерпевшему материальную и моральную поддержку, обусловленную целями семьи. Те же, кто случайно оказался на месте происшествия, по нашему мнению, будут приходиться потерпевшему ближними в общем смысле, и обязаны оказать ему помощь лишь в случае, если такая обязанность подразумевается общими целями, причем эта обязанность должна устанавливаться равной в отношении всех лиц данной общности. Штаммлер также приводит в пример ситуацию, когда хороший пловец идет вдоль берега реки и видит утопающего. По мнению

¹ О понятии ближнего см.: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 285-291.

² Ibid. S. 305-306.

ученого, согласно первому принципу участия нельзя произвольно исключать человека из правового общения, следовательно, уклонение от спасения человека будет неправильным; с другой стороны, поскольку каждый должен оставаться "себе ближайшим", никто не обязан рисковать своей жизнью в подобной ситуации¹.

Установление меры справедливого поведения в каждом конкретном случае есть задача законодателя или лиц, которым он делегировал это полномочие. Так образуется "*политика права*", в области которой принципы правильного права преобразуются в четыре постулата:

- 1) Постулат правовой защищенности: право должно защищать от произвола и отменяться лишь последующим правом.
- 2) Постулат личности: обязывание индивида правом должно осуществляться в русле идеи общих целей, при этом каждый должен оставаться самоцелью.
- 3) Постулат общей заботы: человек не должен ставиться в такие условия, при которых он будет вынужден бороться за выживание.
- 4) Постулат меры: предоставленная индивиду власть должна быть всесторонне ограничена.

Научный характер политика права имеет лишь в том случае, если следует абсолютной идее правильного права: для этого надо установить необходимость социальных явлений при действующем правовом регулировании; оценить его как правильное или неправильное; обосновать необходимость правильных социальных явлений при ином правовом регулировании. Естественно, что реализация такой политики права сталкивается с объективными трудностями².

Подводя итоги вышеизложенному, представляется необходимым оценить тот вклад, который сделал Р. Штаммлер в философию права своей теорией социального идеала. В литературе отмечается, что И. Кант не открыл в "Критике практического разума" новые нравственные идеалы, но только дал новую формулу прежним, что само по себе является большой заслугой, сравнимой с

¹ Mayer M.E. Op. cit. S. 195.

² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоповедения. М., 1908. С. 106-107.

открытием математической формулы¹. Подобно этому, как нам представляется, Р. Штаммлер обосновал множество верных мыслей о правовом идеале, которые высказывались и до него, но попытался придать указанным мыслям новую, научную форму. Будь эта задача выполнена успешно, научные заслуги Штаммлера были бы неоспоримы. К сожалению, формулировка правового идеала, данная Штаммлером – "общество свободно хотящих людей" – своей неясностью вызвала многочисленные споры среди его критиков. Внимательный анализ трудов философа, как было показано выше, устраняет многие имеющиеся на этот счет недоразумения, однако не делает саму указанную формулировку более удачной. Тем не менее, заслугой Штаммлера, по нашему мнению, можно считать последовательное применение неокантианской методологии к вопросу идеального права, установление принципов такого права, разработку метода "прообраза правильного права" ("концентрических кругов", "специальных общностей"), с помощью которого критерий социального идеала стал применим к конкретным общественным отношениям. И.А. Покровский считал названный метод "вызывающим сомнения"², однако факт остается фактом: обстоятельному исследованию в отечественной науке он не подвергался, а потому концепция социального идеала Р. Штаммлера до настоящего времени не исчерпала своего значения.

¹ Слинин Я.А. Этика Иммануила Канта. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 20.

² Покровский И.А. Указ. соч. С. 165.

Глава III. КРИТИКА МАРКСИЗМА И АНАРХИЗМА

1. Критика анархизма

Р. Штаммлер отводит праву важнейшую роль среди видов социального воления (социальных норм). Эту роль ученый обосновывает через обстоятельную критику анархизма, ведь именно анархизм представляет собой учение, полностью отрицающее необходимость самовластных правовых установлений¹. Штаммлер пытается обратить внимание на теоретические основы анархизма и показать, что "достойная проклятия" практика анархизма, связанная со зверскими преступлениями, не имеет с этими основами ничего общего². С другой стороны, анархизм, взятый с чисто теоретической своей стороны, также является несостоятельным социальным учением. И именно через теоретическую несостоятельность анархизма раскрывается вся значимость (не только регулятивная, но и гносеологическая) права. Развивая свою социальную философию, Штаммлер, по оценке Н.Н. Алексева, впервые поднял критику анархизма на общеправовую высоту³.

Как было сказано нами ранее, Р. Штаммлер выделяет три фундаментальных вопроса философии права: 1) вопрос о понятии права; 2) вопрос обоснованности правового принуждения; 3) вопрос о справедливом праве⁴. Критика анархизма предоставляет ответ на второй из этих вопросов.

В первую очередь Штаммлер остерегает нас от понимания анархизма как особого вида социализма. Социализм предполагает обобществление средств производства и планомерно организованное социальное хозяйство, тогда как анархизм полностью отрицает общность имущества и какую бы то ни было принудительную организацию совместной деятельности; таким образом,

¹ Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М., 1906. С. 9-10.

² Там же. С. 7.

³ Алексева Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера. // Вопросы философии и психологии. № 1 (96). Январь-февраль 1909. С. 3-4.

⁴ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 4, 28, 142.

социализм выступает против сложившегося правового строя, тогда как анархизм – против правового строя вообще¹. Одновременно анархизм не следует путать с состоянием анархии: анархизм есть всё же упорядоченное общежитие, но упорядоченное без использования правового принуждения². На вопрос как это возможно по-разному отвечали мыслители, которые, как пишет Штаммлер, теперь считаются основателями анархизма - П.Ж. Прудон и М. Штирнер.

Взгляды Прудона, замечает Штаммлер, изменялись в течение жизни автора, который сначала развивал теорию анархизма, а потом утверждал, что анархистский идеал недостижим, и правильным общественным устройством является федерализм. Штаммлер предпринимает попытку систематически проанализировать только одну из сторон философии Прудона – анархистскую. Прудон считал, что существует некий естественный, разумный и гармоничный порядок общественных отношений, который воцарился бы в отсутствие правового принуждения. Право мыслитель олицетворял с эксплуатацией человека человеком, которое всегда воровство, и господством человека над человеком, которое суть рабство; право есть оружие сильных. Справедливой же, по мнению Прудона, является организация общества, основанная на свободно заключаемых и свободно расторгаемых соглашениях. Штаммлер, во-первых, утверждает, что мысль о существовании естественной гармонии как законной основы общественной жизни неверна. Вряд ли человечеству когда-либо удастся охватить научным анализом все естественные побуждения человека, и вряд ли они изначально гармонизированы друг с другом и с аналогичными побуждениями других людей. Но, более того, во-вторых, общество вообще логически немыслимо без внешних, искусственно созданных правил поведения (в их отсутствие останется лишь инстинктивное, животное поведение), поэтому свободное производство и свободный обмен, о которых говорит Прудон, уже предполагают некоторое соглашение между людьми, устанавливающее эту свободу³.

¹ Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М., 1906. С. 8-9.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 14-23.

Общественное взаимодействие, таким образом, немисливо без внешних правил поведения.

Подробно рассматривает Штаммлер и взгляды Макса Штирнера, который отрицал не только любые правовые, но и моральные нормы, а также идеал человека, признавая право каждого быть абсолютным эгоистом. Политический либерализм, по Штирнеру, сохраняет лишь часть свобод, но не гарантирует абсолютную свободу; в действительности представительное большинство не должно навязывать индивиду обязательные правила поведения (все это лишь вид рабства). Социальный либерализм (социализм) в попытке освободить людей от имущественного неравенства желает сделать всех в равной степени нищими и обязать всех трудиться, но тем самым предлагает лишь другой вид рабства. В итоге любой либерализм восстает против эгоизма, предоставляя человеку лишь ограниченную свободу. Но само установление идеала человека Штирнер считает ненужным: история знала лишь эгоистов (кроме Христа-сверхчеловека). Это утверждение Штирнера о том, что отсутствие идеальных людей делает ненужным идеал человека, Штаммлер справедливо расценивает как "непозволительное догматическое допущение"¹. Но это возражение Штаммлера оправдывает лишь моральные нормы. Одновременно Штирнером не отрицается необходимость "соединения эгоистов". Другое дело, что это сотрудничество должно осуществляться исключительно на добровольных началах, и вовсе не означает отношения к другим людям как к равным себе. Таким образом, Штирнер допускает существование конвенциональных общественных норм, который каждый эгоист волен расторгнуть в отношении себя в любой момент². Сотрудничество людей всегда имело и будет иметь место, но суть анархизма заключается в убеждении, что единственным видом такого сотрудничества должно стать конвенциональное³.

Современный анархизм, по мнению Р. Штаммлера, подразделяется на два направления.

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 32-33.

³ Там же. С. 42-43.

Коммунистический анархизм в духе Бакунина и Кропоткина вынашивает идею братства (безграничной свободы и равенства в наслаждении) и основан скорее не на научной теории, а на чувственном опыте. Этот анархизм не отрицает конвенциональных объединений. Его лозунг: "Каждый – по способностям, каждому – по потребностям". Такой строй, по мнению представителей рассматриваемого течения, возможен потому, что рабочий не является узколобым эгоистом, и способен честно выполнять взятые на себя обязательства и контролировать свои потребности. Штаммлер практически не рассматривает коммунистический анархизм, считая его хотя и наиболее популярным, но ненаучным, не показывающим, во-первых, конкретных путей достижения рисуемого идеального строя, а во-вторых, неспособным последовательно отрицать частную собственность (которая также может быть "потребностью" индивида и средством выражения его способностей) при утверждении ценности отдельного индивида¹.

Большой интерес у автора вызывает индивидуалистический анархизм К. Туккера и Дж. Маккея. Анализируя произведения писателя-анархиста Джона Маккея, Штаммлер отмечал, что тот, подобно Прудону, не доказал возможность естественного взаимодействия людей в отсутствие внешних норм. В действительности, если даже отрицать правовое принуждение, неизбежно остаются конвенциональные правила поведения². Таким образом, индивидуалистический анархизм не идет дальше доктрины Штирнера. По сути, говорит Штаммлер, этот анархизм является продолжателем манчестерской школы, но в своих выводах идет дальше нее, отрицая даже минимальное правовое регулирование во имя поддержания элементарного порядка. Конечно, остается проблемным вопрос, как достигнуть при этом равенства людей. Но это вопрос о средствах, тогда как Штаммлер предлагает нам логически оценить саму цель, то есть теоретический, а не практический аспект анархизма.

¹ Там же. С. 44-46, 48-50.

² Там же. С. 51.

Сразу отметим, что ученый не берет в расчет идею "высоконравственного общения", делающего излишним социальные нормы (по всей видимости, потому, что таковое суть лишь утопия), а также идею жизни индивида вне общества на основе одних только инстинктов (эта идея также представляется ему "абстракцией")¹. Данные моменты были обговорены Штаммлером при анализе понятия общества. Теперь речь идет о том, как может быть устроено общество.

В итоге анархизм определяется Штаммлером как "организация человеческого общества только при помощи конвенциональных правил"². В связи с этим в особом оправдании нуждаются правовые нормы, и Штаммлер предоставляет таковое, переходя к главной части своей критики анархизма.

Конечно, говорит он, право не может оправдываться предоставлением человеку лучшей, по сравнению с животной, жизнью, ведь и в условиях правопорядка людям далеко не всегда гарантировалась защита жизни, семьи и собственности: часто право закрепляло рабство и насилие, да и война всех против всех, если и имела когда-то место, благодаря праву лишь сменилась на войны между государствами; отсутствие права еще не означает войны всех против всех³. С другой стороны, Штаммлер утверждает, что социальное регулирование само по себе является "относительно хорошим средством" для прогресса, научно-технического господства над природой⁴. Проблема в том, чтобы оправдать именно правовые нормы, которые, в отличие от конвенциональных, самовластны, то есть сами определяют пределы своего действия в пространстве, времени и по кругу лиц. Это оправдание должно исходить не из конкретного содержания правовых норм, а из их сущностных характеристик.

Безусловное, общезначимое оправдание права состоит в том, что *конвенциональные нормы по своей сути предполагают взаимодействие людей дееспособных, а именно обладающих способностью вступать в договоры (konventionsfähig), заключать те самые конвенции, на которых основаны*

¹ Там же. С. 59-60.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 63-65.

⁴ Там же. С. 61.

конвенциональные нормы, а недееспособные (дети, старики, сумасшедшие, тяжелобольные) априори исключаются из подобной коммуникации. Это означает, что конвенциональные нормы существуют не для всех членов общества, тогда как право – единственная форма регуляции, открытая для всех, определяющая общие цели всех, и именно право устанавливает признаки, квалифицирующие субъекта как дееспособного¹. Таким образом, правовое принуждение может служить добру или злу, но оно оправдано уже тем, что без него не существует общество как таковое: минимальная доля права всегда должна быть. В связи с этим анархизм оказывается несостоятельным, и Штаммлер полностью солидаризируется с Кантом, считавшим необходимым создать такое гражданское общество, которое "во всех отношениях управлялось бы на основании права"². Право есть неизбежное средство достижения общих целей, иными словами, Штаммлер делает вывод о том, что общество без права не существует (*ubi societas, ibi jus*)³.

Но если право неизбежно для достижения социальных целей, и при этом, в отличие от конвенциональных норм, является самовластным, то его существование, пишет Штаммлер, может быть оправдано только тем, что оно всегда представляет собой попытку быть справедливым. Право есть "принудительное стремление к правильному" (*Zwangsversuch zum Richtigen*). Мы, конечно, не можем отрицать всякое неправильное право, так как сама характеристика той или иной нормы права как правильной постоянно изменяется вместе с разнообразными условиями, и мы лишь пытаемся ее достичь, но, тем не менее, эта попытка всегда должна иметь место, иначе в самовластности права нет никакого смысла (она будет служить неправильным социальным целям или

¹ Там же. С. 66-67.

² Там же. С. 70.

³ На этом основании Штаммлер не соглашается с различием Ф. Тённисом общности и общества, где первая характеризуется порядком, основанным на тесных эмоциональных связях, а второе основано на безличных правовых связях. Поскольку право подразумевается самим понятием общества, - пишет Штаммлер, - оно также неизбежно и для общности. Кроме того, анализ исторических событий и развития человечества (по Тённису: от общности к обществу) не может сам по себе служить основной для выведения систематического понятия общества. См. рецензию на книгу Тённиса в: Stammer R. *Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge*. Bd. 1. Charlottenburg, 1925. S. 43-48.

произволу)¹. Таким образом, учением о праве как о том, что есть, Штаммлер ярко актуализировал учение о праве как о должном. И, надо сказать, эта мысль была активно воспринята юридическим неокантианством. Так, по мнению Г. Радбруха, невозможно вообще определить право, в том числе позитивное право, иначе как порядок и установление, которые по своему смыслу направлены на то, чтобы служить справедливости. С этой точкой зрения соглашается и регулярно цитирует ее ныне О. Хёффе². И тем не менее, важно подчеркнуть, что у Штаммлера, в отличие от двух названных мыслителей, попытка права быть справедливым рассматривается скорее как благое пожелание, чем сущностная характеристика права.

Необходимо отметить и то, что Штаммлер обосновал лишь минимальное наличие права в любом обществе. Однако насколько широка должна быть сфера правового регулирования – зависит уже от конкретных обстоятельств. По сути, Штаммлер не исключает такого общества, в котором право определяет лишь критерии дееспособности, а все остальные отношения регулируются конвенционально. Полагаем, что выделение ученым "кроткого права" также призвано показать, что принудительная регламентация не всегда оправдана.

Взгляды Штаммлера на анархизм подверглись заслуживающей внимание критике со стороны И. Бройера. Последний утверждал, что необходимость объединения людей в общество сама должна быть обоснована, тогда как Штаммлер полагает ее разумеющейся, и на этом основании противопоставляет общество природе. По мнению рассматриваемого критика, человек в принципе может существовать и без общества и самостоятельно решать вопрос о вступлении в него; лишение человека этого выбора должно быть еще обосновано. Вопрос, который ставится анархизмом, заключается не в том, какова общезначимая закономерность социального развития, а в том, оправдано ли вообще социальное. Следовательно, отвергая анархизм как учение, неспособное дать общезначимой закономерности, Штаммлер "бьет мимо цели", так как

¹ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 87-88. Иными словами, ставится под сомнение польза от объединения людей в общество.

² См., напр.: Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007. С. 50.

анархизм и не пытается отыскать эту закономерность; появление же самой социальной жизни у Штамллера осталось необоснованным¹.

Следует отметить, что теоретическая критика анархизма актуальна и в наши дни. Современный неокантианский автор О. Хёффе попытался опровергнуть анархизм доказательством априорной обоснованностью объединения в общество, то есть акцентировал внимание именно на том аспекте, который упоминал Бройер. Иными словами, обоснованию у Хёффе подлежит не самовластность правовых норм, как у Штамллера, а их принудительность, которые, как мы уже говорили, следует различать. Эту анархизма можно рассматривать как дополнение к штамллеровской, но ориентированной на сугубо позитивистское понимание права.

Социальное регулирование, по Хёффе, оправдывается тем, что в досоциальном состоянии конфликты между рядом живущими людьми ввиду ограниченности (в конечном счете) ресурсов и неограниченности (покуда нравственность не возобладает) потребностей попросту неизбежны, и эти конфликты уже подразумевают ограничение свободы (изначального "права на всё", то есть волей-неволей заставляют людей ограничивать себя в чем-либо), "сами по себе имеют значение принуждения"; следовательно досоциальное состояние ничем принципиально не отличается от социального: ограничения свободы есть везде². Далее автор предпринимает попытку доказать, что социальное ограничение свобод в любом случае лучше досоциального. Указанная попытка представляется необоснованной, и прав Штаммлер, который считал социальное регулирование лишь *относительно* пригодным средством, не делая здесь никаких априорных выводов: в конечном счете, выводы зависят от содержания социальных норм. Необходимость именно правового регулирования Хёффе обосновывает его большей определенностью, позволяющей сохранить

¹ Breuer I. Op. cit. S. 38-46.

² Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 209-211. Это обоснование, как видим, предполагает логическую предпосылку сосуществования людей, а также эмпирические допущения, но только такие, которые очевидно присутствуют в любой ситуации сосуществования (ограниченность ресурсов, отсутствие святых).

союз. Ученый приводит в качестве аргумента проблему "проезда зайцем" (иллюстрированной в теории игр "дилеммой заключенного"): в отсутствие механизма правосудия каждому выгоднее не соблюдать социальные нормы, но это ведет к распаду союза, что, в конечном счете, невыгодно никому. К сожалению, автор не учитывает здесь тот факт, что подобное решение верно лишь для ситуаций с высокой степенью неопределенности (к каким и применяется теория игр), тогда как при некотором уровне взаимного доверия принуждение оказывается излишним. В итоге, априорная необходимость принуждения остается недоказанной. Как представляется, она и не может быть доказана, поскольку норма о принудительном объединении так же относительна, как и другие нормы.

Штаммлер убедительно показал, что общество не может основываться на одних только конвенциональных правилах поведения. Однако, как было сказано нами ранее, Штаммлер не оправдал право как внешний регулятор перед произволом таким же образом, как он обосновал его перед конвенциональными правилами. С одной стороны произвол, как и конвенциональные правила, относится не ко всем людям (исключение – это сам творящий произвол). С другой стороны, эта аналогия не опровергает того факта, что произвол, будучи самовластным, теоретически возможен и без права. Иными словами, общество конституируется не только правом, но и произволом, и может изучаться вне правовых отношений; единственное уточнение заключается в том, что данное общество не будет включать самого правителя, в отношении которого произвольные нормы, конституирующие общество, не действуют. Представляется, что в отличие от права, которое распространяется и на его создателя, произвол вполне может наделить одну группу лиц произвольной властью над другой без ущерба для себя, тем самым разделив общество на господ и рабов. Такое общество все еще будет являться обществом по Штаммлеру, который не доказал обратное. Сказанное, однако, не умаляет данной Штаммлером критики анархизма.

Таким образом, Штаммлер один из первых выступил с глубоко продуманной научной критикой анархизма и показал априорную значимость права как социального регулятора.

2. Критика марксизма

Критика Штаммлером марксизма может рассматриваться с двух позиций: во-первых, ученый оспаривает марксистский вариант материалистического понимания истории (исторический материализм); во-вторых, он не принимает коммунистический идеал.

Марксистское понимание исторического процесса отвергается Штаммлером на основании выработанного им самим понятия общества. По мнению Штаммлера, общество – это "*создаваемое* людьми *регулирование* их взаимоотношений и всей их совместной жизни", иными словами - внешнее регулирование поведения людей. Только этот момент и делает возможным само понятие социума как особого объекта¹.

Согласно Марксу, главным фактором процесса является развитие производительных сил (трудящиеся массы людей и средства производства), которое приводит в борьбе за прибавочную стоимость к установлению качественно новых производственных отношений (отношений собственности на средства производства). Сочетание производительных сил и производственных отношений являет собой способ производства – базис общества. Базис выступает основой и первопричиной всех процессов, происходящих в обществе, определяет его надстройку. Под надстройкой понимается совокупность политических, правовых, религиозных институтов общества, а также нравственных, эстетических, философских воззрений в нём, служащих в классовом обществе господствующему классу для контроля над эксплуатируемым классом. Поскольку

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 90.

право относится к надстройке общества, оно всецело определяется существующим способом производства, то есть экономическими отношениями.

Штаммлер сразу оговаривается, что единственно верным является понимание марксизма не как учения о справедливости, а как учения об объективных законах общественного развития, независимо от того, ведут ли они к справедливому общественному строю: Маркс говорил об объективных закономерностях, а не о том, являются ли эти закономерности хорошими или плохими: "Для социального материалиста, - утверждает Штаммлер, - вообще не существует *долженствования*... Марксизм *не требует* ничего: он *констатирует* то, что есть, и стремится познать социальные процессы"¹. С этих позиций Штаммлер оценивает как "идушие мимо цели" и неубедительные все морализаторские аргументы против социализма (социализм есть рабство, он не учитывает человеческих пороков, уничтожает семью, требует огромной массы чиновников, не способен сделать всех состоятельными и т.п.). Марксизм как социальное учение противоречив, потому что партия, добивающаяся построения коммунизма, подобна той, которая добивается лунного затмения (то есть чего-то и так неизбежного)². Эта яркая критика Марксовой политической программы произвела на современников Штаммлера большое впечатление. Так, русский философ С.Н. Булгаков первоначально отвергал аргумент про лунное затмение как методологически неверный, но впоследствии был вынужден всецело согласиться с ним³. Отметим, что зачатки изложенного подхода к марксизму имелись еще у Г. Когена. Так, излагая взгляды последнего, В.А. Савальский пишет: "В чем ошибка материалистического понимания истории? Эта ошибка есть чисто логическая и только логическая. Она лежит в отрицании этической

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 47, 50-59. См. также: Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1905. С. 9.

² И. Давыдов называл эту особенность марксизма идеализмом, переодетым в материалистические костюмы века позитивизма. См. Давыдов И. Указ.соч. С. XIX.

³ См.: Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. Ср. стр. 32 и 290.

проблемы в теории и признании ее на практике"¹. В последующем аналогичные штаммлеровским мысли о противоречивости марксизма развивал Г. Радбрух, утверждая, что "экономическая теория [К. Маркса и Ф. Энгельса] является, с одной стороны, наукой идеологической, а с другой - наукой объективно необходимой... Социализм в действительности не только прогноз, но и лозунг, не только пророчество, но и программа, не только фатализм, но и политика"².

Сказанное, однако, не отменяет того, что исходя из неокантианской философии права, разработанной Р. Штаммлером, можно методически критиковать коммунизм как учение об общественном идеале.

Ссылаясь на Платона, Канта и Наторпа, Р. Штаммлер отмечает, что базовым постулатом философии является наличие только одной объективной реальности; материализм, в свою очередь, утверждает, что эта реальность есть материя, поэтому никакой мир идей не может служить самостоятельной причиной тех или иных явлений опыта; применительно к социальной философии это означает, что основополагающей причиной всех социальных явлений будет социальное хозяйство (материя социальной жизни), через которое преломляются природные факторы, и от которого зависит возникновение идей³. Против такого материалистического постулата (направленного против дуализма и индетерминистического идеализма) Штаммлер, хотя и является представителем одной из идеалистических школ философии, не возражает, отмечая, что "определяющие основания исторических преобразований следует усматривать только в *движениях социальной материи*"⁴. Эту точку зрения он называет *социальным монизмом*⁵. При этом Штаммлер справедливо критикует аргументы против марксизма, призванные показать, что социальные процессы обусловлены

¹ Савальский В.А. Указ. соч. С. 233. Автор анализирует здесь работу Когена "Ethic des reinen Willens".

² Радбрух Г. Указ. соч. С. 31, 33.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 29-33. Там же. С. 69-74.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Указанную точку зрения целиком разделял С.Н. Булгаков. См.: Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 70.

также религиозными (крестовые походы), политическими (превращение пашни в пастбище ввиду политических устремлений лендлордов) и другими неэкономическими причинами. Сами эти причины, пишет Штаммлер, обусловлены, в конечном счете, экономикой в том смысле, что материя первична. Постулат же о первичности материи не может быть опровергнут на основе частных фактов, поскольку является методическим приемом обработки этих фактов.

Однако Маркс идет дальше, полагая, что все общественные явления определяются типом производственных отношений, выражающих отношения собственности на средства производства, и их соотношением с производительными силами. Таким образом, объектом критики Штаммлера является не материалистическое понимание истории, а только марксистский его вариант. По мнению ученого, Маркс первый ввел материалистический принцип в понимание истории, но его оригинальное учение требует доработки¹.

Штаммлер называл марксистское понимание истории непродуманным, так как "оно не выясняет, *какую степень необходимости* оно признает за грядущими преобразованиями права"². Марксизм склонен придавать своим выводам характер непреложной необходимости, но таковая не подтверждается опытом, да и не может быть установлена, так как "социальная закономерность не может обосновываться на такой зыбкой почве, как вопрос силы"³. В сфере социальной жизни, по мнению Штаммлера, вообще невозможно установление каких-либо непреложных закономерностей, которые бы основывались на причинно-следственной связи. Социальные феномены слишком сложны, обусловлены множеством самых различных причин, и, в конечном итоге, сознательной деятельностью людей, которая в причинном отношении означает высшую нервную деятельность головного мозга. Именно поэтому выводы о ходе истории, которые следуют из учения Маркса, не могут считаться необходимыми, то есть

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 37.

² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 27.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 89.

называться законами. Закономерность в сфере социальной жизни может быть лишь телеологической.

Но главное возражение в адрес марксизма у Штаммлера состоит в том, что если экономика является материей социальной жизни, то право – это ее форма¹, поэтому связь между экономикой и правом нельзя рассматривать как связь причины и следствия – это связь материи и формы.

Так, производственные отношения (отношения собственности на средства производства) уже предполагают право, так как собственность это и правовой институт. Штаммлер пишет: "тот же *Маркс* в своей полемике против *Прудона* говорит, что в производственных отношениях мы имеем дело с *отношениями собственности* в их известном реальном осуществлении. Если это так, тем самым он осуждает и отвергает свое образное выражение о юридической надстройке, якобы возвышающейся "над отношениями собственности": ведь всякое понятие собственности только и возникает при условии впервые его конституирующей правовой нормы"².

Производительные силы (средства труда, орудия труда, человеческий труд) есть лишь возможность определенного производства, и сами по себе не подлежат социально-научному исследованию; общественное же производство предполагает внешнее регулирование. "Само собой разумеется, вполне допустимо рассматривать хозяйство известной группы людей *исключительно с естественно-научной, технической* точки зрения. Можно описывать плодородие страны и искусство ее обитателей – и только. Возможно изучать технику земледелия с той точки зрения, как следует добывать из земли наилучшие и изобильные средства для поддержания жизни и для наслаждения. Можно давать наставления относительно производства орудий труда, сооружения машин; можно показать, какова их производительность в области производства и торговли. Всегда можно поставить целью своего исследования вопрос о бережливом ведении хозяйства и о возможно большем и совершенном удовлетворении человеческих потребностей с

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 234.

² Там же. С. 217.

наименьшей затратой сил. Но эти вопросы естествознания и его технического применения лежат совершенно за пределами... политической экономии"¹. Таким образом, в отсутствие внешнего регулирования производительные силы являются предметом естественных и технических, но не социальных наук. Так, единоличное хозяйство Робинзона Крузо можно изучать только с естественнонаучной (технической) точки зрения, социальным хозяйством оно не является.

То же самое касается понятия способа производства (по Марксу, единство производственных отношений и производительных сил). Так, "понятие капиталистического способа производства только и возможно при условии вполне определенного социального регулирования, в частности, в виде частной собственности на средства производства и свободного договора найма, и только на этой основе он может получить дальнейшее детальное развитие. Исчезает эта предпосылка, - и названное понятие вообще теряет всякий смысл"². Способ производства, как убедительно показывает Штаммлер, это ни что иное, как "*особая форма внешним образом урегулированного сотрудничества*"³, то есть способ производства образуется правом.

Таким образом, Р. Штаммлер вскрыл недостатки основных категорий, положенных К. Марксом в основу материалистического понимания истории. Маркс сам пишет: "Негр есть негр. Только *определенные отношения* делают его рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для пряжи хлопка. Только определенные отношения делают ее *капиталом*... Капитал есть *буржуазное производственное отношение*...". "Это совершенно правильно, - отмечает Штаммлер. - Оставалось сделать еще один только шаг, чтобы достигнуть ясности относительно основного условия *социального познания* вообще. Этим необходимым условием было *определенное внешнее регулирование* совместной

¹ Там же. С. 203. О производительных силах см. также: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907. С. 75, 77.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 255.

³ Там же. С. 268.

жизни людей"¹. Экономических категорий, которые не предполагали бы это условие, вообще не существует².

Главный вывод, который делает Штаммлер из вышеприведенной критики марксизма, заключается в том, что право (форма) является не надстройкой, а логическим *prius*'ом социального хозяйства (материи), без него в принципе не мыслим базис общества, следовательно отношение между правом и экономикой является отношением формы и материи, а не следствия и причины. Категории причины и следствия здесь в принципе неприменимы.

Называя материей социальной жизни социальную экономику (хозяйство) и определяя ее как совместную деятельность людей, направленную на удовлетворение их потребностей, Штаммлер, очевидно, на основе вышеприведенной критики основных марксистских категорий, придерживается иной трактовки экономического детерминизма, иного взгляда на "базис" (для Штаммлера это социальная материя)³. Базис перестает противопоставляться надстройке, эти категории в принципе исчезают, остаются лишь категории формы и материи. За это Штаммлера критиковал М. Вебер, полагавший, что форма должна противопоставляться содержанию, а не материи, и что Штаммлеру следовало бы лучше обосновать преимущество своих категорий перед марксистскими⁴. Вебер не принимал штаммлеровского определения общества как внешним образом урегулированного сотрудничества людей. По нашему же мнению, данное определение заслуживает внимания, и может быть положено в основу критики марксистского учения. Различия между материей и содержанием при этом вторичны и не влияют на существование позиции Штаммлера.

Необходимо отметить то, на чем Штаммлер не акцентирует внимания: согласно логике мыслителя формой социальной жизни является не право, а внешнее регулирование как таковое, в том числе конвенциональные правила;

¹ Там же. С. 216

² Там же. С. 219.

³ См., напр., упоминание о базисе в: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правопедения. М., 1908. С. 21.

⁴ Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 201-202.

другое дело, что право априори присутствует в любом обществе, в то время как без конвенциональных норм понятие общества вполне может обойтись. Следовательно, экономика немыслима не только без права, но и без внешних правил поведения в принципе.

Стремясь показать логическое первенство права перед экономикой, Штаммлер замечает, что если форму можно изучать в отрыве от материи, то материя без формы просто немыслима. На практике же форма и материя неразрывны, являясь частью единого мира, поэтому справедливо утверждение: "Правовой порядок и экономический строй – безусловно одно и то же"¹.

Таким образом, логическое первенство права над экономикой не означает, что юридические идеи, а не экономика, в конечном счете направляют ход истории; не означает это и того, что право появилось раньше экономики. Логический *prius* права означает лишь, что экономических категорий, которые не предполагали бы определенного социального регулирования, не существует². Смена права влечет за собой изменения в экономике, но это не каузальное внешнее воздействие одного объекта на другой, а воздействие формы на материю; каузально только сама материя влияет на материю³.

Очевидно, что приведенное соотношение права и экономики есть прямое следствие данных Штаммлером понятий общества, права и экономики (социального хозяйства), которые могут подвергаться и подвергались критике. Однако это не отменяет глубину теоретической разработки Штаммлера, вскрывающей многие недостатки марксизма. Как отмечалось в зарубежной литературе, Штаммлер более справедлив по отношению к марксистской теории, чем другие ее критики, поскольку хотя и находит ее незаконченной и не до конца продуманной, но высоко ценит ее изначальный посыл – стремление на основе материалистической философии выявить закономерность социальной жизни⁴.

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907. С. 208.

² Там же. С. 232-233, 219.

³ Там же. С. 238-239.

⁴ Seligman Edwin R.A.. The Economic Interpretation of History. // Political Science Quarterly. Vol. 17, No. 2 (Jun., 1902). P. 305 (footnote).

М. Вебер считал недостатком правового учения Штаммлера то обстоятельство, что последнее только показало незавершенный характер марксизма, но не опровергло его¹. Вебер не разделял систематического метода Штаммлера и полагал, что тезис об обусловленности всех социальных явлений хозяйством должен основываться на множестве конкретных фактов, которые только и делают простую гипотезу научной теорией². По нашему же мнению, независимо от того, правильна теория Штаммлера о соотношении права и хозяйства или нет, рассмотрение явлений так или иначе предполагает некоторый логический *prius*, поэтому идея систематического метода имеет свой смысл; критика же учения Штаммлера должна осуществляться через анализ понятий общества, хозяйства и права.

Помимо этого Вебер, критикуя Штаммлера, неоднократно подчеркивал, что право следует рассматривать как одну из причинных детерминант социального поведения, так как нормы права подразумевают возможность психического и физического принуждения в случае их несоблюдения и тем самым воздействуют на сознание людей³. Эта критика вновь обусловлена несогласием Вебера со штаммлеровским определением общества.

Русский философ С.Н. Булгаков первоначально также выступал против выдвинутого Штаммлером взгляда на соотношение права и хозяйства, полагая, что это соотношение укладывается в категорию причинности⁴. Но в более поздних работах он уже соглашался со Штаммлером в том, что человеческое познание носит предметный характер, право и хозяйство являются лишь понятиями, выражающими две стороны одного явления (форму и материю), поэтому некорректно выявлять их причинные соотношения⁵.

¹ Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012. P. 190.

² Ibid. 195.

³ Ibid. 223.

⁴ Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 30.

⁵ Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903. С. 53-55, 72.

По нашему мнению, по своему правы и Штаммлер, и его критики: законодатель действительно подвержен (психически и физически) причинному воздействию окружающих явлений, а другие лица, так или иначе, причинно зависят от повелений законодателя (независимо от того, можем ли мы точно проследить это воздействие); но право, олицетворяя собой некоторую совокупность эмпирических явлений (текст закона, поведение, сознание, императивно-атрибутивные эмоции людей и т.д.), может пониматься и в качестве формы *социальных* явлений. Автономность этой формы возможна, если рассматривать право как априорное воление, однако, как и любое человеческое воление, оно может рассматриваться с точки зрения психологической причинности. Штаммлер, в любом случае, показал некорректность понимания права как следствия экономических феноменов и недопустимость смешения тенденций и закономерностей.

В заключение хотелось рассмотреть соотношение учений Штаммлера и Маркса в аспекте, которому в научной литературе не уделяется должного внимания. Штаммлер утверждает, что марксизм следует рассматривать исключительно как учение о материалистическом понимании истории, а не о социальном идеале. С другой стороны, если рассматривать марксизм как учение об идеальном общественном строе – коммунизме – то он, исходя из философии Штаммлера, также оказывается несостоятельным, но только теперь не только с точки зрения соотношения права и экономики, но и с точки зрения учения о "правильном праве".

Штаммлер неоднократно подчеркивает, что задача философии права заключается в разработке формального критерия "правильного права", который должен прийти на место "идеальных кодексов". Иными словами, социальный идеал представляет собой только "путеводную звезду", а конкретное его осуществление зависит от самых различных факторов, и не может быть единым для всех стран и времен. Между тем, коммунизм есть учение об идеальном общественном устройстве, которое было бы одинаковым для любого общества. Следовательно, данное учение, по сути, повторяет ошибки школы естественного

права. Штаммлер, в частности, видит в социализме, суть которого сводится к обобществлению средств производства, лишь средство достижения идеала, годное в зависимости от обстоятельств, но никак не цель¹.

С одной стороны, коммунизм смешивает необходимое по естественным закономерностям с идеальным (коммунизм неизбежен, и желанен), а с другой, пытается утвердить детально разработанную конструкцию социального строя в качестве идеальной.

Еще одной ошибкой коммунистической идеологии, исходя из учения Р. Штаммлера, является отрицание роли права в будущем устройстве общества. Как убедительно показал мыслитель, общество без права не существует в принципе, и уже с этих позиций идеал коммунистического общества требует уточнения.

Все эти моменты не были прямо обозначены Штаммлером, который ограничился критикой марксизма только в значении исторического материализма. Но из общего смысла и отдельных положений правового учения Штаммлера может быть развернута полномасштабная критика коммунизма. Особый интерес в этой связи представляет учение русского правоведа неокантианского направления П.И. Новгородцева об общественном идеале. Новгородцев различает абсолютный и относительный общественный идеал, по сути повторяя идею Р. Штаммлера о разграничении формального критерия справедливости (общество свободно хотящих людей мыслится немецким ученым в качестве абсолютного идеала) и соответствующего ему при конкретных обстоятельствах правильного права ("правильность" этого средства всегда относительна). Абсолютный идеал Новгородцев, подобно Штаммлеру, называет "путеводной звездой", никогда не достигаемой, но постоянно указывающей путь². Идеал коммунизма критикуется Новгородцевым в первую очередь потому, что является "утопией земного рая", изначально несбыточным общественным устройством. По мнению отечественно мыслителя, социальная философия должна отказаться от построения таких утопий, и выработать один формальный, а не содержательный идеал, с которым

¹ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Leipzig, 1922. S. 117.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. / Новгородцев П.И. Избранные труды. М., 2010. С. 420.

можно будет соизмерять те или иные содержания общественной жизни. Таким образом, мы видим, что идеи Р. Штаммлера о правовом идеале нашли свое развитие в трудах других ученых в аспекте критики коммунистической идеологии.

Н.Н. Алексеев предлагал различать эзотерическое (внутреннее, связанное с разработкой неокантианского критицизма) и экзотерическое (внешнее, связанное с критикой марксизма и анархизма) значение философии Штаммлера. И если первое Алексеев, соглашаясь с многими другими критиками Штаммлера, признавал несостоявшимся, то второе, напротив, особо выделял¹, утверждая, что в этой области даже ошибочные взгляды Штаммлера "живут в современной социальной философской мысли" и без их изучения невозможно уяснить себе проблемы социальной философии и сколько-нибудь удовлетворительно в них разобраться².

Критика Штаммлером марксизма и анархизма имеет своим следствием то, что социальный вопрос оказывается у мыслителя вопросом правильного права, то есть надлежащим образом устроенного позитивного права. Именно поэтому социальный идеал есть, прежде всего, правовой идеал (социум без права не существует), хотя формула правового идеала может быть распространена и на другие внешние правила поведения.

¹ Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера. // Вопросы философии и психологии. № 1 (96). Январь-февраль 1909. С. 3.

² Там же. С. 26.

Заключение

Правовое учение Рудольфа Штаммлера представляет собой, безусловно, выдающийся вклад в развитие мировой правовой мысли. Для своего времени это было явно прогрессивное учение, которое подтолкнуло философию и теорию права к интенсивному развитию.

Так, идея "естественного права с изменяющимся содержанием" прочно вошла в научный оборот. На ее основе, в частности, П.И. Новгородцевым была разработана концепция абсолютного и относительного общественных идеалов. В той или иной степени эта идея проявляется во многих западных правовых теориях естественно-правового толка XX века. Неокантианская методология построения правового идеала до сих пор сохраняет свою актуальность. Одним из проблемных аспектов данной методологии является соотнесение абстрактного, формального идеала с действительностью. Штаммлер предпринял попытку решить указанную проблему ступенчатой конкретизацией идеи правового идеала – "общества свободно хотящих людей" – через принципы "правильного права" (принципы уважения и принципы участия), прообраз правильного права ("концентрические круги" субъектов права) к реальным правоотношениям. Тем самым Штаммлер одновременно разъяснил саму формулу правового идеала.

Правовой идеал не должен отождествляться с "народным духом", с национальными особенностями, моральными устоями и обычаями общества, его нельзя определять через классовую мораль или через чувство справедливости судьи или иного правоприменительного органа. Правовым идеалом не может быть утилитаризм, так как он не предоставляет критерия распределения благ между членами общества. Также правовой идеал не должен сводиться к безграничной свободе или к имущественному равенству. Важным элементом правового идеала является, однако, равенство возможностей.

Одновременно Штаммлер стоит у истоков нормативизма, предложив новое понимание права, которое не сводилось у него к простому "приказу суверена", к государственной воле и т.п. Так, представляется заслуживающим внимания

предложенное Штаммлером разграничение права, произвола, конвенциональных норм и нравственности, а также права и силы. Выработанное мыслителем понятие права как ненарушимого самовластного социального воления, хотя и дискуссионно (как и всякое определение права), но, как минимум, показывает некоторые характерные черты права как явления. Систематическое исследование данного понятия ставит новые вопросы, касающиеся основных категорий теоретической науки о праве.

Р. Штамллера по праву можно назвать основоположником неокантианской философии права и научного течения "возрожденного" естественного права. Благодаря различению систематического и генетического методов исследования он показал возможность общезначимых определений права и правового идеала. Разграничение указанных методов представляется продуктивной научной разработкой, которая может быть применена и в наше время. В свою очередь правовое учение Р. Штамллера ценно тем, что показывает применение систематического метода в отношении понятия права, а также такой оценочной категории, как справедливость.

Высоко следует оценить предложенную Штаммлером критику марксизма и анархизма. Безусловно, в этой критике можно найти свои проблемные моменты, но они не влияют на ее суть. Любое экономическое явление, так или иначе, логически предполагает внешнее регулирование, поэтому отношения между правом и экономикой необходимо рассматривать как отношения формы и содержания, а не следствия и причины, базиса и надстройки. Материалистический подход к пониманию истории, поэтому, должен быть сохранен, но по сравнению с марксизмом существенно доработан. Любое общество, так или иначе, логически подразумевает самовластное внешнее регулирование, поэтому анархизм, отвергающий правовое принуждение, выбивает почву сам из-под себя. Конвенциональное регулирование возможно только в рамках базовых правовых установлений. Общественный идеал, вопреки коммунистической идеологии, не может выражаться в описании совершенного общественного устройства, которое имело бы одинаковое значение для всех стран и времен.

Наконец, представляется значительным вклад Штаммлера в разработку методологии социальных наук. Несмотря на то, что ученый нигде не привел подробной классификации наук, его взгляды, обусловленные необходимостью экспликации места правовой науки в общей системе, несомненно, представляют интерес. Вопросы методологии социальных наук остаются дискуссионными и сегодня, но, тем не менее, можно констатировать, что Штаммлером, по крайней мере, обосновано поставлена проблема применения причинно-следственного объяснения к социальным явлениям и возможности вывода на этой основе общезначимых закономерностей социума. Штаммлер не без оснований обозначил соответствующие выводы лишь "тенденциями", а не "законами", тем самым подчеркнув их особый характер. Представляется заслуживающим внимания предложенное Штаммлером понятие общества как создаваемое людьми внешнее регулирование их взаимоотношений и совместной деятельности по удовлетворению потребностей.

Центральное место в правовом учении Р. Штаммлера, как представляется, занимает его теория правового идеала. Философ верно утверждает, что точно так же, как причинность является условием всякого опыта, свобода – это условие всякого суждения о должном. Ученый, однако, не уточняет, что в той же степени свобода является условием всякого суждения об истинном и прекрасном. Кроме того, у Штаммлера не выражена отчетливо та мысль, что категорию должностования следует противопоставлять не истине, а необходимости. Наконец, заслуженной критике подвергся в науке и тезис мыслителя о том, что с точки зрения причинности мы познаем только прошлые и настоящие, но не будущие действия. Тем не менее, основанный на кантианском разграничении мира природы и царства свободы, причины и цели, и преобразованный в разграничение категорий восприятия и воления, используемый Штаммлером подход, утверждающий независимость правового идеала от каких-либо эмпирических обстоятельств, по нашему мнению может и должен развиваться, дискутироваться, совершенствоваться в современной философии права. В связи с

этим изучение трудов Р. Штаммера приобретает особую роль, так как обеспечивает преемственность в развитии науки.

Взгляды Штаммера подвергались жесткой критике со стороны представителей научного сообщества (как немецкого, так и российского), однако, по нашему мнению, бóльшая часть указанной критики была несправедливой и необоснованной¹. Зачастую она была обусловлена лишь сложностью языка, на котором излагал свои мысли ученый, а также не совсем удачным словоупотреблением. Но на суть учения это словоупотребление не влияет, что еще раз подчеркивает важность тщательного исследования научного наследия Р. Штаммера.

¹ Аналогичный вывод сделал М. Вэнн, который указывал, что современная Р. Штаммеру критика его учения в значительной мере основывалась на недопонимании последнего. Wenn M. *Op. cit.* S. 183.

Список литературы

Литература и периодические издания:

1. Алексеев Н.Н. Естественное право и историзм. // Вопросы права. - 1911. - Кн. 5 (1).
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999.
3. Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера. // Вопросы философии и психологии. - Январь-февраль 1909. - № 1 (96).
4. Асмус В.Ф. Кант Иммануил. М.: Наука 1973.
5. Белов В.Н. Кант и Конституция РФ. // Кантовский сборник. -2014. - №3 (49).
6. Белов В.Н. Основоположения нравственной философии И. Канта и Вл. Соловьева. // Кантовский сборник. - 2013. - №3 (45).
7. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб.: Электрическая типография, 1901.
8. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999.
9. Борщ И.В. Русская наука церковного права в первой половине XX века: поиск методологии. Москва: URSS, 2008.
10. Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб: Типография Товарищества "Общественная польза", 1903.
11. Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб: Типография Товарищества "Общественная польза", 1903.
12. Булгаков С.Н. О социальном идеале. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб: Типография Товарищества "Общественная польза", 1903.
13. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб: Типография Товарищества "Общественная польза", 1903. (Вступ. к сбор.).

- 14.Булгаков С.Н. Хозяйство и право. // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб: Типография Товарищества "Общественная польза", 1903.
- 15.Васильев В.В. Неуловимая свобода. Проблемы оснований этической системы Канта. // Философская этика и нравственное богословие. М.: Христианская жизнь, 2003.
- 16.Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1892.
- 17.Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания. // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- 18.Виндельбанд В. Иммануил Кант. // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994.
- 19.Виндельбанд. В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994.
- 20.Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994.
- 21.Виндельбанд. В. Прелюдии. // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994.
- 22.Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
- 23.Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- 24.Гамбаров Ю.С.Право в его основных моментах.//Правоведение.-1995.-№4-5.
- 25.Гессен В.М. Возрождение естественного права. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного дела Е. Евдокимов, 1902.
- 26.Гессен И.В. Искания общественного идеала. Берлин: Слово, 1922.
- 27.Гилье Н., Скирбекк Г., История философии. Введение в философские корни современности. М.: Владос, 2008.

28. Гурвич Г.Д. Проф. П.И. Новгородцев как философ права: [Некролог] // Современные записки. - 1924. - Кн. XX.
29. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права. / Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2004.
30. Давыдов И. Предисловие к: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб.: Начало, 1907.
31. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: "Марбург" в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007.
32. Жуков В.Н. Право как ценность. // Государство и право. - 2010. - №1.
33. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М.: Юрлитинформ, 2013.
34. Жуков В.Н. Философия права П.И. Новгородцева. М.: Юридический институт МИИТа, 2004.
35. Ильин И. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. М.: Русская книга, 2001.
36. Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. М.: Наука, 2003.
37. История политических и правовых учений: учебник для вузов. / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2001.
38. История политических и правовых учений: учебник для вузов. / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 1997.
39. История философии: Запад – Россия – Восток. Книга третья: Философия XIX – XX вв.: Учебник для вузов / Под ред. Н.В. Моторошиловой, А.М. Руткевича. М.: Академический проект, 2012.
40. Кант И. Метафизика нравов. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007.
41. Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007.
42. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: ИД "Алеф-Пресс", 2015.

43. Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
44. Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
45. Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
46. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
47. Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
48. Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
49. Кистяковский Б.А. "Русская социологическая школа" и категория возможности при решении социально-этических проблем. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
50. Кролик А.А. Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции. СПб: Типография М. Меркушева, 1913.
51. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД "Зерцало-М", 2002.
52. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1979. Т.46.
53. Липень С.В. Доводы «За» и «Против» расширения свободы судебного усмотрения в юриспруденции дореволюционной России: две системы научной аргументации // Юридическая техника. - 2013. - №7-1.
54. Липень С. В. Идеи установления и преодоления пробелов в праве в отечественной юридической науке второй половины XIX начала XX вв // Актуальные проблемы экономики и права. - 2012. - №3 (23).
55. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.

56. Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М.: Юрлитинформ, 2013.
57. Наторп П. Кант и Марбургская школа. / Избранные работы. М.: Территория Будущего, 2006.
58. Немирова Н.В. Особенности зарождения неокантианства в России. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2007. - №24.
59. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. // Вопросы философии. – 2002. - N 3.
60. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 1997.
61. Никулина О.В. Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман. // Вестник Нижневартковского государственного университета. - 2008. - № 2.
62. Новгородцев П.И. Государство и право. // Вопросы философии и психологии. - 1904. - №4(74).
63. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М.: Университетская типография, 1901.
64. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. / Новгородцев П.И. Избранные труды. М: Росспэн, 2010.
65. Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. // Вопросы философии и психологии. – 1901. - Кн. 57 (II).
66. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. / Манифесты русского идеализма. М.: Астрель, 2009.
67. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. / Новгородцев П.И. Избранные труды. М.: Росспэн, 2010.
68. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М.: Раритет, 1995.

- 69.Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник. - 1913. - Кн. 3.
- 70.Новгородцев П.И. Современное положение проблемы естественного права. // Юридический вестник. - 1913. - Кн. 1.
- 71.Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908.
- 72.Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Юридический вестник. - 1913. - Кн. 2.
- 73.Плеханов Г. Основные вопросы марксизма. М.: Кооперативное издательство "Московский рабочий", 1922.
- 74.Позитивизм. // Новая философская энциклопедия ИФ РАН. [Электронный ресурс] <http://iph.ras.ru/elib/2350.html>
- 75.Покровский И.А. "Справедливое право" Рудольфа Штаммлера (литературное обозрение книги: Stammer R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902). // Вестник права. - 1904. - Кн. 2.
- 76.Поляков А.П. Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Л., 1987.
- 77.Поляков А.В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания. / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: ИД "Алеф-Пресс", 2014.
- 78.Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24а. СПб.: АО "Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон", 1898.
- 79.Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
- 80.Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях (учебное пособие). М.: Проспект, 2011.
- 81.Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010.
- 82.Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М.: Соцэкгиз, 1938.

- 83.Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909.
- 84.Савельев В.А. Теория "возрожденного естественного права" в учении П.И. Новгородцева. // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI-XIX вв. М.: РИО ВЮЗИ, 1979.
- 85.Садохин А.П. Концепции современного естествознания. М.: Юнити-Дана, 2006.
- 86.Слинин Я.А. Этика Иммануила Канта. // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007.
- 87.Соловьев В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990.
- 88.Соловьев К.А. Павел Иванович Новгородцев. // Новгородцев П.И. Избранные труды. М.: Росспэн, 2010.
- 89.Спиноза Б. Политический трактат. // Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1957.
- 90.Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический проект, 2012.
- 91.Струве П. Свобода и историческая необходимость. // Вопросы философии и психологии. – 1897 (год VIII) - Кн. 1 (36).
- 92.Томсинов В.А. Английский Билль о правах 1689 года: политико-правовой комментарий // Правоведение. - 2010. - № 1.
- 93.Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Либроком, 2012 [Репринт. 1917].
- 94.Трубецкой Е.Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля. // Вопросы философии и психологии. - 1902. - Кн. 1 (61).
- 95.Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М.: Наука, 1971.
- 96.Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития. Краснодар: Краснодарский

филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, 2000.

97. Фролова Е.А. Методология науки о праве в отечественных неокантианских учениях. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №9.
98. Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева. // Государство и право. - 2012. - №5.
99. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М.: Юрлитинформ, 2013.
100. Фролова Е. А. Политическое и правовое учение П. И. Новгородцева: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. М., 1996.
101. Фролова Е.А. Правовая теория И. Канта. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №7.
102. Фролова Е.А. Правовой идеал в философии права. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2011. - №5.
103. Фролова Е.А. Принцип этического идеализма в неокантианской философии права. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №8.
104. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М.: Юрлитинформ, 2015.
105. Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины "возрожденного" естественного права. // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №2.
106. Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета Серия 11. Право. - 2013. - №2.
107. Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект). // Государство и право. - 2015. - №1.
108. Фролова Е.А. Философия права неокантианства в России (конец XIX – начало XX вв.). // Право и государство: теория и практика. - 2013. - №1.
109. Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства. // Государство и право. - 2013. - №7.

110. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Дело, 2015.
111. Хёффе. О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994.
112. Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М.: Праксис, 2007.
113. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988.
114. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4-х вып. М.: Изд. Братьев Башмаковых, 1910-1912.
115. Штаммлер Рудольф // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969—1978. [Электронный ресурс] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/152201/Штаммлер>
116. Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев: Типография Петра Барского, 1904.
117. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1908.
118. Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М.: Типо-литография товарищества Н.Н. Кушнерев и Ко, 1906.
119. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1 СПб.: Начало, 1907.
120. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб.: Начало, 1907.

Литература на иностранных языках:

1. Albertsworth E. F. Program of Sociological Jurisprudence. // American Bar Association Journal. 1922. Vol. 8, No. 7 (July).
2. Albrow M. Introduction to: Weber. R. Stammmler's "surmounting" of the materialist conception of history, Part 1. // British Journal of Law and Society. 1975. Vol. 2, No. 2 (Winter).

3. Binder J. Rechtsbegriff und Rechtsidee. Aalen: Scientia-Verlag, 1967 (Leipzig, 1915).
4. Borchard E. M. Jurisprudence in Germany. // Columbia Law Review. 1912. Vol. 12, No. 4 (April).
5. Breuer I. Der Rechtsbegriff auf Grundlage der Stammlerischen Sozialphilosophie. Berlin: Reuther & Reichard, 1912.
6. Claessen H. Rudolf Stammers Bedeutung für die Theorie des Naturrechts und den Gedanken des Aequitas. Köln 1968.
7. Cohen M.R. Recent Philosophical-Legal Literature in French, German and Italian (1912- 1914). // International Journal of Ethics. 1916. Vol. 26, No. 4 (July).
8. Cohn L. Das objektiv Richtige. Vaduz/Liechtenstein: Topos Verlag A.G., 1978.
9. Dirsch F. Solidarismus und Sozialethik. Ansätze zur Neuinterpretation einer modernen Strömung der katholischen Sozialphilosophie. Berlin: LIT Verlag, 2006.
10. Kraemer H. Rudolf Stammers Sozial-Philosophie. Charlottenburg: O. Günter, 1907.
11. Kotowitz B. Die Sozialphilosophie Rudolf Stammers. Einflüsse und Auswirkungen. München, 1973.
12. Mayer M.E. Rezension zu: "Stammler, Rudolf. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin: Guttentag, 1902, 647 S". // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Bd. 46 = 3. F. Bd. 10. 1905.
13. Müller C. Die Rechtsphilosophie des Marburger Neukantianismus. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1994.
14. Rechts- und politikphilosophische Denker: Rudolf Stammler, Rudolf Joerges, Gustav Boehmer und Ottomar Wichmann (Philosophisches Denken in Halle: Personen und Texte, Bd. 5) / bearb. und hrsg. von I. Kloos in Verbindung mit R. Meyer. Halle: Medienwerker - Prius Schenk Verlag, 2006.
15. Pound R. The scope and purpose of sociological jurisprudence. // Harvard Law Review. 1911. Vol 25. No. 2. (December).
16. Radbruch G. Vorschule der Rechtsphilosophie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1947.

17. Sabine G. Rudolf Stammler's Critical Philosophy of Law. // Cornell L.Rev. – 1933 Vol. 18. №321. (April).
18. Stammler R. Begriff und Bedeutung der Volonté Générale bei Rousseau// Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 1. Charlottenburg, 1925.
19. Stammler R. Besprechung von F. Tönnies, Gesellschaft und Gemeinschaft, 1890. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 1. Charlottenburg, 1925.
20. Stammler R. Besprechung von Wielkowsi G.A.: Die Neukantianer in der Rechtphilosophie. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925.
21. Stammler. Der Krieg und das Recht. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925.
22. Stammler R. Der Richter. Halle: Halle an der Saale (Univ.-Verl. Halle-Wittenberg), 2014.
23. Stammler R. Lehrbuch der Rechtphilosophie. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1922.
24. Stammler R. Der Rechtsstaat. Notwendige Ziele des Rechtes und der Rechtswissenschaft. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925.
25. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin: J. Guttentag, 1902.
26. Stammler R. Recht und Kirche. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925.
27. Stammler R. Recht und Macht. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 2. Charlottenburg, 1925.
28. Stammler R. The idea of justice. // University of Pennsylvania Law Review. – 1923. - Vol. 71. No.4. (May).
29. Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses, 1911.
30. Stammler R. Über die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie. // Rechtphilosophische Abhandlungen und Vorträge. Bd. 1. Charlottenburg, 1925.

31. Strüh R. Grenzlinien zwischen Recht und Sitte. Untersuchungen von Rechtsphilosophie von R. Stammler, J. Binder, G. Radbruch und W. Sauer. Bielefeld, 1953.
32. Weber M. Addendum to the Essay on Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012.
33. Weber M. Rudolf Stammler's "overcoming" of the materialist conception of history. // Weber M. Collected methodological writings. Routledge, 2012.
34. Wenn M. Juristische Erkenntniskritik. Zur Rechts- und Sozialphilosophie Rudolf Stammlers. Baden-Baden: Nomos, 2003.
35. Wielikowski G.A. Stammlers Rechtsphilosophie. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1913.